

О.Т. Самосова

*Осталось жить,
чтоб вспомнить*

16+

Ольга Григорьевна САТОСОВА

Осталось жить, чтоб вспоминать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54068506

SelfPub; 2020

Аннотация

История первой любви русской студентки и студента из Ливана длиною в жизнь. Героиня пронесла эту любовь через всю свою жизнь, несмотря на горе и несчастья, боль, страдания, коварство и предательство близких. После расставания героиня 33 года верила, что когда-то она снова встретит свою любовь и узнает, что или кто был причиной разрыва их отношений. Это автобиографический роман. Все события в произведении, все герои – это реально существующие люди. Даже невероятные события в жизни, пророческие сны и предвидения, которые не раз изменяли повороты судьбы героини – не вымысел автора, а реальность.

Посвящается моему любимому человеку – Aref Merhi Daher
عارف مرعي ضاهر

*Вся наша жизнь теперь в прошлом,
Всё лучшее осталось в нём.
Так что от будущего ждать?
Осталось жить, чтоб споминать*

ГЛАВА 1. ПРЕДИСЛОВИЕ.

Какой сегодня сумасшедший и суматошный день!

Ленуля, моя единственная и любимая дочурка, уже со вчерашнего вечера и с сегодняшнего утра звонит мне по телефону и спрашивает, а не забыла ли я то, а не забыла ли я это...

А я сейчас подумала про себя, даже если бы я в самый последний момент забыла или просто оставила свой чемодан с вещами и подарками, всё равно я взяла бы с собой всё самое главное и необходимое – это СЕБЯ. Я бы взяла свою любовь и всё то, что я хранила и берегла в своём сердце и в своей памяти для того человека, к которому я сейчас лечу... спустя ... даже страшно подумать и произнести вслух ...спустя 33 года.

Сегодня 3 мая 2010 г.

Я этого дня ждала всю свою долгую жизнь.

Я знала, я своим трезвым умом понимала— я ведь нормальная женщина, а не сумасшедшая фантазёрка, что "такого" не может быть, потому что "такое" в жизни не бывает... Несмотря на явные, очевидные факты реальной действительности я всё же продолжала надеяться и верить, что когда-нибудь наступит час и день, когда я снова увижу ЕГО, своего любимого человека.

Для чего я решила написать эту грустную повесть или роман о своей истории любви?

Наверное, для того, чтобы дать хоть каплю надежды тем женщинам и мужчинам, которые в своё время, в молодости, в зрелом возрасте или даже в свои школьные годы, потеряли или оставили свою любовь, а потом всю жизнь жалели об этом ...

Мой рассказ и для тех, кто предал свою любовь, расстался со своей любимой или любимым, а потом всю жизнь казнил себя за это.

Если бы я писала сценарий своего романа для фильма, то, скорее всего, мой фильм начинался бы с трассы, по которой мы ехали в аэропорт. Затем появился бы зал отправления в аэропорту Санкт-Петербурга, в «Пулково I», где бы моя дочь Лена и её бывший (а в данный момент снова "действующий") boyfriend Слава провожали меня на рейс до Москвы, где потом я должна была пересесть в аэропорту «Шереметьево», на Терминале "F", на другой рейс до Бейрута.

Итак, мы едем втроём по КАДу на машине Славы, а у ме-

ня такое ощущение, что я всё же что-то забыла дома. Я судорожно начинаю искать в новой сумочке, которую специально купила для этой поездки 4 месяца тому назад, свой сотовый телефон и не нахожу его.

– Стоп машине! – говорю я Славе. – Кажется, я забыла свой новый телефон дома.

– Мама, ты лучше посмотри, – советует мне дочь.

– Куда уж лучше! Я уже всю сумочку перетрясла, в ней столько много потайных отделов и кармашков! Но я помню, что за несколько минут до вашего приезда ко мне я перекладывала всё содержимое из старой сумки в новую сумочку, и у меня в руках был телефон.

– Посмотри ещё раз, – настаивает дочь.

– Всё же нам придётся возвращаться обратно, хотя это плохая примета, – говорю я, давая понять Славе, что нам надо делать разворот на КАДе на 180 градусов.

Слава нервничает и начинает соображать, где и как съехать с КАДа.

– Неужели нам придётся доехать до самого аэропорта и только там развернуться? – с ужасом я озвучиваю вслух свою мысль.

Но тут мою дочь осеняет замечательная мысль, что с ней редко случается.

– Мам, а давай я тебе по своему сотовому позвоню, и мы узнаем, где твой телефон.

– Какая ж ты у меня умница! Как мне самой раньше эта

мысль не пришла?

– Да потому, что ты уже всеми своими мыслями не здесь, а там, в Ливане.

Лена набирает мой номер телефона, и мы слышим слабый, как будто идущий из-под земли, звук мелодии песни "I will survive" в исполнении Глории Гейбл.

– Слава богу! Взяла его, родименького, – с большим облегчением вздохнула я, продолжая искать телефон в потайных кармашках сумки.

– Мама, у тебя бы не украли новый телефон в сентябре, если бы ты выехала из дома с этой сумочкой, – сказала Лена и тем самым напомнила мне тот печальный случай. Её подарок на мой День рождения, дорогой сотовый телефон с фото и видео камерой, был вытасчен у меня из сумки в транспорте воришками-карманниками ровно через неделю после Дня рождения..

– Д-а-а-а, воришкам сначала пришлось бы со мной справиться, прежде чем добраться до телефона в такой сумке.

Инцидент с телефоном был исчерпан, и нам не пришлось съезжать с КАДа.

Затем в кадре этого фильма появился бы широкий комфортабельный салон «Боинга-737», проходящие по салону самолёта и занимающие свои места согласно купленным билетам пассажиры, спующие туда-сюда красивые стюардессы в своих фирменных аэрофлотовских синих костюмчиках... шум, гам...но меня бы уже это не касалось.

Я уже не слышала ни этого людского гомона, ни речей пассажиров, говорящих одновременно на 2-х языках – русском и арабском... Правда, где-то впереди, из салона 1-го класса, доносилась английская речь... но меня здесь уже не было – я всеми своими мыслями уже была в будущем... Но это продолжалось каких-то 5-10 минут, потому что я не знала, каким будет для меня это "будущее", а фантазировать больше в своей жизни не хотелось, решила принять своё будущее таким, каким ему суждено быть.

Поэтому я опять целиком погрузилась в своё "прошлое". Это было моим привычным занятием, можно сказать, любимым времяпровождением всей моей жизни, как я уже сказала, в течение 33 лет.

Эта цифра "33" ещё не раз будет появляться на страницах моего романа.

Итак, шум в салоне «Боинга» нарастает, потому что пробный запуск авиадвигателей прошёл, мягко сказать, неудачно. Левый двигатель нашего «Боинга» зарычал, как лев, увидевший приближающийся обед в виде трепетной лани. А вот что касается правого двигателя, над которым сидел мой попутчик Виктор (уже в процессе полёта мы с ним познакомились) и я, то он тоже заревел, но как-то странно, а потом 2-3 раза «чихнул», как простуженный больной, и испустил последний дух.

Такие попытки завести синхронно оба двигателя делались экипажем неоднократно... Никто тогда в салоне не понимал

и ещё не догадывался, 'что нас ждёт впереди. А я знала...

Как мне об этом стало известно, 'что нас ждёт во время полёта рейсом Москва-Бейрут?

Мне всё это приснилось, как говорят люди, в пророческом сне накануне того дня, когда я поехала покупать авиабилеты в Центральные кассы Аэрофлота на Невском проспекте.

Этот пророческий сон приснился мне в ночь с четверга на пятницу, а точнее, с 28 января на 29-е, а уж такие сны, как считается в народе, точно сбываются.

Ну, об этом потом...Всё буду излагать в хронологической последовательности.

Ведь я собираюсь написать автобиографическое литературное произведение, в котором все действующие лица – не вымышленные герои, а реально существующие люди с их настоящими именами и фамилиями, и все описываемые мной факты и события имели место в моей жизни в тех местах и в то время, как это было на самом деле.

Будет в моём литературном произведении ещё одно, очень значимое действующее «лицо», которое трудно назвать «лицом», это «что-то» не мужского рода и не женского, а среднего рода – это чувство предвидения, экстрасенсорное чувство.

Именно это необъяснимое для меня, как и для многих смертных, чувство предвидения сыграло и продолжает играть важную, если не сказать, судьбоносную роль в моей жизни.

Если бы не это чувство предвидения, всё в моей жизни могло сложиться по-другому до 1 сентября 1986 года, а после этой даты (трагической гибели теплохода «Адмирал Нахимов») меня могло уже не быть в этом тленном мире...

В такое предвидение трагических событий мне до сих пор трудно поверить, но это случилось именно так...

И встреча с самым главным человеком в моей судьбе, которому я посвящаю эту книгу, и к которому я сейчас лечу толи на самолёте, толи на крыльях любви, тоже произошла благодаря моему чувству интуиции.

Но всё по порядку...

Итак, я сижу в кресле самолёта и, как все пассажиры, жду, когда командир экипажа по громкой связи сначала на английском, а потом на русском языках вежливо попросит пассажиров пристегнуть свои привязные ремни и подготовиться к взлёту воздушного лайнера.

Я отключаюсь от всего, что происходит в салоне «боинга» и непосредственно рядом со мной, и всеми мыслями опять, уж в который раз, погружаюсь в прошлое.

За эти 4,5 часа полёта перед моими глазами снова пролетит вся моя жизнь – юность, годы студенческой жизни, любовь и коварство, любовь и предательство, разлука, боль и страдания, нежелание жить и свести счёты с жизнью, отчаяние и затяжная, на многие годы, депрессия... Боюсь, что сердце моё уже не выдержит груз этих тяжёлых воспоминаний.

ГЛАВА 2. МОЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЮНОСТЬ

Это случилось в середине осени 1974 года. Я – студентка 5 курса факультета романо-германской филологии Кубанского Государственного университета.

Безмятежное время 4-х лет обучения уже осталось позади, а впереди – самый тяжёлый и ответственный год – 5 курс, государственные экзамены или защита диплома(на выбор)... и ты – выпускник ВУЗа престижного факультета университета.

Я училась в 510-й группе на английском отделении факультета РГФ. Нас в группе было 10 человек – 9 девочек и один мальчик, Володя Н.

Наша группа была на хорошем счету в университете, вернее, наша группа все 4 года по успеваемости занимала 1-е место на факультете РГФ и считалась на 2-м месте во всём ВУЗе после какой-то группы на историческом факультете. Ну, это ж и понятно. Видно, по каким-то «политическим» показателям мы уступали этой группе, там ведь, на историческом факультете, все студенты были убеждёнными марксистами-ленинцами, а некоторые из них к окончанию ВУЗа получили свои красные партийные билеты коммунистов СССР уже в стенах нашей ALMA MATER.

Итак, возвращаюсь к себе.

Меня можно было тогда назвать «синим чулком», хотя

я была симпатичным юным созданием, со стройной фигуркой, почти с европейскими стандартами женской фигуры – 90-55-90 при моём росте 165 см.

Как видите, в размерах моей талии я немного «подкачала», в этой области своей фигуры мне до европейского стандарта надо было ещё расти и расти. Вот только сейчас, в моём сегодняшнем возрасте, я почти дотянула до европейского стандарта – наконец-то моя талия приблизилась к отметке «60см», хотя по утрам, на голодный желудок, она упорно стремится к своим прежним показателям – 57-58 см. и никак не даёт мне почувствовать себя женщиной с идеальной фигурой.

Почему я считала себя «синим чулком»? Меня не интересовали никакие мирские радости жизни, чем интересовались почти все (не говорю, что – «все») мои сокурсники и «сорумники».

«Сорумниками» мы называли у себя на факультете студентов и студенток – «сожителей» по комнате. Это происходит от английского слова «room», что означает – «комната», вот и получалось новое слово, похожее на «сослуживец» или «соратник».

Меня в те годы интересовала только учёба, сам процесс обучения и процесс овладения знаниями.

Я понимала, что всё, что я смогу узнать и какие получу знания по своей профессии, это я смогу сделать, в основном, в течение 5 лет обучения в Вузе. Какая я выйду из стен

ALMA MATER, будет полностью зависеть от того, как я проведу и проживу эти годы обучения – напрасно или выйду с большим багажом знаний.

Надо признаться, что я окончила университет с отличием и почти все 5 лет обучения в нём получала повышенную стипендию. Если честно сказать, то нелегко было учиться на «отлично», живя не у себя дома с родителями, где тебе бы создали уют, тишину и все условия и возможности для «грызения» наук, а в студенческом общежитии, где стоял шум и гам порой весь день и даже ночью.

В общежитии жили сотни студентов, и, естественно, поскольку в году 365 дней, то каждый вечер какой-нибудь именинник (а иногда и два) отмечал свой очередной день рождения или именины.

У нас в университете и в общежитии проводились по праздникам торжественные вечера, а на Новый Год и на 8-е Марта даже устраивались в общежитии вечера с танцами, на которых иногда выступал наш любимый ансамбль, название которого я не помню, боюсь, что у него, как такового, и не было названия. В этом вокально-инструментальном ансамбле, в основном, играли ребята с нашего курса, а пел и играл на гитаре Кристофор, красавец-студент с французского отделения, в которого были влюблены почти все девчонки не только нашего курса, но и всего факультета.

Он был красивым и стройным юношей, с приятным голосом, а когда этот голос на французском и английском языках

исполнял любимые всеми хиты того времени из репертуара Сальваторе Адамо, «Beatles» или «Shocking Blue», то, слушая эти песни, наши девичьи сердца трепетали от переполнявших нас чувств.

И моё сердце, в том числе, тогда тоже «коллективно» трепетало от нахлынувших чувств и эмоций. Пожалуй, это единственные мероприятия «светских» развлечений, на которых я была, тем более не надо было никуда далеко ходить или ехать – спустился с 3-го этажа, где я жила, на 1-й – и вот тебе бал-маскарад.

В комнате (сначала это была комната № 305) со мной жили ещё 3 студентки – Оля Королихина, которая приехала в Краснодар из Туапсе. Я считала её своей землячкой, потому что я жила в Сочи, а от Сочи до Туапсе – рукой подать, какие-то 2 часа на электричке, и ты уже в Сочи или в Туапсе.

С нами ещё жила Тамара Низенко из Шостки, с Украины. Сейчас надо бы написать "из Украины", а не "с Украины", как мы привыкли говорить раньше.

Ещё одно время с нами жила Света Одоевская из Луганска. Четвёртый наш сорумник постоянно менялся из года в год, а вот Оля и Тома были моими подругами и в радости и в горе на протяжении всех лет обучения в ВУЗе.

Мы с Олей Королихиной так были похожи друг на друга, что нас порою в университете и в общежитии путали, тем более, что звали нас одинаково.

В своей 510-й группе я считалась единственной иногород-

ней студенткой, потому что все остальные в нашей группе жили дома, в Краснодаре.

Мы как-то с самого начала обучения разделились по парам и так парами дружили все 5 лет. Моей "второй половиной" в такой паре была Иришка Ярухина, высокая стройная светловолосая девушка с огромными густыми чёрными ресницами и огромными, как блюдце, сине-голубыми глазами, взгляд которых был всегда немного грустный и романтичный. У неё были золотисто-белые волосы, бархатная нежная кожа, редко подвергающаяся загару, курносый носик и полные чувственные губы.

Её красивые блондинистые волосы крупными локонами постоянно свисали до плеч и безмятежно рассыпались по спине, наверное, волнуя не одно студенческое сердце... Жаль, что мальчиков на нашем факультете было раз – два и обчелся.

Я уже сказала, что меня никто и ничто не волновало, кроме учебы, занятий английским и французским языками. Ещё я любила лекции по зарубежной литературе, и я прочитала все рекомендованные нам по программе произведения классической английской, американской, французской и немецкой литературы.

Я, вообще, за 5 лет учёбы в университете не пропустила ни одного занятия и ни одной лекции, за исключением одного случая по вине человека, о котором я собираюсь написать свой роман или повесть – это как получится.

Много раз у нас до описываемых событий на факультете или в университете проводились вечера с торжественной частью, после которой следовала вторая, заключительная, музыкально-танцевальная, на которой чаще всего знакомились молодые люди друг с другом, а потом через какое-то время состоялись студенческие свадьбы, и появлялись первые студенческие семьи. И чем ближе к окончанию ВУЗа, тем чаще мы праздновали и отмечали такие события.

Иногда наш Ректорат арендовал то или иное здание или учреждение, типа "Театр Юного Зрителя" или Дом офицеров, чтобы провести там какой-нибудь университетский вечер с торжественной частью, с концертно-развлекательной программой и с танцами "на десерт".

Нас об этом оповещали в деканате и просили студентов нашего факультета принять участие в этих мероприятиях.

Иришка часто приглашала меня пойти с ней и с другими нашими ребятами на такие мероприятия, но я, как всегда, отказывалась и предпочитала провести своё свободное время, которого было итак маловато, по-другому – залезть с ногами на постель, укрывшись пледом, и продолжить чтение очередного недочитанного произведения Фолкнера или Голсуорси.

Однажды, за 2 года до описываемых событий, я поддалась таким уговорам, и мы поехали на какой-то устраиваемый нашим ВУЗом вечер... и что...?

Произошла интересная в моей жизни встреча, которая

оставила светлый, но печальный след на всю жизнь.

С этой встречи и последовавших после неё удивительных, невероятных и необъяснимых событий в моей жизни такое понятие, как "предчувствие" или "предвидение" стало движущей, если ни сказать, "судьбоносной" силой в моей жизни.

Все последующие знаменательные встречи и события в судьбе моей происходили под непосредственным влиянием моей путеводной звезды, название которой "предвидение".

Вот так же произошло и в этот раз.

В течение 2-х лет до этого я не посещала ни одного подобного мероприятия, а тут всё разом изменилось, и я с какой-то непонятной безумной радостью быстро согласилась поехать с Иришкой на Вечер Дружбы, который проводился в День Учителя 4 октября 1974 года в здании Краснодарского политехнического института.

Накануне этого знаменательного дня я проходила мимо нашего деканата и увидела, что около дверей деканата толпились и шумели почти все старосты наших групп.

Я спросила Иришку:

– Ира, ты не знаешь, зачем собрались "наши" у деканата?

– А кто именно? – в ответ меня спросила Иришка.

– По-моему, там все наши старосты групп... Видно, какое-то сообщение для нас будет, ведь послезавтра День Учителя... Может, занятия сократят или ещё что-нибудь такое...

– Я слышала, – своими догадками поделилась со мной Иришка, – что в политехническом институте состоится ка-

кой-то Вечер Дружбы с иностранными студентами, куда нас хочет пригласить деканат и как гостей и как будущих переводчиков.

– Наверное, инструктаж получают наши старосты, как себя вести и какими столовыми приборами пользоваться, если дело вдруг дойдёт до "званого" ужина с вытекающими отсюда последствиями, – добавила я с некоторой издёвкой.

– Ты, Ольга, конечно, как всегда, не пойдёшь на такую тусовку, – сделала своё робкое предположение Ирина. – Тогда я тоже не пойду, или мне придётся кого-то для пары себе искать.

Я немного задумалась, было какое-то непонятное для самой себя волнение, возбуждение перед выбором, пойти или не пойти, что-то в смысле Шекспировского "To be or not to be?"

Потом, почти уже не сомневаясь и даже от себя не ожидая такого ответа, я твёрдо и уверенно сказала:

– Ира, не надо никого искать... Я с тобой поеду...

– Вот это да-а-а, – удивилась Иришка. – Мамонт, что ли, последний в лесу вымер? Что это с тобой? Откуда такое рвение? Я от тебя совсем этого не ожидала, – продолжала удивляться моя подруга.

– И-и-и-р, ты ж понимаешь, что для меня тусовка тусовке – рознь. Это не просто вечер с концертом и танцами, ведь там мы сможем разговаривать по-английски с носителями языка, а такой возможности я никогда не пропускаю. Жаль, что наш

с тобой французский не на высоте... Это для наших "немцев" и "французов" будет раздолье.

И мы с Иришкой решили, что если нас на самом деле приглашают на вечер в качестве переводчиков, то мы готовы были послужить Отечеству и отдать все свои знания и все свои силы до последней капли пота благородному делу – развитию дружественных связей и братских отношений со студентами из других стран Мира.

Почему-то весь вечер после такого решения у меня не прекращалось волнение, было даже как-то дискомфортно и неуютно, как будто чёрные кошки своими когтистыми лапками по сердцу скребли.

Я тогда не понимала своей тревоги и волнений... Только уже "задним" числом поняла, что таким путём прорастали в моём сознании первые ростки предчувствия судьбоносной встречи на этом Вечере Дружбы.

ГЛАВА 3. ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Наступил долгожданный день. Я не могу сказать, что он был "долго" жданный, потому что прошли всего лишь сутки после принятия решения поехать на Вечер Дружбы, но то, что он был "жданым", это я могу с полной уверенностью сказать.

По дороге к политехническому институту мы с Ириной встретили немало знакомых лиц не только с нашего факуль-

тета, но и с других факультетов.

Сначала в политехническом институте была полная неразбериха – полно народу в коридорах, ведущих к Актовому залу... шум, гомон, суета, разноязычная речь...

Никто не знал, когда начало торжественной части. Кто-то говорил, что начало в 18 часов, а кто-то – в 19 часов.

Много было вокруг людей разного цвета кожи – от белого до серо-сине-буро-малинового. Поражали своим красивым разноцветным одеянием, как цвета павлина, студенты-африканцы. Порой казалось, что здесь собрался весь свет племён, недавно найденных в лесах Амазонки или где-то в закоулках южной части Африки... Кого здесь только не было!

И тут, как молнией, меня поразило и пронзило... Я, ещё не понимая, что со мной происходит, быстро оборачиваюсь назад ...и вижу устремленную на меня пару глаз.

Я вижу вдалеке от себя, у колонны, почти напротив нас с Иррой троих молодых людей. Их лиц я почти не видела – они было словно в тумане... Я только увидела, вернее, почувствовала магический испепеляющий взгляд красивых чёрных горящих глаз одного из тех трёх юношей.

Эти глаза смотрели прямо на меня...

С первого взгляда этот человек очаровал меня, и я поняла, что он – тот человек, которого я ждала всю жизнь.

В течение 1-1,5 часа, пока шла торжественная часть и концерт, я всеми клеточками своего организма ощущала его

физическое присутствие позади себя. Меня уже ничто вокруг не интересовало – ни выступающие на трибуне преподаватели ВУЗов, ни песни и танцы народов Мира, которые исполнялись на сцене участниками художественной самодеятельности.

Меня волновала только единственная мысль – увижу ли я его лицо снова.

Я очень боялась обернуться и больше его не увидеть.

Потом началась танцевальная часть программы, но мне было уже не до неё, потому что я потеряла его из вида. Я тогда подумала, что он со своими друзьями совсем ушел.

Я была в юности довольно симпатичной (некоторые даже считали меня красивой девушкой) и стройной девушкой, поэтому меня постоянно приглашали молодые люди на танец, а я отказывала им... Я ждала, когда ОН подойдёт ко мне и пригласит, если ОН ещё не ушёл.

Я стояла, ни жива – ни мертва, как будто меня пригвоздили к мраморной колонне. Теперь я понимаю, что к этой колонне меня пригвоздили стрелы Амура.

А молодой человек в это время стоял в сторонке и, наверное, наблюдал, как я отказывала в танце всем, кто ко мне подходил....

Потом вижу, как кто-то идёт прямо ко мне, откуда-то из темноты, из глубины зала, возникает прямо передо мной и приглашает меня на танец... Сквозь какую-то пелену в

глазах я начинаю различать знакомые и, мне тогда казалось, уже любимые черты того незнакомца...

Он подходит ко мне, как-то застенчиво смотрит на меня своими изумительными глазами, пронизывающими меня до глубины души, и обращается ко мне на русском языке с приятным иностранным акцентом:

– Можно Вас пригласить на танец?

Я сейчас даже не помню, что я ему сказала в ответ, скорее всего, я в знак согласия кивнула головой и приблизилась к нему. От волнения и нервного перевозбуждения, которое я испытала за несколько минут до этого, голос мой дрожал, и я боялась своим дрожащим голосом и заикающейся речью выдать нахлынувшее на меня тогда волнение.

– Я видел, что Вы ни с кем не хотели танцевать... Всем молодым людям отказывали... Я тоже сначала не хотел подходить к Вам...

–Чтобы не быть отвергнутым, как и остальные ребята, – закончила я за него фразу.

– Д-а-а-а... наверное... так, – как-то неуверенно ответил он. – А Вы здесь учитесь? На каком факультете? – продолжал спрашивать меня красавец-незнакомец.

– Нет... нет... я не здесь учусь. Сюда нас пригласили, как гостей и как будущих переводчиков, чтобы мы могли помочь общаться присутствующим здесь иностранным студентам друг с другом и с нашими ребятами.

– А где Вы учитесь?

Я ответила ему, где я учусь, и, кажется, он остался доволен моим ответом.

– Я понимаю, что Вы – иностранец, – в свою очередь я стала забрасывать его вопросами. – Только не могу догадаться, из какой Вы страны.

– Я – из очень маленькой, но очень красивой страны – из Ливана. Я думаю, Вы слышали о моей стране. Это замечательная страна, с очень древней культурой и историей... Только на географической карте Мира она обозначена всего лишь маленькой точкой.

– Это на Ближнем Востоке? Кажется, Бейрут – столица вашего государства? – поспешила я проявить свою эрудицию в политике и в географии.

– Да, да... Я как раз живу в Бейруте, и вся моя семья живёт в Бейруте. А сейчас я учусь на 1-м курсе Краснодарского медицинского института.

– Вы всего лишь на 1-м курсе? А где Вы так хорошо научились говорить по-русски? – с нескрываемым восторгом спросила я его.

– Я жил один год в Ростове и там на подготовительном курсе института нас обучали русскому языку, а потом меня распределили сюда, в Краснодар.

– *C'est clair*, – ответила я ему по-французски.

– А Вы говорите ещё и по-французски? – с радостью и удивлением спросил мой незнакомец.

– Пытаюсь говорить, – уточнила я. – Я в университете

учусь на английском отделении РГФ, и мой основной изучаемый язык – английский, а французский язык – второй язык, мы его начали изучать только со 2-го курса. Конечно, очень бы хотелось гораздо лучше говорить на нём, но нужна большая разговорная практика, которой, увы, у нас нет.

– Так я могу с Вами разговаривать по-французски, а вы со мной – по-русски, вот и будем друг другу помогать осваивать чужой язык, – с большой охотой и радостью предложил мне знакомство, как вариант общения, мой новый друг.

Я безоговорочно согласилась на его предложение.

В тот момент я бы согласилась уже на все его предложения, даже изучать арабский язык или древний язык народов Майя со следующего дня, только бы у меня был повод ещё, хоть один разик, увидеть его.

За нашим вопросно-ответным разговором быстро закончилась музыка, но "мой" незнакомец после окончания танца не ушёл через весь зал к своим землякам, оставшимся стоять у мраморных колонн, а остался рядом со мной и Ириной.

Я решила его познакомить со своей подругой, но сама ещё не знала, как его зовут.

– А как вас зовут? Мы ведь так с Вами и не познакомились во время танца? – спросила я его, но тут громко зазвучала музыка, и его ответ «Ареф» потонул в шуме музыки, и мне послышалось другое имя...

– Ален, – так послышалось мне имя незнакомца. – Какое

красивое имя! В нём слышится что-то французское... А у Вас есть какие-нибудь родственники во Франции?

– Да, Вы угадали. У меня много родственников живёт во Франции...

– Ира, познакомься, это Ален... из Ливана, – тут же поспешила познакомить я подругу со своим теперь уже не знакомцем, а "своим" молодым человеком.

– О-ч-е-е-нь... о-ч-е-е-нь приятно познакомиться с Вами... А Оля уже давно заметила Вас и Ваших друзей... ещё до начала торжественной части и концерта...

Я т-а-а-к уничтожающе посмотрела на Иришку, что заканчивать её фразу пришлось уже общему нашему знакомому.

– Да... да... я тоже вас давно заметил, ещё 2 часа тому назад, а потом потерял вас из глаз...

– "Потерял вас из виду" – так мы говорим, – постаралась я как-то деликатно поправить его русскую фразу.

– Да, именно так я и хотел сказать. Я ведь не могу ещё пока хорошо говорить на вашем языке, – как будто оправдываясь, ответил Ален.

Тут снова зазвучала музыка, на этот раз поставили песню в исполнении Демиса Руссоца "Good-bye, my love, good-bye". Уже до этого вечера песни этого греческого певца были моими любимыми песнями, а после знакомства с Аленом эти песни на всю жизнь стали самыми моими любимыми песнями, и все эти годы напоминали мне о нём. Они стали

своеобразным музыкальным талисманом моей любви.

Запел Демис своим пронзительным голосом песню о любви, и мой друг опять пригласил меня на танец... Потом опять, опять и опять, и так мы уже не расставались с ним до конца вечера.

Когда по микрофону организаторы вечера объявили праздничное мероприятие оконченным, я около себя не обнаружила Ирину – она куда-то предусмотрительно удалилась, чтобы не мешать нам, или нашла наших однокурсников, чтобы вместе возвращаться домой.

За мою судьбу она больше не беспокоилась, на тот момент она была уверена, что я теперь нахожусь в надёжных руках прекрасного Принца с Ближнего Востока...

С того вечера Ален больше не встречал мою подругу... но она снова возникла в нашей с ним жизни через несколько лет после расставания друг с другом, как белый добрый Ангел.

Если бы не Иринка, то не было бы у моей истории любви такого продолжения в жизни, каким оно было, и не было бы такого конца, каким он стал, и, вообще, не писала бы я эту книгу про свою грустную и невероятную историю. Но не буду забегать вперёд. Тогда только всё начиналось...

Ален тоже не нашёл своих друзей, которые, похоже, проявили чувство солидарности с моей подругой и куда-то исчезли с наших глаз.

Мой прекрасный незнакомец (он ещё какое-то время

продолжал быть незнакомцем, потому что кроме его имени и страны, из которой он прилетел, я ничего о нём не знала) предложил проводить меня.

Наши общежития находились в противоположных концах города, ему надо было возвращаться в одну сторону от политехнического института, а мне – в диаметрально противоположном направлении.

Кстати, до его общежития надо было добираться всего минут 10-15. До нашего общежития, которое находилось на ул. Артельной в районе краснодарских Черёмушек, потребовалось бы часа 1.5, если не больше, учитывая, что вечер закончился очень поздно, а общественный транспорт в

Краснодаре, как, впрочем, и во всех других городах нашей необъятной Родины, не любил по ночам ЧАСТО ходить. Расписание для нашего отечественного транспорта – это всего лишь проформа, лишнее доказательство того, что у нас, как у людей, всё в порядке – есть транспорт, есть расписание, есть установленные интервалы движения такого транспорта, только их никто не выполнял и не выдерживал, и даже не пытался это делать.

К чему я об этом? Да, к тому, что, зная всё это про наш родимый транспорт с детства, я не рискнула своего, только что приобретенного, иностранного друга подвергнуть опасностям позднего возвращения к себе домой, поэтому я отказалась от того, чтобы он меня проводил до самого нашего общежития.

На прощание мы с ним договорились, что он ко мне придет в гости на выходные дни, в субботу или в воскресенье, и он согласился.

С этой минуты и с этого вечера началась история нашей любви и история моей жизни, которая сложилась бы совсем ПО-ДРУГОМУ, если бы в тот вечер я не познакомилась с Аленом, и в моей жизни не было столько счастья и столько горя, сколько мне принесла эта любовь.

Знаю только, что после встречи с этим человеком моя жизнь превратилась в одно сплошное ожидание.

Мне было тогда 22 года.

Это была моя первая ЛЮБОВЬ.

Этот человек так сильно отличался от всех тех молодых людей, которые меня окружали в то время.

Если я скажу, что он был красив, я ничего не скажу.

Если я скажу, что он был красив, как сам Бог Любви, как Нарцисс, то тогда станет ещё понятнее, почему он покориł меня с первого взгляда и озарил светом своих изумительных глаз мою душу и сердце.

С той минуты как он пронзил меня взглядом своих черных глаз, он просто заполнил собой все клеточки моего сердца, моего мозга, всего моего "я".

Он был для меня необъяснимой загадкой, человеком с другой планеты, из другого мира... из другой галактики...

Он не был похож ни на одного их молодых людей, которые до этого окружали меня в университете или в общежи-

тии.

Это был очень стройный, обходительный, обворожительный, элегантный молодой человек с изысканными манерами. Сразу привлекали взгляд его чёрные блестящие глаза (о которых я уже упоминала), его черные усики и кудрявые, вернее сказать, волнистые волосы, которые прикрывали его шею.

На нашем факультете учились, в основном, девушки. Ребята у нас были редким исключением, да и считали мы их просто друзьями, такими же "девчонками", как и мы, только с мужскими именами.

С первого дня нашего знакомства он стал для меня самым близким и дорогим человеком во всём мире.

Я влюбилась в него так, будто была ранена этой любовью. Я уже ничего не могла с собой поделать. Я была в состоянии человека, больного неизлечимой болезнью и знающего об этом.

В ту ночь я возвращалась к себе в общежитие, будто летела на крыльях, и это были крылья любви.

От переполнявших меня чувств хотелось кричать и плакать. Мне хотелось одного, пока я добиралась до нашей комнаты в общежитии, – поскорее добраться до своей кровати, раздеться и броситься в постель, прижаться щекой к подушке-девичьей подружке, укрыться с головой одеялом и вспоминать всё, что в тот вечер произошло со мной.

От одной мысли о нём всё во мне трепетало...

Только тогда, в тот осенний вечер, я в первый раз в своей жизни испытала такие чувства. Теперь с годами я понимаю, что это называют страстью, половым влечением, сексуальным возбуждением.

Даже сейчас, спустя столько лет, я до мельчайших подробностей помню ту ночь, когда после нашего знакомства я вернулась в своё общежитие, легла спать и не могла уснуть... Меня трясло, как при лихорадке, как будто у меня была высокая температура. Может быть, и была тогда от моих горячих чувств высокая температура, но я её не измеряла.

Только с Аленом и только тогда я почувствовала себя созревшей к любви женщиной... Но при этом я так и не стала его женщиной.

Сон не приходил ко мне в ту ночь... Уснула я под утро, наверное, только от усталости.

Когда я утром проснулась, мне не хотелось вставать... Я лежала какое-то время в постели и не понимала, почему я такая счастливая, почему мне так хорошо, почему во всём сознании ощущение покоя и счастья.... И тут я вспоминаю про вчерашний вечер: "Боже! Я вчера встретила ЕГО!" Но тут же с ужасом осознаю, что не могу вспомнить лицо своего «восточного принца».

Что-то, похожее на черты его лица, всплывает в памяти, но так туманно и так расплывчато, что всё его лицо всё равно

вспомнить не могу.

И опять эта дрожь по всему телу.

Я уже не могу ни думать, ни вспоминать о нём без этой сладкой дрожи и «мурашек» по коже.

И каждый раз при мысли о нём ко мне возвращалось это ощущение лихорадки. Он стал сниться мне каждую ночь, где он нежно ласкал и целовал меня, хотя в реальной жизни до таких отношений нам было ещё далеко.

Чтобы он снова пришёл ко мне во сне, мне надо было всего лишь вспомнить его глаза в первый момент нашей встречи, просто представить его лицо... И с таким чувством сексуального влечения и возбуждения я ложилась спать каждую ночь, надеясь увидеть его во сне, как живого...

И потом, в последующие дни, только от его прикосновений всю меня нервно трясло, и всегда по коже бегали предательские «мурашки», выдавая моё состояние.

Я не знала, как мне дожить до воскресенья, до того дня, когда он должен был первый раз приехать на свидание к нам в общежитие.

Время тянулось убийственно долго. Были сделаны все домашние задания по всем предметам не только на понедельник, но и на другие дни недели, а свободного времени на ожидание ещё оставалось довольно много.

Я не знала, чем себя занять. Спасения в чтиве произведений зарубежной литературы, которые нам надо было читать для сдачи государственного экзамена по этой самой за-

рубежной литературе на 5 курсе, я тоже не находила. Я брала в руки книгу, но тут же выпускала её из рук – мне было не до героев зарубежных романов в те минуты, меня волновал только мой собственный роман.

Когда в воскресенье, день нашей встречи, уже счёт пошёл на часы и минуты, я не находила себе места.

И вдруг мысль, опять как молния, пронзила меня: "А что, если он не приедет? Что тогда?" Об этом "что тогда" даже не хотелось думать... Я гнала эту мысль прочь от себя и думала только о том, что мы встретимся, и я ещё раз увижу его лицо и никогда больше это лицо не забуду.

Мы договорились, что Ален приедет в 16.00.

За час до назначенной встречи сердце у меня билось, как у загнанного и затравленного борзыми собаками зайчишки. Сумасшедший пульс своего сердца я ощущала всем телом. Казалось порой, что сердце клоочет у меня в гортани.

Мне становилось всё хуже и хуже, и никакие уговоры Алёны Королихиной выпить валерьянку, успокоиться и взять себя в руки, не помогали и не достигали цели.

За полчаса до назначенного времени я спустилась вниз на первый этаж. У нас при входе в вестибюльное помещение находилась вахта – стол с телефоном и 2-3 дежурных студента, которые следили за порядком. Они не пропускали в общежитие посторонних людей без документов, но иногда они не пропускали людей и с документами – сейчас бы сказали, что они осуществляли "фейс-контроль" по своему,

им только понятному, усмотрению, но непонятному для всех остальных. В их обязанности входило бегать с 1-го по 5-й этаж и вызывать студентов к единственному телефону, который как раз и находился на столе на вахте.

Я прождала Алёна на 1-м этаже уже полчаса.

На настенных часах в холле стрелки часов показывали ровно 16.00.

Сердце моё с каждой последующей минутой как будто умирало. Шаги и голоса людей, приближающихся к зданию нашего общежития, громким эхом отзывались в моей голове.

Дежурные ребята, сидящие в тот день на вахте, даже не слышали звуков этих шагов и голосов и не замечали проходящих мимо их поста людей – они были заняты тем, что происходило на экране общежитского телевизора, находящегося здесь же, на 1-м этаже.

Уже на часах большая стрелка показывала цифру "6", а маленькая стрелка медленно, но уверенно подползала к цифре "5". Нервы мои были на пределе, меня стало подташнивать, и голова моя немного кружилась.

За это время несколько раз сбегала вниз с 3-го этажа Алёна. Ей хотелось прояснить ситуацию – толи мой "восточный принц" опоздал, толи его не пускают по своим, каким-то особым, соображениям дежурные студенты, толи я решила своего восточного красавца спрятать от глаз своих "сорум-

ниц" и провести с ним наше первое свидание прямо в холле, втайне от них.

Но ситуация, похоже, была прозаичной и банальной – человек просто не приехал на свидание. В такое развитие событий трудно было поверить, в это не хотелось просто верить, и я не сдавалась...

Прошло ещё полчаса напряженных и мучительных ожиданий (я уже писала, что после знакомства с Аленом моя жизнь превратилась в сплошное ожидание), надежда его увидеть снова когда-нибудь таяла с каждой минутой.

Тут на столе у дежурных зазвонил телефон, и по обрывкам речи дежурного студента, разговаривающего с кем-то на другом конце телефонного провода, я поняла, что вызывают кого-то из нашей комнаты. Я спросила студента, кого вызывают из нашей комнаты, и он ответил, что интересуются некой Ольгой, и этой "Ольгой" была я.

Кровь прильнула мне к лицу, голова так закружилась, что я еле-еле держала равновесие, чтобы не свалиться с ног, но потом здравая мысль пронзила моё сознание, что этот звонок не мог быть от Алена – я не давала ему номер телефона нашего общежития...

Когда я всё же дрожащими руками взяла трубку, то на другом конце провода услышала мелодичный голос Иришки.

Иринка была девушкой не глупой. Она тут же быстро сообразила – раз к телефону за мной не пришлось долго кого-нибудь посылать на 3-й этаж и вызывать вниз к телефону,

значит, я находилась тут же поблизости – на 1-м этаже. Это в свою очередь значило, что я ждала кого-то на первом этаже, и Ирина моментально вычислила, "кого" я ждала.

– Ну, что, Олюня, не приехал Ален? – как-то виновато этот вопрос прозвучал в устах Иришки, словно она была в этом виновата, но тут же она поспешила меня ободрить – ведь подруга всё же.

– Не переживай! Он должен приехать. Он произвёл на меня впечатление порядочного человека, а порядочные люди так не поступают. Ты подожди... подожди... не уходи только... Может, транспорт пришлось долго ждать. Сама знаешь, как у нас трамваи и троллейбусы ходят, – старалась успокоить меня подруга.

– Ира, я всё понимаю, но ведь уже целый час прошёл, как он должен был приехать. Может, адрес забыл, хотя я ему адрес на бумаге не писала, чтобы он его не потерял. Я на словах всё объяснила, это гораздо надёжнее.

– Это в том случае, если у человека память хорошая, – не дала мне договорить подруга. – Ты подумай, он ведь – иностранец, мог ведь что-нибудь и не понять на твоём чисто русском языке. Лучше уж было бы ему свой адрес на бумажке написать, по бумажке ему бы русские ребята всё правильно и доходчиво объяснили... А так вот, видишь, что получается...

– У него память отличная, и русский он прекрасно знает, – заступалась я за своего, не пришедшего друга. – С пло-

хой памятью человека бы не взяли учиться в чужую страну, да ещё в медицинский институт...

При этих словах я услышала шум приближающегося к общежитию такси, потом звук захлопывающейся дверцы машины, быстрые шаги по ступенькам... и в проёме входной двери я вижу стройный силуэт моего долгожданного иностранного гостя.

Я обрываю свой разговор с Ириной на полуслове и говорю ей: "А вот и мальчик мой приехал", и тут же бегу ему навстречу.

На лице Алена и смущение, и смятение, и радость, и гамма других чувств. Его лицо, каким оно было в тот момент, на всю жизнь, как цветная "живая" фотография, впечаталось в мою память.

В последующие годы, и в прошлом веке и в нынешнем, 21 веке, эта минута его первого появления в нашем общежитии всегда выплывала из глубин моей памяти каждый раз, когда я вспоминала и думала о нём и о своей судьбе.

– Здравствуйте! Извините меня, пожалуйста... Я опоздал на час... Извините, так получилось... Я не знал, что Вы так далеко живёте, и что так долго до Вас добираться.

Но мне не нужны были его оправдания и извинения. Я его давно извинила. Я его простила бы, даже если бы он опоздал и на большее количество часов. Для меня важно было, что он приехал, что он рядом, что я снова вижу его.

Нам всегда кажется, что в такие вот минуты мы – самые

счастливые люди на земле, так оно и было. Перебирая в памяти за долгие 36 лет те события в своей жизни, я теперь могу с полной уверенностью признаться себе, что это были минуты настоящего человеческого счастья.

Я познакомила Алена со своими девочками. Мы специально для этого случая стол с угощениями ему не приготовили. Возможно, он нас бы неправильно понял, а вот десертное студенческое чаепитие и кофепитие с конфетами, печеньем и вафлями мы устроили.

Ален очень смущался и робел, чувствовалось, что такое соотношение мальчика и девочек в компании, как один к трём, его приводило в смущение, и он неловко себя чувствовал.

Он ехал на свидание к одной девушке, а приехал – к трём.

Я попросила Тому, незаметно для Алена, сходить к своему бойфренду Гене и пригласить его к нам, чтобы немного разрядить создавшуюся обстановку и это соотношение не в пользу Алена привести более менее к норме. За глаза между собой мы – девчонки из нашей комнаты – звали его "Гена-Крокодил" по имени известного нам всем с детства мультяшного героя. Гена об этом знал и на нас не обижался. Вскоре в нашей комнате появился Генка – очень высокий черноволосый, с большими черными усами, завивающимися на своих кончиках, молодой парень с дымящейся сигаретой

"Наша марка" во рту. Ален повеселел, и наш разговор и общение с ним стали более непринуждёнными.

Нам было очень интересно с ним разговаривать. Он был "оттуда" – с Запада, вернее, с Востока, но всё равно из-за "железного занавеса". Он знал ту жизнь, которая для нас была, как говорили, за 7-ю печатями.

Мы с ним говорили не только о жизни вообще, мы говорили о его стране, о традициях в нашей и в его стране, а также о религии и политике. Он, на удивление для своих лет (ему было всего 22 года), хорошо разбирался в международной политике... Немудрено, что в будущем он стал занимать важный пост в Землячестве студентов из его страны, а через несколько лет, когда уехал из России, стал лидером одной из демократических партий в своей стране и публичным человеком... Но это было потом, а тогда, в октябре 1974 года, он был студентом медицинского института и самым дорогим и близким мне человеком.

Уже сейчас не помню, но, кажется, после одного из исчезновений Гены из нашей комнаты, у нас на столе появилась бутылка сухого вина, которую постепенно опорожнял сам Гена. Я не употребляла спиртного, ни в каком его виде. Девочки и Ален чисто символически выпили по глотку за наше знакомство. Всё содержимое бутылки оставалось на прежнем уровне, каким он был до покупки в магазине, за исключением тех 2-3 стопок, которые выпил Генка за любовь, дружбу, тёплые добрососедские отношения и за дальнейшее

развитие и укрепление дружеских связей между СССР и Ливаном.

Так, в кругу моих друзей быстро и незаметно пролетел наш первый с Аленом вечер. Настало время расставаться, и у меня опять, как у загнанного зайчишки, бешено заколотилось сердце, и в висках я ощущала биение пульса. Я могла даже считать этот пульс, не прижимая большой палец к вене на запястье руки, как это обычно делают врачи и медсестры.

Я очень волновалась перед нашим расставанием, я боялась, что этот человек вот сейчас скажет: "До свидания! Всё было очень хорошо..." – и уйдёт, не пригласив меня к себе в гости, и не назначив день и час нашего следующего свидания.

Я увидела, что у Алена было хорошее весёлое настроение, он был доволен этим вечером, и ему не хотелось уходить, но так как было уже поздно, ему надо было уезжать. При прощании со мной

он сказал, что хочет меня ещё увидеть, хочет, чтобы следующая встреча произошла теперь в его общежитии, чтобы я познакомилась с его друзьями и посмотрела, где и как он живёт.

Он ушёл... и казалось, что мир опустел для меня без него в ту минуту....

Я стояла на ступеньках нашего общежития и ещё долго смотрела в темноту, пытаюсь проводить своим взглядом его удаляющуюся стройную фигуру, которая, к сожалению,

быстро растворилась или рассеялась, как в тумане.

Хоть мне тогда было одиноко и грустно, но на сердце было так легко, так спокойно, как давно уже такого не бывало.

На дворе стоял октябрь, осень, а в душе моей проснулась весна, и наступило самое счастливое и незабываемое время в моей жизни.

Целую неделю мне надо было как-то прожить, просуществовать до дня свидания с Аленом. То время ожидания показалось мне вечностью. Я не знала, что мне делать, чем себя занять, когда появлялась свободная от занятий минутка. Все мои мысли были о предстоящей встрече с любимым человеком.

Не знаю, почему (видно, моё предчувствие с первой минуты нашего знакомства с Аленом постоянно находилось рядом со мной, не покидая меня ни на минуту) с первого дня каждый раз при прощании с Аленом у меня в голове появлялась тревожная мысль о том, что эта встреча, может быть, будет последней.

Эти мрачные и зловещие мысли отравляли мои счастливые часы и дни моей любви к этому человеку, не давая в полной мере ощутить и познать счастье любить и быть любимой. Эти тревожные мысли и предчувствия омрачали моё состояние любви и счастья, и ничего с этим я не могла поделать.

Может быть, мой ангел-хранитель уже тогда предостерегал меня. Я совсем недавно от кого-то услышала, что ангел-хранитель появляется у человека сразу же после его кре-

щения. Моё крещение состоялось в 3-х летнем возрасте. Бабушкой по материнской линии сделала это втайне от моих родителей.

Уже тогда мой ангел-хранитель давал первые знаки и предупреждал – не бросаться в любовь, как в омут с головой, не тратить всю себя и все свои жизненные силы на любовь. Мне надо было хоть немного сил оставить на то, чтобы потом справиться с болью, с горем и с отчаянием после утраты этой любви.

Но это было потом... А тогда я ждала своего второго свидания и не знала, что ещё сделать, чтобы поскорее приблизить день, час и минуту своего счастья.

ГЛАВА 4. ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С АЛЕНОМ

Когда я приехала в следующую субботу к Алёну в общежитие, он так же, как я в своё время, ждал меня в холле на первом этаже.

Я до этого случая уже не раз бывала именно в этом здании. Дело в том, что мой старший и единственный брат, Валентин Шутенко, тоже учился в Краснодарском медицинском институте 4 года до того, как в 1970 году я поступила в Кубанский Государственный университет. Здесь, в Краснодаре, мой брат также встретил свою первую и единственную любовь со светлым именем "Светлана", и его любовь тоже была "любовью с первого взгляда".

В тот год, когда я поступила в ВУЗ, у Валентина со Светланой состоялась свадьба, а потом мой брат перевёлся в другой город, чтобы закончить Военно-медицинскую Академию и стать военным врачом. Его жена Света ещё год продолжала учиться в мединституте, а потом тоже перевелась в Куйбышев, чтобы быть поближе к своему мужу. В Краснодаре Света была для меня единственной родственницей, с которой я поддерживала уже теперь родственные отношения, приезжая к ней в гости по выходным дням. Это было не так часто, как хотелось бы, из-за моей и её загруженности в учёбе.

Помню, что свой первый студенческий Новый 1971 год я встретила не со своими девчонками, а вместе со Светой и её однокурсниками в том корпусе общежитий, куда я ехала на свое второе свидание с Аленом.

Так уж получилось, что Ален жил на том же этаже, где раньше жил мой брат, а потом Светлана. Я даже узнавала по лицам некоторых русских и иностранных студентов, с которыми я была чисто визуально знакома, когда приезжала к своей родственнице в гости и на праздники.

Когда Ален увидел меня, входящую в вестибюль здания, лицо его озарилось милой, удивительной и смущенной улыбкой, какую раньше (да и потом, позже, в моей жизни) мне не доводилось видеть ни на каком другом мужском лице.

Всё в Алене было обворожительным, загадочным, манящим и дающим ощущение счастья только уже от того, что

он – рядом. Тогда казалось, что большего счастья вряд ли можно было желать...

Ален был таким уже близким и дорогим мне человеком, будто я его 100 лет знала, а не познакомилась с ним всего лишь неделю тому назад...

Я теперь понимаю, с позиций прошедших лет, что так всегда бывает, когда в человека влюбляешься at first sight – с первого взгляда, и это чувство оказывается настоящей любовью, а не влюблённостью или простым увлечением и флиртом.

В тот вечер Ален познакомил меня со своими ребятами, которые жили вместе с ним в одной комнате. Его друзья, в отличие от моих подруг, проявили чувство мужской солидарности, если так можно выразиться, и друг за другом покидали комнату в связи с какими-то «обстоятельствами», вынуждающими их оставить наше приятное общество, при этом не забывая сказать, что были очень-очень рады со мной познакомиться.

Когда мы с Аленом остались одни в замкнутом пространстве, ограниченном стенами их комнатки, то какое-то время было ощущение неловкости и стеснения... Ничто не приходило мне в голову, что сказать ему или о чём спросить. Наверное, то же самое испытывал и Ален.

Тогда я подошла к столу, который стоял не посередине комнаты, как у нас, в нашей комнате, а ближе к единственному окну, давая возможность ребятам дольше рабо-

тать за столом, не включая электрического света. Видно было, что студенты-медики более рационально подошли к использованию дневного света, чем мы. Я увидела много листов с изображением внутренних человеческих органов. На одних листках было чёрно-белое изображение внутренних органов, а на других – изображение органов, уже раскрашенных цветными карандашами...

– Что это такое? – поинтересовалась я у Алена.

– Эти картинки Вы имеете в виду? – уточнил он.

– Я бы не назвала их картинками... Такое ж-у-у-у-ткое зрелище!

Д-а-а-а... Медицинская профессия определённо не для меня. Я бы никогда не стала врачом, хотя моя мама была врачом...

– Почему "была"? Она сейчас не работает врачом? – спросил меня Ален.

– Мама ... больше ... нет... Её не стало 2 года тому назад, – ответила я, и на какое-то время в комнате наступила гнетущая тишина.

Первым после затянувшегося молчания заговорил Ален:

– Извините, я не знал. Это очень тяжело – остаться без матери... в любом возрасте это тяжело...

– Я постепенно начинаю привыкать к мысли о том, что её больше нет и НИКОГДА больше не будет, – постаралась я быстро прервать его речь, чтобы он не ощущал себя виноватым за заданный вопрос. – Раньше, когда она была ещё жи-

ва, она редко мне снилась по ночам, а теперь стала сниться чаще, живая, счастливая и всегда весёлая...

– Вот мой брат, Валентин, – продолжала я, – пошёл по стопам нашей мамы. Он стал врачом. Я последовала примеру своего отца. Я собираюсь стать переводчиком в "Интуристе", или в каком-нибудь НИИ в патентно-лицензионном отделе, или, на худой конец, преподавателем английского и французского языков.

– А где Ваш брат учился, здесь или в другом городе? – поинтересовался Ален.

– И здесь и в другом городе...

– А я не смогла бы стать врачом, даже при всём моём желании продлить семейную династию врачей, – старалась я продолжить свою речь, прерванную Аленом. – Мне страшно видеть кровь, я бы не вынесла такое состояние, когда надо каждый день на работе и всю жизнь сталкиваться с чужой бедой, горем, болезнями и болячками. Можно умом тронуться или стать психически больной от постоянных нервных стрессов и людских бед.

– Д-а-а-а... наверное, Вы правы. Врач – это такая профессия, которая не каждому под силу. Здесь нужны крепкие нервы и здоровая психика.

– А у Вас нервы крепкие, как стальные канаты?

– Что такое "канаты"? – с удивлением спросил Ален.

– Ой! Я и забыла, что Вы – иностранец и не все наши слова знаете и понимаете. Ещё раз делаю Вам комплимент – Вы

так хорошо говорите по-русски, что я забываю, что Вы – не русский...

– Ещё пока никто не жаловался, – как настоящий русский, ответил Ален.

– А из-за чего на Вас можно жаловаться? – не уловила я смысла сказанных им слов.

– На то, что я – нервный... На то, что у меня некрепкие нервы.

– Ах, Вы э-э-э-то имеете в виду? – в ответ засмеялась я.

– Так что это за жуткие картинки? – продолжала я спрашивать Алена, ближе подходя к столу у окна.

– Это наша контрольная работа. Нужно все внутренние органы раскрасить разными цветными карандашами, как это показано в учебниках анатомии. Красным карандашом нужно покрасить всю кровеносную систему – сосуды, капилляры, артерии, вены... Мы, как будущие врачи, должны отлично знать человеческий организм до мельчайшего сосуда, – поясним мне Ален.

На столе так много лежало листов с изображением внутренних человеческих органов, что мне стало ясно – без моей помощи (учитывая то, что на его свидание со мной ушло часть времени, запланированного для выполнения этого задания) ему не справиться с этой домашней работой, и тогда я предложила ему свою помощь. Мы, как начинающие художники, вооружились карандашами и красками и принялись за "натуру".

Хотя я и не выносила вида крови, я всё же изъявила желание раскрасить кровеносную систему в организме человека и справилась с этой задачей на «отлично». Ален был доволен результатами моего труда, а потом, на следующий день, был доволен нашим, совместным с Аленом, трудом и сам преподаватель по анатомии, поставив Алену "отлично" за нашу первую пробу пера и кисти, вернее, цветного карандаша.

Наше свидание пролетело очень быстро и, главное, очень плодотворно для Алена – и свидание прошло на "высоком уровне", и контрольное домашнее задание было совместно выполнено на "5".

Когда Ален внимательно, как это бы сделал сам преподаватель, исследовал результаты моего кропотливого труда, он выразил свою уверенность в том, что я могла бы успешно учиться в медицинском институте и стать его коллегой, на что я ответила: "Талантливый человек во всём талантлив", похвалив самую себя и рассказав ему, как 4 месяца тому назад в летнюю сессию на "отлично" сдала экзамены по медицине, в том числе и экзамен по фармакологии, а это – не из легких дисциплина.

И тут я поведала Алену про свой печальный случай на практическом занятии по хирургии. Д-а-а-а, даже такое бывало в нашей студенческой жизни.

Дело в том, что у нас в университете была военная кафедра, на которой наши ребята-однокурсники готовились к

"военному делу", а нас, женскую часть курса, в эти часы обучали медицине.

Планировалось, что в случаях Гражданской Оборона (когда в жизни наступит такой случай, не дай Бог) мы будем призваны Родиной помогать врачам и справляться со своими обязанностями в качестве медицинских сестёр.

Медицина у нас началась на 2-м курсе и закончилась на 3-м курсе. Таким образом, за 3 года мы прошли полноценный курс обучения по программе медицинского училища. Труды наши были вознаграждены вручением Дипломов медсестёр ГО. Этот курс оказался очень полезным для нашей дальнейшей жизни. Мы, действительно, получили ценные знания по медицине и некоторые навыки медсестёр, которые в жизни всегда являются не лишними.

Если бы ни эти занятия по медицине, я бы сейчас, в своей сегодняшней жизни, не смогла бы лечить свою любимую кошку Люсю и дочкину кошку Мусю, делая им уколы в холку и внутримышечно в бедро.

У нас были не только лекции по медицине – по инфекционным заболеваниям и по хирургии, но также и практические занятия по этим дисциплинам, которые, если мне до сих пор не изменяет моя девичья память, проводились в 1-й городской больнице Краснодара, где потом, спустя 3-4 года, такие же практические занятия были и у Алена.

Когда я говорила Алену о том, что медицина – не моё призвание, и вряд ли когда-нибудь она (медицина) могла им

стать, я имела в виду как раз случай на практическом занятии во время операции в этой городской клинике.

Мы должны были после лекции по хирургии прямо там, в больнице, присутствовать на операции.

В тот день, опаздывая на занятия по медицине в больницу, которая находилась очень далеко от нашего университета, я не успела позавтракать и поехала, естественно, голодной.

В тот день и час в хирургическое отделение привезли на "скорой помощи" молодого парня, рабочего-строителя, который упал с высоты 3-х или 4-х этажного строящегося здания и при падении пробил свою голову металлической цепью, состоящей из звеньев очень большого диаметра.

Нас позвали в «операционную», чтобы мы наблюдали за действиями хирурга и тем самым учились на его примере, что и как надо было делать во время операции.

Естественно, никто из нас никогда бы в жизни не был готов к такой работе, даже в случае острой необходимости во время Гражданской Обороны, но присутствовать на операции мы обязаны были, в противном случае, мы бы не получили "зачёт" по медицине.

Я с Ириной и с другими моими однокурсниками вошла в "операционную», когда врач-хирург, манипулируя своими многочисленными хирургическими инструментами, что-то делал около разбитого виска пострадавшего парня.

На какое-то мгновение мне показалось, что мозг опери-

руемого пациента "закипел" и, пенясь вместе с кровью, стал вытекать из пробитой раны на черепе... Тут мне становится плохо... Всё вокруг меня из цветного превращается сначала в серый, потом в чёрный цвет. Голос хирурга, комментирующего для нас свои действия, и шепот моих девчонок куда-то удаляются и затем совсем стихают. Последнее, что до меня донеслось, это чей-то испуганный голос: "Ой! Что это с ней?", и больше я ничего не видела, не слышала и не чувствовала...

Когда я очнулась, то не сразу поняла, где я нахожусь, что со мной случилось, и кто со мной сейчас находится рядом. Потом слышу Иришкин тревожный голос: "Оля, что с тобой? Тебе плохо?» .Понимаю, что жива, ещё нахожусь на этом свете, и что рядом со мной -Ирина.

– Ой! Какие мы н-е-е-е-жные! Если не выносишь кровь, то нече было в медицинский поступать, – услышала я чей-то незнакомый голос позади кушетки, на которой я лежала, и этот голос исходил из существа в белом халате, которое сидело на стуле за столом в «ординаторской».

– А мы не из мединститута, – встала на мою защиту верная подруга.

– Как это не из мединститута? – продолжал на нас с Ириной нападать всё тот же голос существа в "белом".

– Мы из университета, а здесь мы находимся на практике, – ещё слабым голосом поддержала я нашу с Ирой словесную оборону.

– А-а-а-а, – протяжно и понятливо и на этот раз даже жалостливо посочувствовал нам с Ириной всё тот же голос. – Ну, раз так, то и понятно. Поговорю с вашим руководителем, пусть позволит вам не присутствовать на практических занятиях. А что тебя так уж испугало? – продолжал интересоваться голос.

– Я испугалась, когда мозг вытекающий увидела... Не каждый день с таким сталкиваешься, – ответила я.

– Глупенькие! Какой там мозг! Если бы были настоящими медиками, то знали бы, что предварительно рану обрабатывают перекисью водорода – вот вам и «кипящий» мозг с кровью...

Об этом случае я и поведала Алену в тот вечер. Похоже, что после моего рассказа, я как-то ближе стала ему. Наверное, ему просто, по-человечески, меня стало жалко – он ко мне приблизился, чтобы посмотреть последний, разукрашенный мной рисунок, и так наклонился близко ко мне, что я почувствовала дурманящий запах его импортного мужского одеколona и ...его дыхание.

Он даже не притронулся, не прикоснулся ко мне, только приблизился на несколько см ближе, чем обычно... и у меня закружилась голова, и голос мой стал срываться, будто я заикалась...

К сожалению, надеюсь, к общему сожалению, наше второе свидание пролетело очень быстро, но очень плодотвор-

но для Алена – и свидание прошло на "высоком уровне", и контрольное домашнее задание было совместно выполнено на "5".

Наши встречи с Аленом не были частыми. Мы виделись 1 или 2 раза в неделю и обычно в выходные дни. У Алена был очень тяжёлый 1-й курс обучения, а у меня был последний курс, тоже не из лёгких – впереди ждали государственные экзамены и диплом. Учитывая, что я планировала получить красный диплом, заниматься приходилось во сто крат больше, чем тем студентам, которые шли на обычный диплом.

Так проходил в учёбе, в свиданиях, в счастье и в радости месяц за месяцем. С каждым днём, с каждой встречей Ален становился для меня человеком, без которого я уже не могла жить и не представляла свою жизнь без него.

До сих пор помню тот октябрьский день, когда Ален приехал во 2-й раз ко мне в общежитие.

Это стал знаменательный и памятный день в моей судьбе. Казалось бы, что такого особенного в том, что он в тот вечер сделал мне "маленький" подарок, но подарок оказался не простым, а как показала моя дальнейшая жизнь, подарок стал судьбоносным. Он стал для меня не просто подарком, а моим талисманом.

Когда Ален приехал во 2-й раз на свидание, он опять выглядел каким-то смущенным и робким. Оказывается, он собирался сделать мне маленькие подарки, но не знал, как

об этом мне сказать.

В день нашего первого свидания я попросила Алена подарить мне свою фотографию, чтобы она постоянно была перед моими глазами. Я боялась, что опять черты лица Алена не всплывут в моей памяти, когда я захочу мысленно представить его лицо, как однажды уже случилось.

Я подумала, что он забыл про мою просьбу, вот поэтому и ведёт себя так растерянно.

– Ален, Вы привезли с собой фотографию? Я так хочу поскорее её увидеть, – спросила я Алена и тем самым вывела его из смущённого состояния. Мой вопрос, как нельзя кстати, подошёл к создавшейся ситуации.

Ален быстро достал из внутреннего кармана пиджака какой-то маленький пакетик и вытащил завёрнутые в красивую обёрточную бумагу какие-то предметы. Что-то ярко сверкнуло в лучах электрического света на ладони Алена. Я ахнула, когда увидела красивый кулон на серебряной цепочке, составленной из крупных, необычной формы, звеньев. Кулон представлял собой 8-угольную серебряную звезду с крупным, переливающимся внутри звезды камнем, напоминающим изумруд.

Камень был довольно крупным, диаметром в 2 см, он был так хорошо огранен, что его грани блестели, сверкали и переливались в лучах света, как бриллиант чистой воды.

– Это м-н-е-е-е-е?! – спрашивая и одновременно удивляясь, выдохнула я.

– Да, я хочу тебе сделать маленькие подарки, – как-то естественно и непринуждённо Ален перешёл на "ты". – Я думаю, что таких вещей нет ни у одной девушки не только в Краснодаре, но и во всём Союзе. Я их купил у себя в Ливане.

Потом он достал ещё один подарок – брошь в виде бабочки с тельцем из какого-то полудрагоценного камня и с золотыми крылышками, на которых блестили, как маленькие бриллианты, разноцветные камешки.

Наконец Ален достал из другого внутреннего кармана какой-то документ, напоминающий студенческий билет, и протянул мне на своей вытянутой руке фотографию, размером 3 см на 4 см. Я была счастлива!!!

Дороже этих "драгоценностей" (хотя они и не тянули на то, чтобы называться "драгоценностями" в прямом смысле этого слова) у меня ничего в жизни не было ни до того дня, когда Ален сделал мне свои подарки, ни после...

Я их берегла, как зеницу ока. Они и до сего момента каждый день радуют и восхищают мои глаза и душу.

Спустя много лет все военные, друзья и сослуживцы моего мужа, когда видели этот кулон на длинной серебряной цепочке, сначала думали, что у меня на шее висит Орден Александра Невского, который присваивают гражданам страны только за великие военные заслуги перед Отечеством.

Сам того не ведая, Ален в тот вечер подарил мне Орден за "великую заслугу" – за мою Любовь к нему, длиною в жизнь мою.

– Я буду называть этот кулон "Звездой Шерифа", – сказала я тогда Алену.

– Можешь его называть, как захочешь... только хочу, чтобы ты никогда меня не забывала, и чтобы этот кулон всегда напоминал тебе обо мне, – как-то грустно выразил своё пожелание и напутствие Ален.

Его слова оказались пророческими – я никогда не забывала Алена и мою первую любовь к нему.

Этот кулон как будто обладал какой-то магической силой. Он был не просто подарком, он стал моим талисманом, дающим мне ощущение близости, какой-то внутренней духовной связи с человеком, который подарил мне этот предмет, но сам исчез из моей жизни на долгие 33 года.

Кулон не просто давал мне ощущение близости к любимому человеку, но являлся сам своеобразной духовной связью, которая соединяла меня с дорогим человеком в течение тех долгих лет, что я прожила в разлуке с ним.

Он, будто живое и разумное существо, однажды, 13 сентября 1980 года, своим немым языком дал мне понять, что разорвалась та невидимая связь, которая столько лет меня соединяла с моим любимым человеком... Но об этом я узнала лишь 33 года спустя...

Вот и сейчас, когда я пишу эти строчки, кулон Алена висит на самом видном месте в моей квартире – на медной ручке дверцы от серванта, входящего в комплект моего мебель-

ного гарнитура из испанского ореха.

В такой, как сейчас, ясный и солнечный день камень кулона, отражая попадающие на него лучики солнца, сверкает и играет своими многочисленными гранями, как крупный бриллиант.

В нашей с Аленом жизни то были самые счастливые и безоблачные дни, заполненные любовью, радостью, заботой друг о друге и постоянным невыносимым ожиданием встреч с самым дорогим и близким мне человеком.

Через месяц наступил первый праздник в нашей жизни – 7 ноября. Тогда мы всей страной отмечали 57-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. С утра я, как и Ален, пошла со своими однокурсниками в демонстрации по главной улице Краснодара – ул.Красной, а потом я поехала к Алену в общежитие, где мы продолжали отмечать у них праздник, но уже по-другому – "по-русски", с большим угощением на праздничном столе и, конечно же, не без употребления "национального" 40-градусного напитка, после чего начинаются песни, танцы и выяснения отношений: "Ты меня уважаешь?".

Но студенты-медики – народ культурный, поэтому празднование 57-й годовщины Великого Октября прошло в допустимых рамках приличия, если не считать, что все ребята, как сами хозяева, так и их гости, были пьяны, кроме нас с Аленом. Правда, мы с Аленом тоже были "пьяны", только по другой причине, и нашим "зельем" был не 40-градусный на-

питок, а любовь...

А впереди нас ждал ещё один праздник – праздник всех праздников, Новый Год, волшебный, весёлый и самый любимый праздник у нашего народа.

Однако Ален не захотел встречать Новый 1975 год в нашем общежитии, куда я его уже заранее пригласила.

Ален хотел проводить Старый год, когда мы с ним познакомились, и встретить Новый год вместе со мной и с его друзьями у них в комнате. Мне было всё равно, где и с чьими ребятами и девчонками отмечать праздник, главное для меня – быть в этот день вместе с Аленом.

Помню, как 31 декабря за 4 часа до наступления Нового Года я более 1.5 часа добиралась на трамвае до общежития Алена.

На улице было очень холодно, с каждой минутой крепчал мороз, но настоящая зима со снегом и метелями ещё не наступила в тот декабрь.

Все улицы и дома в городе, а также дороги, газоны и земля были непривычно для зимнего месяца серыми и чёрными. На них уже давно должен был лежать снег, а вместо этого – голая почва, скованная морозом, и только кое-где на поверхности земли сохранилась пожелтевшая ещё осенью трава и упавшие с деревьев редкие серо-коричневые, почти уже сгнившие, листья, случайно зацепившиеся за промёрзшие кочки земли и таким образом уцелевшие на поверхно-

сти почвы.

За несколько дней до этого дул сильный северный ветер, который срывал и сдувал с земли опавшие листья и вихрем, как в смерче, прибивал их к стенам домов и заборов, являющихся естественным барьером на пути у гонимой ветром осенней листвы.

Когда я подъезжала к зданию общежития, то с небес что-то стало падать – мелкое, колющее и обжигающее. Это "что-то" трудно было рассмотреть, "оно" было настолько микроскопично малым, что невооруженным глазом увидеть было просто невозможно.

Я приехала к Алёну в самый разгар подготовки к празднованию Нового Года.

В такие дни студенческие общежития напоминают встревоженный улей – студенты, как пчёлы, снуют, носятся, как угорелые, летают по коридорам с этажа на этаж общаги, влетая и вылетая из комнат, как из ульев, и из всех помещений, какие только были в здании корпуса.

Это хаотичное, на первый взгляд, бесцельное и бессмысленное движение студенческой массы в канун Нового Года напоминало "броуновское" движение...

Но за несколько минут до боя курантов на Кремлёвской Башне суета, шум и беготня по коридорам и комнатам прекращались. Все собирались в комнатах по своим компаниям за праздничными столами в ожидании знакомого до боли каждому советскому человеку боя курантов... Потом дол-

гожданый бой часов, гимн Советского Союза, наши громкие "ур-а-а-а", "ур-а-а-а", звон бокалов, наполненных доверху "Советским Шампанским" или звон рюмок и стаканов с русской водкой.

После первого тоста и закусывания снова шум, радостные возгласы и крики с поздравлениями, пожеланиями друг другу счастья и любви, но уже это происходило опять в коридорах и на 1-м этаже, где обычно проводились танцы.

В тот новогодний вечер все мои тосты, которые я не произносила вслух, были только за Алена, за нашу любовь и за то, чтобы мы никогда с ним не расставались.

Этот новогодний вечер запомнился мне на всю жизнь ещё и тем, что Алэн был очень счастливым, весёлым, заботливым и нежным со мной. Его поцелуи были такими же страстными, дурманящими, кружащими мою голову и уносящими меня в мир грёз, удовольствий и наслаждения, как и его самый первый поцелуй, который произошёл совсем незадолго до Нового Года.

Когда мы познакомились с Аленом, у меня и в мыслях не было, что он так "быстро", через 1.5 месяца после нашей первой встречи, меня поцелует.

Сейчас такое кажется почти невероятным, и многие даже в это не поверят, но тогда было другое время... хотя и в те времена были "исключения", когда молодые люди целовались в первый вечер своего знакомства. Сейчас же это является нормой поведения у современной молодёжи, а "исключо-

чением" из нынешних правил как раз являлся бы наш слу- чай.

Каждый раз, когда Ален лишь только дотрагивался до моего плеча, прикасался к моей руке или к талии, по всему моему телу пробегала предательская дрожь, которая выдавала моё возбуждённое состояние, и по всей коже моего тела бегали мурашки, а вслед за этим наступал озноб, и, наверное, поднималась температура...

Так прошёл мой первый Новый Год с любимым человеком.

Я возвращалась к себе домой, к своим девчонкам, радостная и счастливая. Мне тогда казалось, что и Ален любит меня, и большего счастья в жизни для себя я не представляла и не желала.

Казалось, НИЧТО не предвещало беду...

Утром, когда я вышла от Алена на улицу, я глазам своим не поверила – всю землю, дороги, деревья и крыши домой покрывал девственно чистый белый снег.

В то раннее предрасветное утро мои следы были не первыми, но первыми че-ло-ве-чес-ки-ми следами на запорошенной снегом дорожке, ведущей к остановке трамвая, который должен был меня через 1.5 часа доставить в Черёмушки к моему студенческому городку. Естественно, что в тот момент я была первым и единственным какое-то время пассажиром в том первом трамвае, подошедшем к остановке.

Бездомные уличные собачки уже успели потоптать свои-

ми лапами снег около входа в общежитие в надежде и в ожидании, что им вынесут поесть косточки или что-нибудь даже повкуснее с праздничных столов обитателей этого здания.

Не зря мы считаем Новый Год сказочным и волшебным праздником. Словно по велению волшебной палочки ровно в полночь с 31 декабря на 1 января крупными хлопьями пошёл пушистый первый снег в ту зиму.

Несколько лет спустя, вспоминая празднование Нового 1975 года, я писала в своем стихотворении:

*Осталось только вспоминать
Наш первый вечер, тот октябрь,
Безумство, радость первых встреч,
Что не смогли с тобой сберечь...*

*Наш Новый Год в кругу друзей,
Веселье, смех, огни свечей.
И утром первый снегопад-
Осталось только вспоминать...*

Вот и вспоминаю я всю свою долгую жизнь события тех дней минувших и мою любовь к Алену.

Мне порой кажется, что последовавшая за тем моя жизнь – это один лишь процесс воспоминаний, который я вынуждена считать своей жизнью.

В истории человечества были всего лишь "Десять дней,

которые потрясли Мир", а в моей жизни были всего 4 месяца, которые потрясли "мой Мир".

После празднования Нового Года у меня в университете, как и у Алена в мединституте, наступила пора зачётов и подготовки к экзаменам. Мне предстояло сдать в зимнюю сессию последние экзамены перед государственными экзаменами или защитой дипломной работы.

Мы могли сдавать на выбор – или 2 экзамена по английскому языку и по зарубежной литературе, или защита диплома. Диплом закономерно выплывал из нашей курсовой работы на 4-м курсе, обрастая дополнительной информацией и большим количеством приведенных примеров по лексике, стилистике или грамматике (смотря по тому, у кого какая тема была), взятых из тех или иных произведений зарубежных классиков, прочитанных нами в оригинале.

Моя руководительница по курсовой работе, которую я защитила на "отлично" на 4-м курсе, советовала мне не останавливаться на достигнутом, а дальше работать и довести мою курсовую до дипломной работы. Моих примеров по стилистике романа Драйзера "Сестра Керри" хватало даже на то, чтобы докторскую писать, но я отказалась: жизнь в общезитии – не лучшее место для занятий науками.

Хотя пора подготовки к экзаменам была напряженная, и было мало свободного времени, мы с Аленом продолжали постоянно встречаться то у него, то у меня в общезитии.

ГЛАВА 5. «ЯГО» В ЖЕНСКОМ ОБЛИЧЬЕ

Вот и наступила теперь для меня тяжелая минута – вспомнить мою последнюю встречу с любимым человеком и ввести в канву моего повествования ещё один персонаж, который сыграл роковую и зловещую роль в наших с Аленом судьбах.

Я уже упоминала на первых страницах своего романа Олю Королихину и Тамару Низенко. Вместе с ними я в мире и в согласии прожила в одной комнате в течение 5 лет обучения в университете. Тамара училась на нашем факультете РГФ, только шла на курс ниже. К Тамаре иногда приезжала в общежитие по каким-то учебным делам и вопросам её толи однокурсница, толи одноклассница Светлана, которая была не иногородней студенткой, а коренной жительницей, и жила со своими родителями в Краснодаре.

Первый раз я увидела её (лучше бы я её совсем никогда не видела) в нашей комнате задолго до описываемых событий и потом редко, но всё же иногда, встречала её в многочисленных коридорах нашей Alma Mater.

После того как Света однажды приехала к Тамаре в тот злополучный день, когда у меня в гостях был Ален, её визиты к "нам" участились.

Нам с Алёной это не очень нравилось – за Светой ходила недобрая, если ни сказать, дурная слава, и "слава" эта росла не на пустом месте...

Мы не раз с Алёной замечали, как Светлана довольно "от-

кровенно" вела себя (в отсутствии Тамары в комнате) по отношению к Геннадию, бой-френду Тамары, и строила ему глазки, совсем этого не скрывая. Мы пытались Тамаре дать понять, что ей следует быть более внимательной и осторожной и постоянно быть начеку, имея дело с красивым бой-френдом и подругой-красавицей, но Тома лишь в ответ на наши предостережения махала рукой... а зря...

Если бы Тамара ещё тогда приняла к сведению наши советы и опасения, то не произошло бы то, что потом случилось...

Мне бы не хотелось так много внимания уделять описанию столь коварной личности, но приходится...

Светлана была красивой – нет, она была супер красивой девушкой высокого роста, за 180 см, с изящной спортивной фигурой и длинными стройными ногами, с большой копной рыже-каштановых густых волос, достоящих ей до половины спины.

Черты её лица не просто были правильными, они были perfect – само совершенство. Мы с девчонками, как, наверное, и все другие люди, встречавшиеся на её жизненном пути, говорили ей, что она ошиблась в выборе института и факультета – ей надо было поступать в какое-нибудь столичное, московское или ленинградское, театральное училище.

Глядя на её фигуру и безупречную внешность, можно было без каких-либо вступительных экзаменов и предварительного прослушивания зачислить это "прелестное" создание

на 1-й курс такого театрального учебного заведения.

Артистизма, актёрских способностей и таланта ей было не занимать – мою жизнь, как, впрочем, и судьбы многих других, близких ей людей (что выяснилось только много-много лет спустя), она разыграла, как по нотам.

Никогда раньше и после в своей жизни я не встречала человека, чья прекрасная безукоризненная внешность диссоциировала с его внутренним содержанием.

Если говорить о Светлане, то её форма и содержание находились, если можно так выразиться, в антагонистическом противоречии. В ней сочетались два существа – прелестное создание и дьяволица.

Большие карие глаза, точеный, правильной формы носик, полные чувственные губы, обычно подведённые тёмным тональным карандашом поверх нанесенной на губы помады, никого из молодых людей не могли оставить равнодушным.

Она пользовалась только импортной косметикой, которую в те годы, 70-е годы 20 века, можно было достать, разве что, только на "барахолке" или у фарцовщиков за бешеные деньги. Но это был тот редкий случай, когда косметические ухищрения мало что улучшали или дополняли к совершенному облику и неотразимой внешности красавицы районного масштаба.

Описывая её внешность, я всё время старалась вспомнить кого-нибудь из наших "звёзд" на кинематографическом или театральном небосводе в прошлом или в настоящем време-

ни, но ни одна из так называемых "звёзд" или "звёздочек" не могли с ней сравниться по красоте.

И вот наконец-то я недавно увидела лицо, напоминающее, как 2 капли воды, внешность Светланы. Это лицо Елизаветы Боярской.

Я не знаю, где сейчас Светлана, как сложилась её судьба, есть ли у неё семья, дети... По возрасту Светлана и Лиза могли быть, как мать и дочь. Я уверена, что Елизавета больше похожа по внешности на описываемую мной женщину, нежели на свою мать.

Если мой персонаж и нашу российскую восходящую (можно уже с уверенностью сказать "состоявшуюся") "звезду" поместить в одно временное измерение, то их можно было бы считать родными сестрами – так они похожи друг на друга...

Почему я так много внимания уделяю описанию её внешности?

Наверное, потому, чтобы было понятно – мужчинам пройти мимо такой женщины было непросто, особенно, если она сама завлекала их в свои сети и сама шла прямо к ним в руки.

Я уже писала, что раньше я редко видела у нас в комнате эту красавицу, однокурсницу нашей Тамары, и когда её визиты к нам участились, я не придавала этому особого значения.

Естественно, что, когда Света увидела моего Алена, эта встреча не могла пройти незамеченной для неё и без последствий для них обоих – её и Алена.

Её копилка побед над соблазненными и поверженными к её ногам мужчинами не могла не пополниться ещё одной победой...

Для Светланы, по-видимому, на горизонте замаячило что-то новенькое и свеженькое в облике моего Алена.

Её уже не устраивала простая жизнь провинциальной красавицы, пресная, как овсяная каша на завтрак.

Скорее всего, она также пресытилась своей прежней жизнью и своими прежними победами над мужчинами. От африканской экзотики и африканских страстей её уже мутило – ей хотелось вкусить и изведать вкус специй и приправ восточной "кухни". Ей мечталось уже почувствовать аромат восточных пряностей, и Алел для неё виделся в качестве таких пряностей.

Она была из тех женщин, которых не устраивала обычная жизнь. Свою жизнь без интриг, малых и крупных козней и гадостей она просто не представляла, такая жизнь была скучна ей.

Я сейчас вспоминаю эту роковую бестию и прихожу к мысли – весь смысл жизни для неё состоял в счёте побед над поверженными ею представителями сильного пола.

Ей ничего не стоило на вечеринке, на дне рождения увести из-под носа своей подруги или однокурсницы её молодого человека (или даже мужа), а потом, добившись своего, очередной "победы", тут же его бросить за ненадобностью, совсем не задумываясь о последствиях таких "побед".

Её никчёмные победы, разрушенные отношения и чувства близких друг другу людей доставляли ей, скорее всего, величайшее наслаждение, взбадривали её, добавляли адреналина в кровь и давали ей ощущение безграничной власти над повергнутыми мужчинами.

Вкус этой безграничной женской власти толкал её на всё более омерзительные поступки. Увеличивающийся счёт её "побед" кружил ей голову, и в этом опьянении она находила свои наслаждения и земные радости, а впоследствии, возможно, и смысл своей жизни.

Не знаю и не хотелось бы знать, как сложилась её судьба в дальнейшем.

В этой "подруге", а она претендовала на то, чтобы называться моей и Томиной подругой, притаился не только опасный для всех окружающих мужчин змей-искуситель. Коварство было одной из основных составляющих её сущности.

Тогда я ещё не очень хорошо разбиралась в людях. Я допускала, что Света может положить свой чёрный глаз на моего Алена, но особого внимания этому факту не придавала. А напрасно...

Я не знала тогда, насколько может быть коварен человек, вообще, и наша общая "подруга", в частности.

Про "коварство и любовь" я узнала ещё из школьной программы по зарубежной литературе, когда знакомилась с творчеством Шиллера и Шекспира. Но, то была классика, шекспировские страсти 16-17 веков, а тут 20-й век на дво-

ре... Какой тут Яго?!

Не думала я, что на моём жизненном пути встретится такой персонаж, как Яго, только в женском обличье. Видно, образ шекспировского персонажа Яго – живучее явление в человеческом обществе, и никакие столетия – ему не преграда.

Такие люди были, есть и всегда будут потому, что суть человеческая с веками не меняется; там где есть добро, там всегда соседствует зло; там, где есть любовь, по соседству "прогуливаются" зависть, предательство и коварство.

Наша Светлана в своих изворотливых кознях затмила самого Яго.

Сейчас мне кажется, что Яго, коварный литературный персонаж из шекспировской драмы "Отелло", – всего лишь мальчишка-проказник по сравнению со Светой, живым, а не вымышленным персонажем в моём повествовании. Шекспировскому Яго было бы чему поучиться у моей "героини".

Созданная Богом или самой Природой прелестным созданием с прекрасной внешностью, она должна была дарить окружающим её людям любовь, доброту и счастье, в чём состоит естественное предназначение женщины на земле... но она оказалась сущим дьяволом, вернее, дьяволицей, в женском обличье.

Её можно было назвать «Цветком Дьявола».

Нежность, сентиментализм и романтизм – последние вещи, присущие ей.

Я начала замечать, что Света стала часто захаживать к Томе как раз в те дни, когда ко мне в гости приезжал Ален. Я не догадывалась тогда, как такое может получаться, а теперь, по происшествию многих лет, мне становится ясно – Света не уходила от Тома до тех пор, пока мы не расставались у двери нашей комнаты с Аленом и не договаривались о дне нашей следующей встречи. "Ларчик просто открывался".

Светлана приезжала к своей однокурснице под любым предлогом именно в те дни, когда у меня были свидания с любимым человеком.

Наша зимняя сессия подходила к своему завершению, сдавались последние экзамены, настроение у нас уже было отпускное, вернее, «каникулярное».

Раньше, до знакомства с Аленом, я всегда брала билеты на самолёт рейсом Краснодар-Сочи на день сдачи последнего экзамена, хотелось поскорее улететь к себе домой, в мой любимый город Сочи, и оказаться в своей семье, по которой я всегда в разлуке тосковала.

Краснодар я почему-то не любила, хотя, как можно не любить сразу весь город, но, тем не менее, при воспоминании о нём на душе моей не становится теплее, и сердце не начинает учащенно биться.

В тот раз мы с Алёной купили авиабилеты по привычке на последний день экзаменов. До Сочи мы с Алёной летели вместе, а в Адлере, где находится аэропорт города Сочи, нас

должен был ждать мой отец на нашей «Ладе», машине красивого цвета черешни, на которой он бы нас доставил до Сочи, а Алёна потом сама на электричке добралась бы до своего родного города Туапсе.

В тот раз мне хотелось улететь из Краснодара позже, чем обычно – хотелось побольше и подольше побыть вдвоём с Аленом, но такого счастливого случая нам пришлось бы долго ждать – у кого-то из наших девчонок по комнате последний экзамен по расписанию был только через 4 или 5 дней.

Как ни хотелось мне расставаться со своим любимым и дорогим человеком, хоть и ненадолго, всего лишь на 3 недели, но сделать это всё же пришлось.

За несколько дней до моего отъезда в последний раз, когда я расставалась с Аленом на ступеньках нашего общежития, мы договорились, что он приедет к нам, чтобы проводить и проститься со мной.

Я так ждала этого дня и часа, я столько нежных слов готовилась ему сказать при прощании, столько тепла и нежности своей хотела ему отдать... но этого не случилось...

Мы договаривались с ним на 16 часов вечера. Стрелки часов уже подходили к назначенному времени, всё у нас с Алёной было готово, чемоданы упакованы, документы и билеты на самолёт 100 раз были проверены и перепроверены... Оставалось только дожидаться приезда Алена.

Стрелки часов уже перевалили за цифру "4", а Алена всё не было ...

Тут послышались шаги, приближающиеся к двери нашей комнаты, и стук в дверь, но сердце моё не выскочило из груди от радости, потому что в этих шагах и в этом стуке моё сердце не почувствовала Алена... И сердце меня не обмануло – неожиданно для нас всех на пороге нашей комнаты опять появилась Светлана. Казалось бы, какие могут быть дела и вопросы к Тамаре, когда экзамены сданы, и сессия закончилась???

Моё сердце как-то непривычно сжалось, что-то внутри его заныло и защемило, от наступившего волнения стало немного подташнивать – это первые признаки моего предчувствия и предвидения БЕДЫ... Только много лет спустя по этим ощущениям и поведению своего организма я стала узнавать "моменты" собственного предвидения.

Мне не хотелось верить в то, что я не увижу Алена перед своим отъездом в Сочи, а где-то в глубине сознания таилась страх никогда больше не увидеть Алена, будто с нашим самолётом может что-нибудь трагическое произойти или с Аленом. Я гнала эти мрачные и душераздирающие мысли прочь от себя, но они упорно гнездились в моём сознании.

В течение всего полёта Алёна, как могла, успокаивала меня, приводила мне различные причины и версии того, почему Ален не приехал меня проводить. Одна из них оказалась верной – он просто опоздал, и мы не дождались его всего на 20 минут. Всё происшедшее выглядело, как плохое предзнаменование.

ГЛАВА 6. ПОСЛЕДНИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ КАНИКУЛЫ СОЧИ

Лететь в самолёте пришлось недолго – всего 45 минут. Радость от встречи в аэропорту с отцом, которого я не видела почти полгода с конца августа прошлого года, когда я с ним прощалась в том же зале ожидания адлерского аэропорта, куда мы с Алёной прилетели, только на некоторое время отвлекла от тревожных и мрачных мыслей об Алене.

Тогда я жила во 2-й семье моего отца. Наши родители, хоть и любили друг друга, но довольно часто ссорились из-за ревности друг к другу и по пустякам. Такое положение вещей в семье не замедлило сказаться на их браке – он вскоре затрещал по швам и распался, когда мне было 12 лет, а старшему брату Валентину – 16 лет. Около 2-х лет мы с ним жили у нашей тётки Маруси в станице Вознесенской на Кубани, там же с ним ходили в школу.

Когда наши родители развелись, каждый из них пошёл своим путём, и к нашему с братом сожалению их пути в будущем уже не соприкасались и не пересекались. Мама так и не вышла больше замуж, а отец во 2-й раз женился на своей коллеге Елене, когда мне исполнилось 14 лет, и взял меня к себе во 2-ю семью. Со временем его жену Елену я стала называть «мамой».

В день моего прилёта как всегда родители приготовили

праздничный ужин по случаю приезда на каникулы любимой дочери в отчий дом. Как обычно в таких случаях, мать приготовила шашлыки из свинины и испекла свои "фирменные" пирожки с картошкой. Она выпекала их не в газовой духовке, а прямо в огромной бабушкиной сковородке в большом количестве кипящего подсолнечного масла, которое, как всегда, "шипело" и разлеталось во все стороны, пачкая цветные занавески и тюль, а также белую кафельную плитку на стене.

В те годы, как и в последующие ещё лет 25, все нормальные продукты представляли собой «жуткий» дефицит. Однако на нашем столе чего только не было – и «Советское Шампанское», и импортные банки с маринованными огурчиками- корнишонами и другими овощами, консервированные фрукты из Болгарии и Венгрии, зелёный горошек, растворимый кофе, сырокопченая колбаска, сервелат. Всё это появилось на нашем столе только благодаря продуктовым «заказам», которые получал мой папа, как участник Великой Отечественной войны.

Радость от встречи с близкими мне людьми стала постепенно затихать, и на смену ей пришли тоска и печаль. Когда я сидела со своими родными и разговаривала о своей учёбе, о получении диплома, о распределении после окончания университета и о дальнейших жизненных перспективах, я ещё держала себя в руках и старалась ни о чём не думать, разве что о том, о чём непосредственно шла речь. Но стоило нам

разойтись по разным комнатам с родителями, и мне остаться одной наедине со своими тревожными мыслями, тут же я дала волю своим слезам в первый раз со дня знакомства с Аленом.

Я успокаивала себя тем, что ничего страшного в том нет, что Ален не приехал меня провожать, как мы договаривались – мог же он, действительно, опоздать, какие сделала свои осторожные предположения моя подруга Алёна.

Но мои душа и сердце были не на месте. Я ни в чём не находила покоя, не было никакой радости от долгожданных каникул, от гуляний по улицам родного города, по Курортному проспекту, по Платановой аллее, по центральной части Сочи, от встреч со своими друзьями и некоторыми одноклассниками, которые тоже приехали на студенческие каникулы из других городов Союза.

Ничего не хотелось делать и никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось встречаться. Я рвалась обратно в Краснодар увидеть Алёну и убедиться, что всё у нас хорошо, и ничего страшного с ним не произошло.

Как никогда раньше, в течение всех 5-ти лет обучения в университете, я ждала окончания своих каникул той зимой. Сил не было больше ждать дня вылета обратно в Краснодар. Я начинала понемногу сходить с ума. Мне казалось, если я не увижу Алёну завтра или послезавтра, то я просто задохнусь без него, как без кислорода... Тогда я решила поменять свой авиабилет – сдать старый билет и купить новый, на бо-

лее ранний срок.

Ещё неделя оставалась до конца каникул, но я понимала, эту неделю я не смогу прожить дома, в Сочи, без Алена...

Решение было мною принято быстро, только я не знала, какие слова мне нужно было найти для своего отца и матери, чтобы они поняли меня и не обижались...

Тогда же я решила всё рассказать своему отцу об Алене.

Помню, как отец долго не мог ничего сказать после моих объяснений, минута молчания слишком затянулась, а потом отец всё-таки нашёл в себе силы, чтобы ответить мне:

– Дочка, ты у нас уже взрослый человек, тебе решать свою судьбу. Через полгода ты получишь свой диплом и станешь полностью самостоятельным человеком, не зависящим от нас с матерью. Ты сама должна понимать, что такое любить человека из другой страны... Ты, вообще, сама себе представляешь, что это такое?

– Наверное, с трудом... – робко я ответила отцу.

– Если этот человек... – тут отец сделал паузу, потому что я не сказала, как зовут моего любимого.

– Алена его зовут, – наконец я осмелилась вслух перед отцом произнести его имя.

– Если этот человек, – продолжал мой отец, – Алена тоже тебя любит, то вы со временем должны быть вместе... Но "где" вместе? У нас в Союзе или в его стране? Он ведь не останется в нашей стране, он не за тем сюда приехал, чтобы получить профессию врача и остаться здесь, в Союзе...

Естественно, он уедет обратно к себе на Родину. Что будет с тобой? А что будет с нами? Ты думала об этом?

– Папа, я об этом совсем не думала, я просто его люблю и ни о чём другом не думаю...

– А надо думать, дочка... Всегда надо думать о том, что тебя в будущем ожидает.

Я не знала, что сказать отцу в ответ, а он продолжал мучить меня своими вопросами и своими же ответами:

– Если так случится, что твои с ним чувства будут взаимны, тогда вы свяжите свои судьбы... Что тогда? Пойми, это другая страна, очень далёкая от нас страна. Туда можно уехать и никогда больше

не вернуться. Здесь всё имеет значение – и политика, и международные отношения... Я не переживу, если ты туда навсегда уедешь...

– Я ни о каком будущем даже говорить не буду, потому что это Я его люблю, а он любит меня или нет, я не знаю...

– О-о-о-о-чень интересно! И что ты будешь делать дальше? – не скрывая свою досаду, отец, как следователь, продолжал мучительный для меня "допрос".

– Я послезавтра улетаю в Краснодар, – затаив дыхание, тихо в полголоса сказала я отцу.

– Хорошо, что сообразила на завтра не брать билет и не омрачать наш семейный праздник. Надеюсь, ты помнишь, какой у нас завтра день?

– Конечно, помню... Вот поэтому я и улетаю послезав-

тра, – как будто оправдываясь, ответила я отцу.

А «завтра» было 21 января – день рождения первого ребёнка в нашей семье. Год тому назад у Валентина и Светланы родился сын Женька, значит, мой племянник.

Отлично помню, как ровно год назад, когда я также приехала к родителям на каникулы, мы каждый день ждали из Куйбышева телеграмму от Валентина с радостным для всех нас известием о рождении сына или дочери.

Естественно, что наш отец очень хотел мальчика, чтобы продолжался наш род и фамилия наших дедов и прадедов. Помню, как я прыгала от радости, как маленькая девчонка, бегала по квартире и кричала: «У нас маленький родился, у нас маленький родился...»

Не знали мы в тот зимний январский вечер, который принес нам радостное известие, какое трагическое событие произойдёт в нашей семье в этот же самый день, только 20 лет спустя. В истории моей семьи этот день был одним из самых светлых и счастливых, а потом он стал самым «чёрным» днём в моей семье.

Но тогда мы об этом не ведали, мы были счастливы и готовились на следующий день отметить первый год рождения нашего малыша.

Я не хотела огорчать своих родителей, поэтому день рождения своего маленького племянника решила отметить в кругу семьи, а потом улететь в Краснодар.

Я видела, для отца был неприятным и тяжёлым наш раз-

говор, и он старался его поскорее закончить.

Я думала, он в ответ возмутится, рассердится, повысит свой голос, как обычно бывало во время наших с ним редких, но всё же имевшихся разногласий, "разборок" и выяснений отношений между "отцами и детьми", но ничего подобного не произошло, наоборот, отец как-то быстро сник и расстроился.

Он немного помолчал, не зная, что сказать, а потом добавил:

– Но у тебя билеты на самолёт только через неделю...

– Я их вчера поменяла... к счастью, были свободные места

...

– К какому счастью? – продолжал удивляться отец.

– Папа, пойми, я здесь не живу, а просто существую...

Я не могу без него, меня ничего не радует, и ничего здесь не держит. Я всё для себя уже решила, и не надо меня отговаривать. Менять ничего не собираюсь.

– Тебе виднее... Только после не пожалей о том, что решения принимала не трезвым умом, а чувствами и эмоциями, – потом отец о чём-то подумал и спросил:

– У тебя когда послезавтра рейс до Краснодара? Я отвезу тебя на машине в аэропорт.

– Кажется, где-то около 2-х часов дня, – с облегчением ответила я, понимая, что самый трудный разговор с отцом теперь уже позади. На душе стало немного легче, словно гора с плеч свалилась. Больше эту тему мы с отцом в тот вечер

не затрагивали.

В тот вечер у нас дома было непривычно тихо и как-то пусто, никто ни с кем не разговаривал. Скорее всего, отец передал матери наш с ним безрадостный разговор, и та, как и отец, пребывала в шоке и в некотором замешательстве, которое выразилось в том, что она внезапно прекратила свои приготовления на кухне на завтра по случаю нашего семейного торжества.

Каждый занимался своим делом, и это "своё дело" заключалось в молчаливом сидении или лежании на диване с потухшим взором и с мрачными мыслями в голове (это было положение отца), или в стоянии у окна в спальне и рассмотрении едва видимых на море кораблей, глиссеров и катеров – этим занималась я.

Мать тоже молча стояла у окна на кухне, бездумно и бесцельно рассматривая на противоположном склоне холма деревья, сады и дома, разбросанные в каком-то своём порядке, не понятном как для архитектора, так и для простого обывателя, не обременённого какими-то особыми знаниями в области градостроения.

Не знаю, уж когда, но мама всё же приготовила и шашлыки и наши любимые пирожки с картошкой. Видно, в своём созерцании кораблей на синей глади моря я так глубоко ушла в свои мрачные мысли, что не видела и не слышала, что у нас творилось и создавалось из продуктов на кухне.

Последовавшая за этим ночь тоже была беспокойной.

Когда я приезжала домой на каникулы, то всегда спала на диване на нашей застеклённой лоджии, оборудованной отцом под нормальную комнату.

На лоджии стояли кроме дивана 2 стула и бабушкина немецкая ножная швейная машинка "Зингер", которой в обед исполнилось бы 100 лет, но она выглядела, как новенькая, и ещё здорово работала – "строчила", как пулемёт "максим".

У нас была 2-х комнатная квартира, состоящая из 2-х смежных комнат. Мою лоджию от родительской спальни отделяла как раз смежная комната, которая у нас считалась гостиной, и в которой мы принимали своих гостей, в основном, папиных друзей, семью Пеговых из Кудепсты.

Я почти всю ночь не спала, меня обуревали разные мысли – и хорошие, и плохие, и очень плохие. Как я ни старалась заснуть, сон ко мне не шёл...

Не только мне не спалось в ту ночь – несколько раз я слышала, как отец выходил из спальни комнаты и шёл на кухню, потом я слышала звук открываемых им пластиковых пузырьков с лекарствами от сердца. Я поняла, что от нашего с ним вечернего неллицеприятного разговора у отца снова начались проблемы с сердцем – аритмия. Ему исполнилось только 54 года 20 дней тому назад. Первое января в нашей семье был всегда двойным праздником.

Хоть мой отец и был относительно ещё молодым мужчиной, но война и серьёзные ранения на войне, а затем после-

военная жизнь, такая же нелёгкая, как и у всех людей нашей страны, семейные неурядицы и развод в конечном итоге – не лучшие предпосылки и условия для сохранения здоровья и крепкого сердца, познавшего аритмию, тахикардию и прочие сердечные недуги.

Когда отец во 2-й и 3-й раз просыпался (а возможно, он, как и я, в ту ночь тоже не спал) и шёл на кухню, я уже слышала другой звук открываемых и доставаемых лекарств – это были таблетки от давления, и они были запакованы в шуршащую фольгу.

Потом слышался звук поднимаемого металлического чайника с зеркальной ребристой поверхностью, звон стеклянного стакана, звук перетекающей жидкости из одной ёмкости в другую. Потом тишина – это отец запивал таблетки от повышенного давления, снова звук от соприкосновения дна чайника с газовой плитой и шаги отца обратно в спальную комнату.

Я лежала и чувствовала угрызения совести от того, что причинила отцу лишнюю сердечную боль, как в прямом так и в переносном смысле. Нам его надо было бы беречь, а я его расстраивала событиями своей жизни.

Возможно, лучше было бы ничего не рассказывать, а просто раньше уехать, ничего не объяснив, или сославшись на то, что есть какие-то неотложные дела, связанные с предстоящей подготовкой к государственным экзаменам. И это зву-

чало бы правдиво, понятно и объяснимо...

Но я считало такое "развитие" событий неприемлемым и жестоким по отношению к отцу. Я ему полностью доверяла, как самому близкому человеку, поэтому старалась ничего не утаивать и не скрывать от него, а говорить правду и по существу.

Утром 21 января мы отправили Валентину и Светлане поздравительную телеграмму, а днём сам Валентин заказал по телефону междугородний разговор из Куйбышева. Мы услышали счастливые и радостные голоса наших родных людей, и откуда-то из пространства их квартиры слышался нечётко, но всё-таки узнаваемо детский голосок – это подавал свои восторженные крики и возгласы по случаю дня рождения сам виновник семейного торжества.

День рождения первого внука и первого для меня племянника прошёл довольно весело и вкусно-"equal to the occasion" (на должной высоте), – так бы сказали англичане.

К сожалению, тот день, когда в нашей семье был праздник, был траурным днём в истории нашей страны, ведь в тот зимний январский день, 21 -го числа, умер наш вождь – великий Ленин. По радио и на всех каналах по телевидению шли передачи, посвященные этой дате и освещавшие события, связанные со смертью вождя и лидера Коммунистической партии.

Наконец наступил день моего преждевременного отъезда, вернее, "бегства", из отчего дома.

Мы ехали с отцом в аэропорт по красивой местности, но погруженная в свои печальные мысли, я не замечала красоту окружающей нас природы и дороги.

С одной стороны дороги мелькали дома, высокие пальмы с большими, красиво изрезанными листьями, похожими на человеческую ладонь с растопыренными пальцами, а также стройные и грустные кипарисы, "кладбищенские" деревья.

Я недавно узнала от греческого гида, который вёл нашу туристическую экскурсию по Афинам и по Акрополю, что ещё в древние времена в Греции кипарисы высаживались греками по границам мест захоронения своих усопших, со временем эти стройные деревья образовывали естественный высокий "живой" забор-заграждение.

А с другой стороны дороги сверкала на солнце бесконечная синяя гладь моря. С незапамятных времён, с момента появления на планете, оно накатывает свои волны на берег – то миролюбиво журчит в тихую безветренную погоду, облизывая пляжный песок и прибрежную гальку, то в штормовые дни угрожающе клокочет. Оно ревёт и стонет, смывая не только песок и гальку – первое, что попадает на пути у разъярённых сине-свинцовых волн, но и всё, что раньше находилось на недоступном для волн расстоянии.

Хотя я по своей натуре – спокойный и миролюбивый человек, но именно в такие минуты "гнева" и "волнений" мне

больше всего нравилось море.

Именно в такие штормовые дни я со своей подругой Валечкой Петропавловской, с которой жила в одном "учительском" доме (специально построенный для учителей школ г.Сочи) на Мамайке (есть такой район в Сочи) и училась в одной английской школе, бегали к бушевавшему морю, стояли на высоком крутом обрыве в нескольких метрах от пробитого сквозь скалу тоннеля, по которому с короткими интервалами проходили пассажирские поезда и грузовые составы то в сторону Сочи, то в сторону Туапсе.

Мы любовались гневом ревущего моря, которое было очень грозным в те часы и минуты, но, стоя на высоком обрыве, мы с подругой не ощущали этой угрозы – быть сбитыми с ног, потом подхваченными пенящейся и бурлящей волной и унесёнными в открытое морское пространство...

В такие минуты мы ощущали неопишуемые чувства радости и вселенского страха перед такой демонстрацией природных явлений. Всеми клеточками организма чувствовалось это торжество природы над нами, "человеками".

Когда наступали сумерки, и темнело, мы с Валею возвращались домой, но каким-то странным образом разбушевавшаяся морская стихия ещё долго в нашей душе оставляла ощущения волнения и тревоги, которые постепенно исчезали по мере успокоения морской стихии.

Я немного отошла от канвы повествования, но люди, влюблённые, как и я, в море, поймут меня и мою слабость

ко всему, что связано с морем...

Но в тот день, когда мой отец вёз меня в аэропорт, си-не-голубая гладь моря была спокойной, и созерцание тако-го морского покоя немного притупляло моё предчувствие и ощущение беды и чего-то непоправимого...

Мы как-то тяжело и грустно простились с отцом в тот раз, без обычных "пока-пока" и "до встречи".

Когда мы с отцом пошли в здание аэропорта, я сразу же пошла прямо к стойке регистрации своего рейса, а потом, обернувшись на своего провожающего (в тот раз был только один отец), как это было всегда, я направилась в зал вылета.

Мне больно было видеть грустное и печальное лицо моего отца, потому что я чувствовала свою вину за изменившееся в худшую сторону настроение отца и последовавшее за этим ухудшение состояния его здоровья.

Я немного успокоилась за те 2 недели, пока была дома – всё-таки домашняя обстановка, близость родных людей и сами стены отчего дома давали какое-то расслабление и временное успокоение на душе.

Но чем ближе становился момент отлёта из Сочи и возвращение в Краснодар, тем тревожнее и тревожнее становилось на душе и на сердце. Моё предвидение уже к тому моменту "всё" знало и постепенно готовило меня к печальным событиям, которые не замедлили сказаться в моей жизни всего лишь через несколько часов.

На самолёте мы летели 45 минут, но эти несколько минут

полёта мне показались вечностью.

Эти 45 минут стали для меня тем рубежом, который отделял мою прежнюю обычную жизнь с её радостями и огорчениями от той, которую я впоследствии назову "жизнью в небытии". Эти минуты стали той разделительной "демаркационной" линией, которая разделила мою жизнь на "до" и "после"...

ГЛАВА 7. УХОД ИЗ ЖИЗНИ, КАК ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ СТРАДАНИЙ

Вот и дошла я в ретроспективе своих воспоминаний до того дня и момента, которые стали самым чёрным и трагическим временем в моей жизни, если не считать потом, в будущем, 2-е смерти дорогих и близких мне людей – брата Валентина и папы.

Два дня тому назад я написала эти последние строчки и остановилась...

Я поняла, что внутренне и душевно ещё не готова вспоминать события тех тяжёлых для меня дней.

Я решила дать себе небольшой перерыв во времени, чтобы собраться с мыслями, а самое главное – подготовить своё больное и измотанное сердце к восприятиям и проживанию мною вновь того горя и той маленькой духовной "смерти", через которую я прошла 35 лет и 8 месяцев тому назад.

Хотя и прошёл такой большой период жизни, но мне до

сих пор больно, тяжело и невыносимо вспоминать тот день, словно в моём сердце, прооперированном временем по зашиванию разорванных тканей сердца 35 лет назад, опять разошлись швы, и рана снова стала кровоточащей...

Столько уж лет прошло, а я живу с той же душевной болью в сердце.

Невыносимо томительно и долго тянулись 45 минут полёта. Казалось, за это время можно было долететь до Северного или до Южного полюса.

Когда я услышала по бортовому микрофону долгожданную просьбу стюардессы пристегнуть ремни, я поняла, сейчас мы приземлимся. Через 40, в лучшем случае, через 30 минут, я получу свои вещи, сданные в багажное отделение самолёта, минут 50-60 уйдёт на поездку автобусом от аэропорта до нашего общежития, потом я брошу свои вещи в комнате и поеду к Алёну, на это уйдёт ещё 1.5 часа.

Итого, как подсчитала я, через каких-то 3 часа я увижу Алёна. При этой мысли об Алёне всё во мне затрепетало, наступило такое душевное волнение, с которым трудно было справиться. Казалось, вот сейчас увижу его, и всё пройдёт.

Уже не видела я, как приземлился наш самолёт, не помнила, как получала свой багаж, как ехала на такси. Хотелось побыстрее увидеть любимое лицо Алёна, вот поэтому я (хоть и бедная, как принято считать у нас, студентка) позволила себе взять такси из аэропорта. Перед глазами всплывали кар-

тинки будущей встречи с Аленом.

Я уже представила его на пороге их комнаты, когда я постучу им в дверь. Он сначала удивится, неожиданно увидев меня, затем смутится, а потом засияют его черные глаза, и появится милая, любимая до боли, улыбка на его губах, и всё его лицо озарится от счастья встречи со мной.

Боже! Как я ошибалась!

Не знала я, что удары судьбы так скоро обрушатся на меня, стоит всего лишь взять ключ от нашей комнаты на вахте, подняться на 3-й этаж, открыть ключом дверь и войти в комнату...

Вот я сейчас думаю, что какие-то мелочи, иногда просто пустяки, могут резко и бесповоротно изменить судьбу человека, сломать ему жизнь, и потом уже нельзя будет что-либо изменить и исправить.

Я думаю, если бы я сразу оставила свои вещи прямо у порога комнаты и уехала к Алену, возможно, жизнь моя и его сложились бы совсем по-другому или не так болезненно, чуть ни трагически.

Но история не терпит сослагательного наклонения. Случилось то, что случилось.

Я тогда сделала всё же те свои "роковые" 5-6 шагов в сторону моей кровати...

Эти шаги и стали первыми шагами навстречу моей жизненной трагедии.

На белом покрывале, которым была застелена моя кро-

вать, одиноко лежал запечатанный конверт. Почерк, которым был написан адрес нашего общежития, был мне неизвестен... но сердце моё уже замерло, как в смертельном испуге – обычно такой неровный и корявый почерк бывает у иностранцев.

« Неужели это письмо от Алена? » – безумная мысль пронеслась у меня в голове. « Зачем письмо? Почему письмо? Зачем и что надо мне писать? Он же может мне и без письма сказать... при встрече! »

В моей голове пчелиным растревоженным роем пронеслись всевозможные мысли и вопросы...

Дрожа от нервного стресса, я осторожно взяла трясущимися руками тот конверт. Не только руки, но и всё моё тело дрожало, как последний осенний листик на ветке – ещё один порыв ветра, и его оторвёт от родимой веточки и навсегда унесёт в некуда. Вот так внекуда душа моя улетела при прикосновении к тому конверту.

Я его держала в своих руках с таким страхом и ужасом, как будто оттуда, из конверта, вместе с письмом сейчас выползет маленькая смертельно-ядовитая змея, или у меня на ладони появится ядовитый порошок.

На конверте не было почтового штампа, меня это тогда насторожило... Был лишь указан адрес нашего общежития, номер комнаты и моя фамилия.

Первое, о чём я тогда подумала, как такой конверт мог попасть на мою кровать в комнату, закрытую на ключ.

С трудом дыша и еле двигая пальцами (они не слушались меня, были как парализованы), я всё же разорвала конверт и вынула из него 2 листика, вырванные из тетрадки в клеточку. Дрожь в руках и в теле, слёзы, застилающие мои глаза, не давали мне разобрать буквы и слова – всё расплывалось и виделось, как сквозь туманную завесу.

Я сейчас помню только первых два слова и восклицательный знак: "Милая Оленька!" Я поняла, что всё кончено.

Я читала слова, предложения, но не понимала их смысла, я видела русские буквы и русские слова, но письмо как будто было написано на чужом языке. Я несколько раз перечитывала письмо, но не понимала его смысла. Я только поняла, что оно от Алена.

Как трагична была моя ошибка!

Боже! За что ты меня так?!

Но я ТОГДА не знала всей правды, мне не суждено было узнать её тогда. Лишь спустя 35 лет, уже в следующем веке, мне стала доступна вся правда о том коварном замысле, от которого так жестоко пострадали мы оба, я и Ален.

История, подобная шекспировской трагедии "Отелло", разыгрывалась не на сцене Краснодарского драматического театра, а в моей личной судьбе.

Я продолжала читать и перечитывать письмо, не понимая содержания. От моих слёз письмо превратилось в мок-

рую тряпку с расплзающимися во все стороны чернильными подтёками.

Почему "надо расстаться"? Почему "так надо"? Я читала и не понимала.

Только через какое-то время до меня стал доходить смысл полученного письма.

Я понимала, что Ален был влюблён в меня, и чем дальше продолжались наши отношения, тем сильнее это сближало нас, и тем больше была бы наша разлука.

Но почему разлука?

Я понимала, что для него в то время главным была учёба, ради которой его страна направила в Союз учиться. Он свою жизнь в будущем видел не только в медицине, но и в большой политике, а для таких людей семья и личная жизнь уходили на задний план.

Не зря же в самый первый день нашего знакомства с ним он напомнил мне Артура, героя романа "Овод". Чуть ближе узнав Алена, я утвердилась в своём первом впечатлении о нём. Когда, после знакомства на вечере в субботу, мы в понедельник с Ириной встретились на занятиях в университете, я сказала ей, что Ален своей одержимостью и мыслями о борьбе ливанского народа за независимость напоминает мне Овода, только ливанского Овода, живущего не в 19-м, а в 20-м веке.

Когда мысль о том, что между нами всё закончено, и я его больше ни-ког-да не увижу, наконец-то дошла до мое-

го понимания, всё перед моими глазами стало растекаться, терять свои привычные формы и очертания и куда-то уплыть. Все предметы в нашей комнате и всё, что до этого имело какой-то цвет, превратилось в сплошную серую бесформенную массу... Мне казалось, что на какое-то время я просто перестала существовать. Я сама, как все предметы в комнате, растворилась в этом комнатном пространстве и исчезла.

В те минуты я была похожа на осуждённого, которому только что был вынесен и зачитан смертельный приговор.

Я уже не могла сдерживать свои слёзы, которые текли по щекам, по лицу, капали на письмо и на руки, державшие его. Я чувствовала уже влажность своей одежды, которая впитывала в себя эти потоки слёз. Я не думала, что так много слёз пролью по утраченной любви, но это было только начало моих страданий...

Я плакала, плакала и плакала. Помню до сих пор, как я повторяла одну и ту же фразу: "Почему?... Почему?... Почему?" Иногда эта фраза сменялась другим вопросом: "За что?... За что?... За что?" Ни на тот, ни на другой вопрос я не находила ответа.

Я проплакала весь вечер и ночь. Так, не раздеваясь, только сняв с себя верхнюю одежду, я лежала на кровати в течение 2-х суток, поджав под себя озябшие ноги и свернувшись в положении человеческого зародыша. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни двигаться, ни шевелиться...

Я потеряла ощущение во времени и в пространстве.

Я не различала, когда наступало утро, когда наступал день, а когда вечер. Тогда на дворе стояли морозные и пасмурные дни, и тусклый утренний свет ничем не отличался от вечернего. Только ночь я угадывала по безголосой, почти могильной, тишине в нашем коридоре. Я больше не рыдала, а только беззвучно плакала, потому что не было сил, и только повторяла один и тот же вопрос: "Почему?"

Я худела и таяла с каждым днём. Если говорят, что человеческий организм на 80% состоит из воды, то содержащаяся в моём организме вода медленно выходила из меня вместе с потоком проливаемых слёз. За ту неделю я похудела на 4 кг.

На 3-и сутки я попыталась встать с кровати. Оказалось, что я не могу стоять – ноги подкашивались и не слушались меня. Чтобы не упасть, я взялась руками за тумбочку, стоящую между двумя кроватями, над которой висело на стене наше общее комнатное зеркало. То, что я увидела в зеркале, ужаснуло меня – было какое-то инстинктивное желание обернуться назад и посмотреть, кто стоит за моей спиной, и чьё лицо отражается в зеркале... но я тут же поняла, в комнате никого нет кроме меня, и то существо, чьё лицо отразилось в зеркале, это я.

То, что я увидела, трудно было назвать лицом. Это была опухшая масса человеческого лица, где вместо глазниц находились красные, воспаленные и опухшие участки лица, сквозь которые просматривались человеческие глаза. Такого

мне не доводилось видеть даже в фильмах ужаса. Тут в моей голове на секунду появилась спасительная мысль, а вдруг это какая-то ошибка с письмом – это письмо писал не Алэн, и вдруг он приедет ко мне... что тогда? Какое чудовище он увидит!

К сожалению, эта надежда продержалась в моём сознании недолго. Я понимала, что это не какой-нибудь розыгрыш или чья-либо жестокая шутка, а реальная действительность, с которой мне придётся смириться и дальше жить. Боже! Как я ошибалась!

А зачем жить?

Эта мысль, как ток, пронзила меня.

Рано или поздно, в силу безысходных жизненных обстоятельств, люди иногда приходят к мысли о самоубийстве.

Тогда мне было ТАК плохо и тяжело, что легче и проще уйти из жизни, чем продолжать жить, когда смысл жизни потерян. Эта мысль о самоубийстве всё отчётливее и отчётливее в моём сознании приобретала свою реальную форму осуществления. Я стала думать, как легче и безболезненно уйти из жизни.

Я тогда побывала мысленно в "шкуре" самоубийцы. Я поняла, ЧТО движет его к такому поступку, и сейчас прихожу к выводу – было бы меньше случаев самоубийства, если бы в тот тяжёлый момент рядом с такими людьми, отчаявшимися в жизни и готовыми свершить суицид, был кто-то рядом из

близких людей.

Но рядом со мной никого не было.

Первой, кто мог приехать после каникул, была Алёна, но до её приезда оставалось 4 или 5 дней. Я тогда приняла окончательное для себя решение – уйти из жизни. Меня никто и ничто в этой жизни не удерживало, мне казалось, что больше нет ничего в моей жизни, ради чего стоило жить.

У меня где-то в аптечке находилась начатая упаковка "Димедрола", который я иногда принимала от бессонницы. Также мне припомнилось, что у Алёны тоже есть такие лекарства, как "Седуксен". Вот я решила у неё их позаимствовать, но до этого мне надо было сначала привести себя в нормальный вид, что было сделать очень трудно.

Хотя я дала себе слово больше не плакать, но слёзы сами наворачивались на глаза, и я продолжала плакать, но уже тихо и почти беззвучно.

Через 2-3 дня красная опухлость моего лица сошла, и я напоминала собой белое привидение. Я старалась по возможности не подходить или не проходить мимо нашего зеркала, но когда я стала у Алёны искать лекарства для осуществления своего задуманного плана безболезненного ухода из жизни, мне всё же пришлось столкнуться с собственным изображением в зеркале.

Я во второй раз увидела своё лицо. Оно было бледное, виднелись тёмные круги под воспалёнными глазами, которые стали унылыми и серыми, как небо в пасмурную или

ненастную погоду.

На меня жалко было смотреть – так сильно я отличалась от той счастливой, сияющей, полной надежд, планов и ожиданий девчонки, которая еще совсем недавно была, как ей казалось, самым счастливым существом на земле.

Бледность моего осунувшегося лица говорила о том, что силы мои на исходе. Казалось, жизнь вытекает из меня по капле со слезами, как выходит жизнь с каждой каплей крови из раны смертельно раненного животного.

Временами опять на меня находило какое-то затмение – я хотела вспомнить лицо Алена, но совсем не помнила его лица. Иногда я "видела" его лицо, но оно выходило из мрака и из темноты ночи, как из тумана, после очередного принятия снотворного.

Я стала осуществлять свой план. Я обнаружила в аптечках своих девочек достаточно лекарств, чтобы не только за один раз отправить себя в вечный сон, но и в оставшиеся дни до моего "ухода" пить на ночь снотворное, чтобы поскорее уснуть и не мучиться по ночам до часа "X".

Этот час "X" я назначила себе на утро того дня, когда должна была, по моим подсчетам, приехать из Туапсе Алёнка. Я хотела утром натощак выпить все собранные в один флакончик снотворные таблетки, чтобы мой желудок поскорее с ними мог справиться.

Я не хотела (хотя в тот момент мне уже было безразлично), чтобы моё безжизненное тело долго находилось в пустой

комнате. Мне оставалось ждать каких-то 2 дня.

Иногда у меня появлялась мысль поехать к Алёну и узнать от него самого, ЧТО случилось, после чего нам потребовалось расстаться, но я понимала, что эта мысль неосуществима, и я никогда не поеду к нему.

Временами, особенно по ночам, когда я пыталась уснуть, мне мерещились его шаги у нашей двери или его голос... Случаи галлюцинации пугали и одновременно радовали меня – это была для меня единственная возможность услышать "живой" голос любимого человека.

Мне хотелось ещё раз перед своим "уходом" увидеть его лицо, но увидеть его я могла только лишь во сне. Сон в те дни для меня был и временным избавлением от мук. Казалось, что только во сне можно было спрятаться от мучительных мыслей и от осознания того, что случилось, но каждый раз сон не шёл, и тут приходили на помощь снотворные таблетки.

Наступил последний вечер в моей жизни. Я была удивительно спокойна, ведь я сама приняла такое решение.

Уход из жизни мне представлялся единственным способом избавления от душевных мук и страданий, которые казались мне страшнее любых физических болей, от которых можно было избавиться с помощью обезболивающих лекарств или инъекций.

От душевных страданий можно было уйти только таким путём.

Душевные страдания настолько подкосили мои силы, что простые движения, как освобождение таблеток "Димедрола" от бумажной упаковки, становились для меня непреодолимым препятствием на пути к задуманному. Я с большим трудом собрала таблетки в стеклянный флакончик, а остальные, не распакованные таблетки "Седуксена", оставила на утро, на час "X", надеясь, что к утру немного сил прибавится.

Вот сейчас, вспоминая то состояние, в котором я тогда пребывала, я прихожу к мысли: даже если бы у меня хватило смелости, у меня, наверное, не было бы сил совершить тот непоправимый шаг – так я была измучена, измотана и истерзана...

Но так уж случилось, что нарушенные планы одних людей разрушают планы других, а иногда, как это было в моём случае, спасают человека от смерти.

Вдруг в коридоре у двери нашей комнаты послышались чьи-то шаги, потом звук от поставленного на пол чемодана и голоса: "Привет!" – "С приездом!" ... и стук в дверь.

Мне пришлось с большим трудом вылезти из своей кровати (как медведь после своей зимней спячки из берлоги) и направиться к двери. Я так долго добиралась до ключа на столе, что стуки в дверь, сначала редкие и тихие, стали громкими, частыми и нетерпеливыми. Вспомнив, что я решила не закрывать изнутри нашу комнату, а оставить её открытой, я, как мне казалось, крикнула: "От-кры-то...", но вместо крика получился какой-то шепот. Чтобы меня услышали за две-

рю, пришлось собрать все оставшиеся силы и громко сказать: "От-кры-т-о-о-о..."

И тут на пороге появилась Алёна. Боже! Как я была ей рада!

Встревоженная и испуганная моей худобой и мертвенной бледностью моего осунувшегося лица, Алёна, оставив свои вещи прямо у порога, бросилась навстречу мне. И я снова зарыдала, как в первый раз, когда распечатала конверт и прочитала письмо. Снова боль, обида и отчаяние разрывали мне сердце, от рыданий я не могла ни слова произнести.

Алёна только повторяла: "Что случилось, Оля? Что случилось?"

В ответ я протянула ей письмо Алёна, которое с трудом напоминало прежний листок бумаги – так он был измят, размыт и пропитан моими слезами и больше походил на старинный документ, долго пролежавший в тайнике.

Алёна прочитала письмо и, вместо того чтобы успокоить меня, тоже заплакала – без слёз невозможно было читать то письмо печали и разлуки.

Обняв меня за плечи, Алёна, хоть и плакала сама, всё же пыталась успокоить меня, но ей не очень удавалось это сделать.

От Алёниных глаз, думаю, не ускользнул стеклянный флакончик с таблетками на стуле у кровати, а также стакан с водой для того, чтобы запить те лекарства. Она сразу поняла, что я задумала недоброе, но вида не подала. Даже не помню,

как, куда и когда исчезли со стула все мои "приготовления" к смерти.

Я очень благодарна своей подруге. Если бы не Алёна, меня сейчас не было бы в живых. Я думаю, что она догадалась, что её неожиданный приезд на один день раньше спас мою жизнь. Тот день можно считать вторым днём моего рождения.

Алёна только догадывалась, но не знала, насколько серьёзным было моё решение. Я видела, как в последующие дни до возвращения наших девочек, когда мы с ней были вдвоём, она старалась не оставлять меня одну в комнате, ведь выпить 10 таблеток и запить стаканом воды можно за 1-2 минуты.

Она выходила на кухню поставить чайник или приготовить нам яичницу, только когда кто-нибудь из соседних комнат к нам заскакивал за чем-нибудь – за спичками, за солью или за сахаром.

Когда мы оставались с ней вдвоём, мы пытались понять, что всё же произошло.

– Олюня, надо дождаться Тамару. Вот она прилетит, и тогда всё прояснится. Мы же с тобой вместе уезжали, а что потом произошло, мы не знаем. Может быть, здесь какая-нибудь ошибка, – как могла, успокаивала меня подруга.

– Какая ошибка! Всё кончено! Только почему так жестоко, внезапно, неожиданно? Что я ему такое сделала? Разве я заслужила такой участи? Ведь всё было прекрасно... Я видела, какой он радостный и счастливый, когда мы вместе.

Представь! Мы за 4 месяца ни разу не ссорились, даже никаких размолвок не было. Письмо это, как гром среди ясного неба.

– Мне не даёт покоя Светка... Ещё т-а-а-а девица... Не зря же о ней идёт худая молва, – сделала, как всегда, свои верные предположения Алёна.

– Да... да... Ведь в день нашего отъезда она приходила к нашей Томе, – вспомнила я.

– У них с Томой тогда тоже сессия закончилась... Зачем ей надо было приходиться к нам? – удивлялась Алёна.

– Д-а-а-а... Я давно стала замечать её интерес, проявляемый к Алёну. Она часто, разговаривая с Томой, прислушивалась к нашему с Алёном разговору, иногда даже встревала в нашу беседу...

– Да, я помню... Я ей сама несколько раз делала замечания по этому поводу... и Тома тоже...

– Алёна, я думаю, что без Светки дело здесь не обошлось, – наконец я стала догадываться о том, как могли разворачиваться события после нашего отъезда.

– Оля, ты помнишь, она как раз была у нас в тот последний вечер, когда вы договаривались с Алёном о том, когда и во сколько он приедет тебя провожать?

– А вдруг Алён всё же приезжал?... Просто опоздал, как ты тогда мне в самолёте сказала... и застал Свету у нас в комнате... Теперь всё становится понятно...

–Постой, Оля, не спеши с выводами! Не опережай собы-

тия! Это только наши с тобой предположения, что они могли встретиться, – опять старалась успокоить меня и смягчить удар от вырисовывающихся правдивых предположений.

– Если это так, то ничего хорошего меня не ждёт, – я знала, о чём говорила.

К тому времени натура этой местной красавицы мне стала постепенно раскрываться. Она была бы не она, если бы в тот вечер, столкнувшись с Аленом в нашем общежитии без меня, не воспользовалась бы случаем для очередной интрижки.

Она обожала (мёдом не корми) сложные переплетения и перипетии любовных интриг и любовных "треугольников" с их неожиданными и непредсказуемыми поворотами, крайностями и ударами, при условии, что эти удары предназначались не для неё, любимой, а для других смертных....

– Оля, прекрати... не переживай! Я догадываюсь, о чём ты сейчас подумала, – не унималась подруга. – Но Ален не тот человек, чтобы попасться на её удочку. Насколько я успела его узнать, он порядочный человек, из хорошей семьи, у него есть свои моральные принципы и нравственные устои... Он бы не "повёлся" на эту красивую пустышку.

– Алёна, он же – мужчина, а красота, как и любовь, побеждает всё и всех... Мне тоже не хочется в это верить... Но ведь уже случилось, что случилось... Я одного не могу понять, как письмо в конверте без почтового штампа оказалось здесь, у нас в комнате.

– Возможно, Ален приезжал сюда сам ещё раз и оставил

этот конверт с письмом на 1-м этаже в ячейке на букву "Ш", где у нас почта раскладывается.

– Алёна! – тут же я прервала подругу, – ты слышишь, о чём я тебе говорю? Как оно попало к нам, в нашу комнату, закрытую на ключ, сданный потом на вахту? Какая почта? Какой 1-й этаж?

– Я не поняла... Этот конверт, что, находился в нашей комнате??? – наконец Алёна тоже начинала недоумевать, каким ветром занесло то роковое письмо в нашу комнату. – Как же оно могло попасть в нашу закрытую комнату?

– Не просто «попасть» в комнату – его можно было подсунуть в щель на полу под дверь, а оно лежало на покрывале на моей кровати. Где дверь – а где моя кровать? Каким образом оно попала сюда? Не через стену же? Не через закрытую же форточку?

– Чер-тов-щи-на какая-то, – медленно и по слогам произнесла Алёна. – Ничего не остаётся, как дожидаться приезда Тамары. Может, она всё нам прояснит, и тогда не останется тайн и загадок.

– Может, Алён решил написать такое письмо, привезти его сюда и передать мне через Тому, зная, что мы с тобой улетели, чтобы не встречаться лицом к лицу со мной и не выяснять причин закончившейся любви?

Нам ничего не оставалось с Алёной делать, как ждать.

И физические и душевные силы мои были на пределе. Ожидание Тамариного приезда было невыносимым, надо

было ещё сутки подождать... и тогда... А что тогда? Что могло ещё проясниться?

Мы с Алёной, как детективы, разобрали поминутно в хронологическом порядке предположительные события последнего дня, только детали и нюансы оставались неизвестны. С приездом Томы ещё оставалась слабая, но всё же, надежда на то, что произошла какая-то зловещая ошибка или недоразумение. Может, шутка такая или всё же розыгрыш? Если бы не первая строчка в письме "Милая Оленька!", я бы подумала, что письмо по ошибке попало не тому адресату, но слово "Оленька" не оставляло мне ни единого шанса на надежду.

Наконец наше мучительное ожидание закончилось громким и нетерпеливым стуком в дверь и знакомым Томиным голосом: "Девчонки! Открывайте! Это Я!"

Как только Тамара со своими вещами вошла в комнату, две пары наших с Алёной глаз впились в её лицо с вопросом и мольбой поведать, что случилось. Тамара при первом взгляде на меня и на мою похудевшую фигуру всё поняла, как будто она ожидала увидеть меня именно в таком или в подобном состоянии и положении. Она не была удивлена, как Алёна, в первый раз увидев меня после каникул. Её вопрос не прозвучал вопросом, а как утверждение и подтверждение предполагаемого случившегося события.

Она не спросила, как Алёна: "Что случилось?". Она сказала: "Что-то случилось...?" В ответ на её слова я только заплакала, а Алёна протянула ей письмо от Алена.

– Я предполагала, что подобное может произойти, – нехотя произнесла Тома, раздеваясь и убирая свой чемодан и сумки, оставленные ею у двери.

Новая волна пережитого горя накатила на меня, и я продолжала плакать, боясь спрашивать Тому о том, что произошло в наше отсутствие, при этом стараясь как можно дольше оттянуть минуту, когда я узнаю всю правду. Я боялась услышать ту правду, о которой уже догадывалась.

Алёна вместо меня, как мой адвокат, задавала Тамаре вопросы, потому что я этого сделать была уже не в силах.

– Тома, что произошло после нашего отъезда? Алён приехал в тот день или нет? – начала свой допрос Алёна.

– Девочки, я расскажу всё, как было, но только это не весёлый для Оли будет рассказ. Да, Алён приехал в тот вечер, он немного опоздал. Он приехал минут через 20, как вы ушли. Вы помните, тогда ещё Светка ко мне приезжала. Я хотела уходить к Генке, и мне надо было закрывать комнату на ключ, но тут в дверь постучал кто-то, и этот "кто-то" оказался Алён.

– Так он всё же приезжал... – подтвердила я свои прежние догадки.

– Да, приезжал... Вижу, у Светки глазки загорелись недобрым огнём, она вся оживилась... Я хотела сказать прямо на пороге комнаты Алёну о том, что он опоздал, и вы уехали. Я не хотела впускать его в комнату, где в это время находилась Светка.

– Но всё же его впустила, и он встретился со Светой, – за Тамиру закончила фразу Алёна.

– Девчонки, а что мне оставалось делать? Неудобно было держать Алёна в коридоре, когда Света уже пригласила его войти и тянула его за руки.

– А ты не понимала ситуацию? Запустила козла в огород...

– Но "козёл" здесь Светка, а не... Алёна, – попыталась я сквозь свои всхлипывания заступиться за любимого.

– Да с самого начала было понятно, что не надо было разрешать этой "козе" пастись в нашем огороде, – продолжала Алёна. – Разве ты не видела, как она флиртовала и "строила глазки" Гене?

– Но я думала, Алёна войдёт в комнату, я ему скажу, что вы уехали, и он уйдёт. Я не предполагала, что Светка к нам приехала уже с коробкой конфет и с бутылкой "Шампанского", чтобы, как она объяснила, отметить окончание зимней сессии.

– Что-то я не припомню, чтоб она раньше, до появления Алёна в жизни Оли и в нашей комнате, приходила с конфетами и с вином отметить сессию. Может, кто-то другой помнит? – удивилась Алёна.

– Я тоже не помню... Так вот, мне надо было идти к Гене, я хотела закрыть комнату, но Света попросила меня оставить их ещё немного посидеть, поговорить, попить "Шампанское" и чай, а потом, когда я приду через полчаса закрыть комнату,

ное дело. Зачем ей теперь приходиться? – я действительно думала так.

– Плохо, Оля, ты таких вертихвосток знаешь... Она придёт сюда обязательно лишь только для того, чтобы насладиться результатами своего "труда"...

– Своих козней, – уточнила я Светкины "труды".

Так, ничего нового от Тома мы не могли больше услышать – оставалось ждать прихода Светы.

Опять ждать!

В университете наступил первый день занятий после зимних каникул. Все мои девчонки пошли на учёбу, кроме меня.

Это был первый случай за все годы учёбы в университете, когда я без "уважительных" причин пропустила один день занятий.

Болезнь и физическая боль дают человеку основание взять у врача справку о временной нетрудоспособности, а душевная боль и страдания не были бы основанием для дачи медицинской справки о моей "неспособности" дальше жить.

После занятий, ближе к вечеру, к нам явилась та, кого мы так ждали.

Хотя Света и была "актриса", но не такой талантливой, чтобы сыграть роль человека, знающего о происшедших событиях, но не показывающего вида о том, что он знает.

Она на всех поочерёдно удивлённо посмотрела, как будто ожидая вопросы к своей персоне, но пока никаких вопросов к ней не последовало. Раньше, когда она входила к нам, а

мы занимались каждый своим делом, она говорила: "Всем привет!" – но при этом никогда затем не спрашивала: "А что у вас тут случилось?" – как спросила она на этот раз.

– Это тебя надо спросить, что у нас, а вернее, у Оли, случилось, – тут же парировала её вопрос наша Алёна.

– А в чём дело? Я ничего не знаю. А что у Оли случилось? – невинной овечкой прикинулась Света.

– Зачем тебе надо было влезать в отношения Оли и Алёна? Тебе мало свободных мужчин и молодых людей? – продолжала свою атаку Алёна.

– А я тут причём?

– Света, после того, как вы с Аленом ушли от нас, что дальше произошло? – на этот раз её спросила Тамара.

– А ничего не произошло. Я попросила его проводить меня домой... Здесь же совсем близко... И он, как истинный джентльмен, проводил меня...

– А затем? – на этот раз спросила Свету я. – Что затем?

– А я его больше не видела... А в чём, собственно, дело? Что у вас тут происходит или произошло?

Тома в нескольких словах рассказала ей о полученном мной письме от Алёна, и Света тут же напустила на себя вид сострадающего человека и стала мне сопереживать, но чувствовалось, что её переживания неискренние, наигранные, как будто она на сцене играла роль из драмы Чехова или Островского.

Мои девчонки свои чувства сопереживания выражали по-

другому – естественно, будто беда случилась у них самих или у близкого им человека.

Света сделала быстрое движение по направлению ко мне, обняла меня и прижала к себе, но меня её объятия словно душили и не давали дышать. Я тут же постаралась отстраниться от неё.

Как будто узнав о случившемся только от нас сейчас, она стала проявлять мне сочувствие совсем другими словами и советами, не так, как это делали мои девчонки.

– Забудь его! Стоит ли из-за такого человека нервы себе мотать и душу рвать! Он не достоин тебя. Как он мог так жестоко поступить с тобой, толком ничего не объяснив. Подлец он и мерзавец после этого...

– Света, тебя это не должно касаться, – прервала я поток её брани в адрес Алена.

Если бы я тогда знала, ещё как касались её наши отношения с Аленом.

– И ещё хочу тебе сказать, если ты скажешь хоть раз подобные слова об Алене, то пусть Тамара на меня не обижается, но ты больше сюда, в нашу комнату, приходить не будешь. Вы будете с Тамарой встречаться где угодно, на нейтральной территории, только не у нас.

"Шкурка" у Светы была непробиваемой, её ничем нельзя было пронять, и носителя этой "шкурки" ничем нельзя было обидеть. Но Света, однако, приняла мои слова к сведению и продолжала обвинять Алена во всех смертных грехах, но

уже не применяя "тяжёлую артиллерию" к эпитетам и сравнениям, направленным в сторону Алена.

Это был, к счастью, последний раз, когда нас «осчастливило» своим визитом красивое, но коварное создание.

Что ж, "Яго" сделал своё злодеяние, и "Яго" удалился со сцены, только это была не театральная сцена – сценой была моя жизнь и судьба.

Впоследствии мне довелось ещё раза 2-3 встретить её в коридорах нашего университета, но мы проходили мимо, не здороваясь и делая вид, что друг друга не знаем.

Жаль, что всю правду о тех событиях января 1975 года я узнала лишь 35 лет спустя, когда уже ничего нельзя было изменить в наших с Аленом судьбах.

Первая волна горя ушла, я как будто была в оцепенении – не хотела ни о чём думать, не желала ничего делать, ни есть, ни пить, ни дышать. Я как будто заползла в скорлупу или под панцирь или скрылась за высоким забором, который возвели моя скорбь и горе.

Я лежала целыми днями на кровати, укрывшись покрывалом и уставившись в белую стенку воспалёнными, не просыхающими от слёз глазами.

Раньше я лежала на своей кровати лицом к окну, чтобы утром и днём видеть сквозь оконные стёкла синее небо и солнце, а ночью – луну и звёзды, при этом каждый раз вспоминая Алена, его и мои слова на последнем свидании и мечтая о будущей нашей встрече.

Теперь всё было не так. Я лежала спиной к окну, чтобы не видеть ни белого света, ни синего неба, ни звёзд, при мерцании которых ещё совсем недавно мне так хорошо мечталось о любимом.

В последующие дни в нашей комнате надолго воцарилась тишина.

Мои девчонки мало говорили. Они понимали, что все серьёзные разговоры, будь то об учёбе, о государственных экзаменах, о чём-либо или о ком-либо, были слишком болезненные для меня, а остальные – неуместны в этих обстоятельствах. Любая тема разговора почему-то сводилась к "верёвке", на которой повесилась жертва, а как принято, в доме повесившегося человека не говорят о верёвке – вот так мы все и молчали.

Я продолжала жить, но мысль об уходе из жизни не оставляла меня – она постоянно преследовала меня.

ГЛАВА 8. ОБМАН СУДЬБЫ

Как-то незадолго до описываемых событий я узнала, что тела людей, покончивших жизнь самоубийством, не хоронят на общем кладбище рядом с другими усопшими, а выносят их могилы за ограду кладбищенской территории.

Я только на миг представила, как в дни Пасхи и в другие дни поминания усопших, мои близкие – папа, брат с семьёй, моя тётя Маруся будут, как изгои, стоять у моей могилки,

да ещё без креста и за кладбищенской оградкой, так сердце сжалось и защемило у меня от жалости к ним.

Я думаю, как раз жалость и боль за моих родных как-то повлияли на моё решение уйти из жизни другим путём. А мысль о том, какое горе причинит моим близким людям сама смерть моя, а не способ ухода из жизни, тогда ещё не достучалась до моего сознания. Да это и понятно, я мало что соображала и понимала в те дни, я жила не головой и умом, а эмоциями и растерзанным кровоточащим сердцем.

Это было в начале февраля. Только что начался второй семестр обучения в университете, как в городе грянула очередная эпидемия гриппа.

Естественно, что меня, как ослабленное и уставшее от жизни существо, грипп избрал одной из первых своих жертв. Как говорят у нас в народе, «где тонко, там и рвётся». Никто из моих трёх девочек в комнате тогда не переболел гриппом, только я одна. Видно, судьба мне уготовила такое испытание.

За 5 лет учебы в университете я первый раз заболела гриппом, и это случилось именно в этот раз. Организм мой был настолько ослаблен перенесенным горем и душевными муками, что гриппу справиться со мной, да ещё с летальным исходом, было раз плюнуть...

И тогда мне пришла в голову эта крамольная мысль – обмануть судьбу и тех врачей, которые будут ставить посмертный диагноз и причину моей смерти – "организм не справился с гриппом"... Что ж... Такое случается в нашей жизни

и в медицинской практике.

Мне не хотелось быть похороненной (хотя умершему уже всё равно, где его телу быть захороненным) где-нибудь на отшибе за территорией кладбища. Я думала, что мои родные придадут моё тело земле рядом с могилой моей мамы в 8-10 метрах от высоковольтной вышки. Это место сразу можно увидеть с высоты холма, где находится вход на сочинское городское кладбище.

Я решила тихо и спокойно уйти из жизни, чтобы при этом на мне не стояло клеймо самоубийцы.

Алёна купила мне все лекарства по рецепту, который написал вызванный по "скорой" врач. У меня была очень высокая температура – выше 40 градусов. Я понимала, если я не буду принимать лекарства и не собою высокую температуру, то просто произойдёт свёртывание крови... и летальный исход – то, чего я так желала в те дни.

Для меня тогда казалось ПРОЩЕ и ЛЕГЧЕ умереть, чем оставаться жить с тем грузом и болью на сердце и в душе, которую мне оставила любовь, отвергнутая любимым человеком...

Я изображала из себя больного человека, принимающего лекарства – на стуле перед моей кроватью лежали коробочки и упаковки из-под лекарств, и стоял стакан с чаем (на этот раз), которым я, якобы, запивала эти многочисленные таблетки.

Но на самом деле ничего этого я не делала, я только сгорала от высокой температуры, бредила по ночам, и постепенно жизненные силы уходили из моего ослабленного организма, не желавшего бороться с какой-то там микроскопической инфекцией.

Крошечный вирус брал верх над недавно цветущей, полной сил и энергии девушкой, которая без памяти влюбилась в человека и считала себя самым счастливым существом на земле именно благодаря своей любви, которая так внезапно, жестоко и вероломно была отвергнута.

Разве после такого оставался какой-то смысл жить дальше?

Я этого смысла не видела. Смерть представлялась мне единственным избавлением от тех невыносимых мук, страданий и душевной боли, которую мне причиняли мысли о предательстве любимого человека.

Я думала, если бы мой отец знал, что в последний раз меня видит живой в аэропорту, он бы разорвал мои билеты на самолёт, и жизнь моя, возможно, сложилась иначе.

Часто нашу страну, Россию, представляют в виде мчащейся тройки лошадей, запряженных в одну упряжку.

Если выразаться красивым литературным языком и образно, то я могу сравнить своё тогдашнее состояние и отношение к собственной жизни и саму жизнь с такой тройкой лошадей, несущихся от смертельного испуга по крутому обрыву к пропасти... Только вожжи от этой упряжки были у

меня в руках раньше, а теперь я их выпустила и отдала свою жизнь на усмотрение судьбы – увидят мои мчащиеся кони впереди приближающуюся пропасть или...?

Сработает природный инстинкт? Остановятся они в нескольких метрах от пропасти или на огромной скорости сорвутся в эту пропасть?

Я выпустила поводья от "упряжки" своей судьбы... Мне только оставалось ждать, сработает мой организм, сработает мой инстинкт самосохранения или нет.

Неделю мой ослабленный организм боролся с болезнью, и он всё же вышел победителем в этой борьбе "за жизнь или за смерть" ... но не без больших потерь.

Как говорят врачи, грипп находит слабое место в организме человека и бьёт именно по этому месту. "Мой" грипп тоже нашёл самое слабое звено в моей жизненной цепочке, это было разбитое горем сердце, и добить его окончательно уже не представляло никакой трудности для микроскопически малого вируса – у меня после перенесенного гриппа произошли некоторые нарушения в сердечно – сосудистой системе и в самом сердце.

Чтобы всё это выяснить, мне приходилось потом много раз и долго ездить по направлениям нашего общежитского участкового врача по разным медицинским клиникам и поликлиникам для исследования этой самой сердечно – сосудистой системы.

Диагноз был неутешительным – в 22 года получить "бу-

кет" сердечных заболеваний, из них мне запомнились лишь те, которые может произнести и запомнить простой человек, не отягощённый большими познаниями в этой области медицины. Я запомнила только аритмию, тахикардию и невроз сердца из найденных во мне заболеваний.

Я теперь, с позиции прожитых лет, понимаю – это мои наследственные заболевания по отцовской линии, которые когда-нибудь в будущем, через 20-30 лет, обязательно проявились бы в моём организме, но не так рано – в 22 года.

Самым страшным для меня было то, что эти сердечные недуги сразу приобрели форму хронических заболеваний и всю жизнь дают о себе знать при каждом "удобном" и "неудобном" случае, будь-то лёгкая простуда или шум от соседских скандалов за стеной или из квартиры, находящейся у меня над головой.

Очень трудно было жить с таким разбитым и нервным сердцем первые полгода. От каждого звука, даже слабенького, у меня начиналось бешено колотиться сердце, как у зайчонка, загнанного лисами или борзыми собаками.

Сердце начинало работать с перебоями. В такие минуты я могла считать свой собственный пульс даже спиной, предварительно опершись спиной на какую-нибудь твёрдую поверхность, или пяткой, тоже предварительно приставив свою пятку к чему-то твёрдому.

Обычный звук от расчёски, соприкасающейся с поверхностью стола или прикроватной тумбочки, когда кто-нибудь из

наших 3-х девчонок, расчесав свои волосы, клал такую расческу на стол, выводил из строя мою сердечную систему, и мне становилось так плохо, что появлялись ощущения удушья – мне не хватало воздуха.

Я не знала, как мне дальше жить. Я физически и объективно не могла оградить свой организм от неожиданных громких и резких звуков, которые вызывали такую реакцию в моей нервной системе. Тогда я стала приспосабливаться к этим звукам.

Я поняла, если я ожидаю услышать тот или иной звук или шум, если он для меня не будет неожиданным, а, наоборот, станет ожидаемым, тогда я смогу за секунду или две подготовить нервную систему к восприятию "видимого" мною звука. В отличие от всех остальных людей, окружающих меня, я не только могла слышать, но я могла "видеть" любой звук.

Когда я догадалась о своём собственном и своеобразном пути излечения (назначенный врачами курс лечения мне не помогал), я попросила своих девочек, чтобы они старались не производить громких звуков или предупреждали меня заранее, по мере возможности, например, говоря: "Оля, я ставлю чайник на стол... Я закрываю дверцу шкафа...".

Конечно, до абсурда дело не доходило, потому что я не хотела "напрягать" своих девочек, и сама старалась следить, как шпион, за каждым их шагом и движением, и быть заранее готовой услышать и принять, как сенсорное устройство, любой звук или стук.

Приспосабливаясь таким образом к новым условиям жизни после болезни, я ещё как-то справлялась со своими сердечными недугами в нашей комнате, а вот на улице и в университете было намного сложнее.

Я себе самой напоминала слепого человека, довольно хорошо и свободно перемещающегося только в своей квартире, где всё до мелочей было знакомо. Будучи ранее зрячим, он знал, что и где у него в квартире стояло и находилось, и теперь, потеряв зрение, человек более менее свободно передвигается по своей квартире. Всё, что находится за пределами его квартиры, становится для такого человека *terra incognita*.

Вот и для меня весь мир за пределами нашей комнаты с его звуками и шумами стал опасен.

После занятий в университете я, как улитка в своей ракушке, старалась больше находиться в нашей комнате и готовиться к предстоящим государственным экзаменам.

Только в те дни, когда началось моё физическое выздоровление, постепенно наступало душевное равновесие и полное осознание того, что я собиралась совершить.

Голова моя медленно, но всё же, трезвела, и я стала понимать, какое горе я принесла бы своим близким, особенно папе.

Он бы не вынес смерти дочери и вскоре ушёл бы следом за мной.

Самое большое горе для человека – пережить смерть

близких людей и родственников, а пережить смерть своих детей – горе вдвойне, это непоправимая утрата.

Так и случилось в будущем с моим отцом.

Когда мой брат Валентин умер 21 января 1994 года, в день рождения собственного сына Жени, отец не смог перенести смерть любимого и единственного сына, его сердце надломилось и сдало. Он ненамного пережил своего сына.

Я уже писала о том, как мы радовались 21 января, когда у нас родился маленький Женька, и мы тогда не знали, даже не могли себе представить, что ровно через 20 лет в этот день и почти в тот же час, утром, в 7 часов, умрёт Валентин.

Сегодня 30 сентября 2010 года – день, когда наш папа ушёл из жизни.

Странно и удивительно, что как раз в этот день, при хронологическом описании событий моей жизни, мне пришлось упоминать о смерти отца не в какой-либо другой день, а именно в день его смерти.

Кто-то скажет: "Чистая случайность." Возможно. Но таких случайностей, совпадений и странностей в моей жизни было слишком много.

Только со временем я поняла, что мне надо заново научиться жить, и эта жизнь будет другой, не такой, как была раньше. В ней не должно было быть Алена... В ней не должно было быть даже мыслей о нём. Но судьба моя распорядилась по-другому – я не смогла жизнь свою прожить без воспоминаний об Алене.

Моя последующая жизнь представляла собой процесс воспоминаний о любви и о любимом человеке. Иногда в жизни происходили какие-то перемены, но всё равно реальные люди и события переплетались с воспоминаниями о прошлом.

Можно сказать, что я не жила реальной настоящей жизнью, я жила прошлым, потому что только в прошлом, которое в рамках времени охватывает всего лишь 4 месяца моей жизни, я была по-настоящему счастлива, и этого "маленького" по времени счастья мне хватило на всю жизнь.

Оно всё время подпитывало меня, как солнечная батарея ...

Это чувство счастья было, есть и ещё долго, надеюсь, будет источником моих жизненных сил и энергии.

Но жизнь продолжалась.

И так продолжались недели, месяцы. Недели казались мне месяцами, а месяцы – веками, но горе не отступало.

Подготовка к государственным экзаменам немного отвлекла меня от тяжёлых и грустных мыслей. Я знала, что физическая боль прошла бы быстрее, но душевная боль никогда не пройдёт – в этом я была уверена. Но боль моя уже не была такой кровотокающей.

Я перестала быть весёлой и беззаботной девочкой, верившей в честность, порядочность близких мне людей. Я превратилась в человека, познавшего коварство, вероломство и

предательство любимого человека.

Боже! Как же я тогда ошибалась в своём любимом!

После своей болезни я стала другим человеком.

Мне казалось, что я уже прожила долгую жизнь и со своими ребятами в группе общалась так, будто я старше их на много лет, болезнь внутренне и внешне состарила меня.

Мне казалось, моя похудевшая фигура, осунувшееся лицо и скулы, обтянутые тонкой кожей – первое, что бросалось в глаза моим друзьям при взгляде на меня.

Только Ирина знала истинное положение вещей, остальные ребята из моей группы такие разительные перемены в моём внешнем виде, возможно, объясняли последствиями перенесённого мною гриппа

Чтобы спастись от мрачных мыслей, продолжавших по-прежнему преследовать меня, я с головой ушла в учёбу. Я занималась по 20 часов в сутки, на сон уходило 3-4 часа. Я уставала так, что теперь бессонница не мучила меня, как прежде – я почти сразу засыпала после того, как откладывала в сторону свои тетради с лекциями и учебники до утра следующего дня.

Ален часто приходил в мои сны, но эти сны были тяжелее, чем действительность, от чего я по ночам просыпалась и тихо плакала, чтобы не разбудить своих девочек.

С тех пор даже в своих снах я больше никогда не была весёлой и счастливой с Аленом.

Наконец наступили государственные экзамены, которые я сдала на "отлично".

В большой лекционной аудитории нашего университета прошла торжественная церемония вручения нам дипломов о высшем образовании, о которых мы мечтали, поступив в ВУЗ.

Я, как ещё несколько студентов, учившихся на "отлично", получила помимо диплома памятные подарки из рук самого декана, Аркадия Соломоновича.

Вечером того же дня в ресторане "Кавказ", который находился на 1-м этаже одноимённой гостиницы, все 3 отделения нашего факультета РГФ отметили важное событие в нашей жизни.

Эта гостиница "Кавказ" находилась рядом с 5-этажным домом Ирины. Через год ещё раз в моей жизни и в моём повествовании всплывёт эта краснодарская гостиница.

Без особой радости я "веселилась" со своими однокурсниками. Все мои мысли были об Алене. Его общежитие совсем недалеко находилось от ресторана, в котором мы отмечали свой праздник.

Я раньше по-другому представляла этот день.

Я мечтала о том, как приглашу Алена на это торжество, и мы вместе будем радоваться этому событию, будем весь вечер с ним танцевать, а потом я не сразу уеду из Краснодара в Сочи, а останусь ещё на неделю или даже больше в нашем

общежитии.

Я мечтала о том, что каждый день буду видеть Алена перед своим отъездом... А что будет потом, об этом я никогда не думала, потому что сама не знала, что могло быть "потом". Наше с ним будущее ещё тогда, до расставания с ним, было для меня "под семью печатями".

Ирина в тот вечер не раз советовала мне одуматься, плюнуть на все установленные в нашем обществе "рамки приличия» – поехать всё же к Алёну и узнать, что между нами произошло, или просто проститься навсегда.

Если бы я только последовала совету Ирины! Жизнь моя сложилась бы по-другому.

По распределению университета я должна была ехать работать преподавателем английского и французского языков в какую-то Калмыцкую школу, располагающуюся в местности, находящейся в 70 км от Волгограда.

Коррупция, о которой сейчас так много говорят по радио и с экранов телевизора после отставки Юрия Лужкого, в дни моей молодости расцветала не меньшим букетом, чем в наши дни.

Только тогда это слово редко произносилось в нашем обществе, для нас понятнее были другие слова – "блат" и "кумовство", но суть этих слов одна и та же, и как результат – несправедливость.

С такой несправедливостью мне пришлось уже столкнуться в деканате на комиссии по распределению. Выпускников

на кафедре в тот год было около 130 человек, а по успеваемости я шла в первой "десятке".

Я могла рассчитывать на работу в сочинском "Интуристе", к тому же у меня были рекомендательные письма и отличные отзывы о моей бесплатной (волонтерской) работе в "Интуристе" летом после 1-го и 2-го курсов.

Я также могла надеяться на работу на кафедре, на худой конец, на работу в любой школе в Краснодаре, но не на "Тьмутаракань" где-то в бескрайних степях Калмыкии.

Я несколько не удивилась, когда, приехав через год в Краснодар, я от своих друзей узнала, что некий Серёжа К., наш бывший однокурсник и, по совместительству, сын студенческого друга нашего декана, получил "тёпленькое" местечко преподавателя английского языка на кафедре в нашем университете.

За 5 лет обучения в ВУЗе я только 3 или 4 раза слышала его голос на наших общих занятиях и семинарах. Чаще всего он молчал, не зная предмета, и, чтобы не тратить драгоценное учебное время на долгое "выслушивание" молчания Сергея, тот или иной преподаватель просто просил его сесть и затем спрашивал другого студента. Ему ставили "3" вместо "2" лишь потому, что он был "блатным" студентом.

После одного случая на 4 курсе, когда нам нужно было в зимнюю сессию сдавать такую дисциплину, как теоретическая грамматика, один из очень сложных предметов, я очень зауважала Крылову, преподавательницу этой дисциплины,

которая наотрез отказалась ставить ему "3". Она сказала в деканате, что Сергей К. получит "удовлетворительно" по её дисциплине только «через её труп».

Не знаю, как уж вывернулся в этой ситуации деканат, но не было ни трупа Крыловой, ни "двойки" у Сергея. Он каким-то образом всё же умудрился получить свою незаконную «тройку».

Так вот такой студент, знание английского языка которого – на уровне знания русского языка у моей кошки Люси, остался преподавателем в университете, а я поехала в глушь учить английскому и французскому языкам калмыцких ребят, некоторые из которых плохо говорили даже по-русски.

Тогда казалось, я навсегда уезжаю из Краснодара, и никогда мой жизненный путь не приведёт меня в места, где я познала счастье любить и быть любимой, а также познала горе и несчастье от такой любви.

Но пути господни неисповедимы.

С болью в сердце я покидала Краснодар и прощалась с тем, что мне стало дорого в этом городе.

ГЛАВА 9. ЖИЗНЬ И РАБОТА ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ В КАЛМЫКИИ

Я прилетела домой в Сочи на полтора месяца, а потом мне надо было добираться до места моей первой работы после окончания ВУЗа в качестве молодого специалиста.

Как никогда будущее представлялось большим белым пятном, чем-то неизвестным и непредсказуемым.

В 20-х числах августа я решила отправиться к месту своего распределения. Сначала мне пришлось до Волгограда лететь самолётом, а потом самой искать пути до Чапаевского района в Калмыцкой автономной Республике.

Раз уж мне довелось побывать на легендарной земле Сталинграда, я целый день провела в городе, который дорог каждому советскому человеку.

Первое, что я посетила, это Мамаев курган. Не думала я, что, когда окажусь волею судьбы в этом месте, так близко к сердцу буду принимать смерть воинов, защищавших эту часть русской земли и отдавших свои жизни. Я ходила по Мемориальному комплексу, читала надписи на мраморных табличках и плакала, потому что нельзя было сдерживать слёз при воспоминании о трагических событиях тех далёких военных лет.

Я думала, что здесь, куда ни ступи, каждый клочок Сталинградской земли полит кровью героических солдат, своими телами защитивших нашу страну.

Мне хотелось больше и лучше узнать этот город. Я собиралась 2 дня провести в Волгограде. Я хотела воспользоваться услугами экскурсионных агентств и ознакомиться со всеми, по возможности, достопримечательностями города. Но, увы, я не смогла найти гостиницу, в которой можно было устроиться на ночь. В центре города все гостиницы были за-

няты, а искать другие гостиницы на окраине города мне не хотелось, да и времени не было.

Мне надо было искать автовокзал, от которого расходились автобусные маршруты до других, близлежащих, городов и городков, в том числе и до населённых пунктов Калмыкии.

Уже ближе к вечеру я всё-таки добралась до того, богом забытого уголка земли, где мне предстояло провести 2 года своей молодости. От трассы, где меня высадил шофёр рейсового автобуса, до моего населённого пункта надо было добираться ещё км 20 или более. Об этом я узнала от пассажиров в автобусе.

Место, где я осталась стоять со своим чемоданом, представляло собой бескрайнюю калмыцкую степь без какого-либо намёка на человеческое жилище или пристанище в ближайшие, как мне тогда казалось, 100 км. Я стояла у трассы, от которой уходила куда-то вправо в степь к горизонту одинокая просёлочная дорога. Вот по ней, родимой, мне и надо было идти пешком со своим тяжёлым чемоданом.

По словам всё тех же пассажиров автобуса, если мне крупно повезёт, то кто-нибудь подбросит меня на телеге или своём мотоцикле до нужного мне места, а если не повезёт, то так и топать мне своими ножками в туфельках на каблучках до следующего дня.

Мне повезло! И повезло крупно! Где-то через 1,5 часа моего отважного одиночного марш-броска по пустынной и бес-

крайней местности на моё счастье появилась в клубах грязно-жёлтой пыли, как в приближающемся облаке, "линейка". Это такое транспортное средство – разновидность такси, запряженное одной или двумя лошадками. Догнавшая меня «линейка» была запряжена лихим белым рысаком, которым заправски управлял молодой кучерявый рыжеволосый парнишка, лет 20-25, словом, моего возраста.

Это оказался личный "водило" председателя совхоза, к которому относилась моя школа. По сегодняшним меркам я, если можно так выразиться, въехала во двор школы на белом "Мерседесе" – председательской "линейке", самом престижном виде транспорта для того места и того времени.

К моему большому счастью (и в этом повезло – прямо какой-то день везений) я ещё застала в школе директрису. Она тоже меня обрадовала замечательной новостью о том, что бывшая преподавательница английского языка недавно вышла замуж за местного тракториста, а это значит, моё место по распределению занято, и я теперь – вольная птичка и свободный человек, надо лишь получить «открепление».

Я попросила директрису школы дать мне все нужные документы с надлежащими печатями и подписями для получения законного «открепления» в Москве, в Министерстве Высшего Образования. К сожалению, таких документов мне на руки не дали, толи не ведая о реальной процедуре получения «открепления», толи специально, зная, что без соответствующих документов мне не видать «открепления», и я

вернусь обратно в Калмыкию.

Видно, по соображениям директрисы я должна была своим телом, как Александр Матросов, закрывать не амбразуру вражеского пулемёта, а многочисленные бреши, образовавшиеся в калмыцких школах из-за игнорирования выпускниками ВУЗов своих мест распределения.

Местная директриса школы оказалась человеком довольно "гостеприимным" и предложила мне переночевать в домике уборщицы школы, а уж поутру опять добираться до Волгограда, а потом в Москву или к себе домой, в Сочи.

Деревянный домик уборщицы стоял самым последним на улице посёлка, как бы на отшибе, в некотором отдалении и одиночестве от других, таких же стареньких деревянных и покосившихся домиков.

Он мне чем-то напомнил домик няни Александра Сергеевича Пушкина— Арины Родионовны, который я видела, когда летом 1972 года первый раз приезжала в Ленинград и вместе с обрётёнными здесь друзьями ездила осматривать достопримечательности города.

Утром на том же белом "Мерседесе" меня домчал до развилки двух дорог всё тот же весёлый и разговорчивый водитель председателя совхоза. В течение 3-х часов я, как тонкий тополёк, качаясь на ветру, стояла и ждала среди той же бескрайней степи, что и накануне вечером, проходящего рейсового автобуса, но теперь уже в обратную сторону – до Волгограда.

Мне опять повезло с тем, что были билеты на рейс «Волгоград-Москва». Ещё раз несказанно повезло, что в Москве жили родственники – двоюродный, по материнской линии, дядя Серёжа и тётя Римма Новичковы, а также мои троюродные брат Виктор и маленькая сестричка Наташка. Они – коренные жители Москвы, поэтому объяснили мне все нюансы и моменты понятно и доходчиво, что делать, куда мне ехать и к кому обращаться.

Только на 3-й день моих многочисленных попыток мне всё ж удалось записаться и попасть на приём к одному из референтов Министерства Высшего Образования.

Великолепие здания и богатство внутреннего убранства помещений и коридоров с красными ковровыми дорожками поразили моё неискушенное и неизбалованное воображение.

Я была уверена, что здесь, в московских "коридорах власти" на законных правах, а не в обход законов и не благодаря связям и блату, я получу открепление и вернусь к себе домой.

Каким же наивным человеком я была!

Я первый раз в своей жизни столкнулась лицом к лицу с "махровым" столичным бюрократизмом. Когда настала моя очередь зайти в "высокий" кабинет к референту со своей проблемой, я с дрожью в теле и в голосе поведала свою простую историю. Я думала, мой вопрос будет быстро и положительно решён в мою пользу... но не тут-то было.

– Да, «мы» верим, – так референт, будучи человеком в одном лице, разговаривал со мной и дальше отвечал, как царь Николай II: "Мы, Николай Второй...", – что ваше место занято в этой школе, но нам нужно подтверждение...

– Какое ещё Вам нужно подтверждение? – в ответ спросила я его.

– Нам, – продолжал от лица всех бюрократов монотонно говорить голос, – нужна соответствующая бумага о том, что ваше место в такой-то школе занято.

– Директор школы сказала мне, что из их РОНО (районное отделение народного образования – для тех, кто не знает эту аббревиатуру) своевременно была направлена ещё 2 месяца тому назад в Ваш соответствующий отдел информация о том, что им не нужен преподаватель иностранных языков. Вы позвоните в отдел, куда к Вам приходит такая информация, или позвоните в РОНО или в школу. У Вас ведь тоже есть такая возможность.

– Вы нам должны представить такой документ с подписью директора школы или с подписью зав. РОНО, подтверждающий то, о чём вы мне тут сейчас говорите, – продолжать гнуть свою линию министерский бюрократ.

– Но Вам же ничего не стоит сделать 1 звонок, и всё выяснится прямо сейчас и здесь, что это именно так, как я говорю. Вы понимаете, что такое – из Сочи долететь до Волгограда, потом из Волгограда лететь в Москву, потом из Москвы – в Волгоград и опять оттуда – сюда. У меня уже закон-

чились подъёмные деньги, осталось только на то, чтобы вернуться домой или на билет в одну сторону до Волгограда, – пыталась я достучаться до сердца или до совести обладателя этого мерзкого монотонного голоса.

– Это в-а-а-а-ши проблемы, – ответил всё тот же безразличный и издевающийся надо мной голос.

Видимо, это был не мой день! А, возможно, и не "мой" референт. Может быть, мне надо было ещё раз записаться на приём к другому бюрократу, который, возможно, оказался бы не столь бездушным человеком?

В расстроенных чувствах я приехала домой, к своим московским родственникам, и дала волю своим слезам. Бабушка и тетя Римма пытались меня, как могли, успокоить, давая советы и предлагая другие варианты.

Мне было очень-очень больно и обидно за себя. Тогда я почувствовала себя очень маленьким и беззащитным человеком перед безразличием, чёрствостью и бездушием кабинетных людишек – так я набирала свой первый жизненный опыт при столкновении с действительностью и реалиями тогдашней жизни.

Родственники предлагали мне дать на дорогу деньги, но я отказалась и решила обратно лететь, но уже не в Волгоград, а в Элисту, столицу Калмыкии, и уже там искать правду и добиваться решения своей проблемы.

Когда я прилетела в Элисту, это было, кажется, 30 августа и выходной день. Я с ужасом подумала, что мне придётся на

вокзале провести 2 дня, а потом в понедельник вместо выхода на работу в школу ехать в Министерство образования.

Я всё же решила сразу из аэропорта ехать в Министерство, и уже там, на месте, как-то решать свои проблемы.

Как ни странно, но двери Министерства были открыты – как – никак через день начинался новый учебный год. Кроме меня в здании учреждения на тот утренний час находилось ещё человек 5-7, среди них и секретарь, симпатичная женщина-калмычка среднего возраста.

От неё я с радостью узнала, что министр должен быть на рабочем месте через полчаса или час. Она радушно приняла меня, разрешила оставить мой чемодан у своего рабочего места в приёмной на случай, если я захочу куда-нибудь на время отлучиться, и даже предложила мне выпить их калмыцкий чай, но я отказалась. Я судорожно смотрела на часы, как будто стараясь своими мыслями и своей силой воли подталкивать стрелки часов к заветному времени "через час".

Я рассказала женщине-секретарю уже в который раз за последние двое суток свою историю, и она внимательно выслушала меня и, что больше всего меня удивило и обрадовало, была в курсе этого вопроса.

– Так это Вы – Ольга Григорьевна? Будем знакомиться! – как давнюю и хорошую знакомую спросила меня с улыбкой секретарь.

– А Вы, что, меня знаете? – ещё больше удивившись, спросила я её.

– Да, как же не знать... Вы у нас здесь все на учёте и контроле. Из 24-х выпускников, на которых были сделаны заявки в ВУЗы, приехали в этом учебном году только 2 человека – Вы и Елена Стельмаченко...

– Лена Стельмаченко? С французского отделения? Не может быть! – радостным возгласом перебила я секретаршу. – Ой, извините меня, пожалуйста, что Вас перебила. Не может быть! Значит, я здесь не одна. Слава богу! Уже на сердце легче. Лена! Стельмаченко! Здесь!

– Да, она уже приехала неделю тому назад. Теперь мы Вас ждём... В тот же день нам позвонила директор школы, куда Вы были распределены, и сообщила, что Вы приезжали, но на следующий день улетели в Москву за откреплением. Вот мы Вас и ждём...

– Как "ждём"? – снова удивилась я.

– А вот так и ждём. Директор ведь не выдала Вам на руки документ за её подписью и печатью о том, что им не нужна ставка преподавателя английского языка, – продолжала мне раскрывать глаза на игру, затеянную со мной директрисой совхозной школы.

– Вот оно что!? – стала я постепенно понимать ситуацию. – Значит, когда она говорила, что мне просто надо будет сказать в Министерстве о занятом месте по моему распределению, она уже тогда знала, что без нужной бумажки меня обратно сюда направят... Безжалостный она человек.

– Конечно же, вряд ли Вас сейчас отпустят, когда на но-

су 1-е сентября, а у нас в школах нет учителей по многим предметам. Я Вам советую у министра просить Вас отправить в село Приятное, где сейчас Ваша Лена. Это рядом со столицей, всего в 60-70 км от Элисты, да и коллективы в 10-летке и в 8-летке очень хорошие. Проситесь в Приятное, это ещё "цивилизованный" район – находится у асфальтированной трассы. Из других глухих районов, где нет рядом дороги, осенью, зимой и весной совсем невозможно куда-нибудь выехать, – дала мне ценнейшую и нужную информацию приветливая и доброжелательная секретарша.

Министр ещё не приехал, и я решила немного побродить у здания Министерства и подышать свежим воздухом. Через минут 10-20 мимо меня прошёл, а потом вошёл в учреждение мужчина лет 50, худощавый, небольшого роста, как-то уж просто и скромно одетый для министра высшего образования, поэтому я не обратила на него никакого внимания и продолжала ждать "настоящего" министра.

Прошёл час моего ожидания, но никто больше не входил в здание Министерства, и никакая машина не подъезжала ко входу у здания. Обеспокоенная таким положением дел, я снова пошла "на разведку" в приёмную. Не успела я войти, как уже знакомая мне улыбчивая секретарша спросила меня: – Где же Вы так долго ходите? Министр, – она назвала его по имени и отчеству, которое я сейчас не могу припомнить, – уже как час тому назад пришёл и ждёт Вас.

Доброжелательная обстановка, которую мне с самого утра

создала секретарша, скромно одетый и идущий пешком на работу, а не привезённый на служебной машине, министр (возможно, он где-то рядом у здания Министерства припарковал свою машину, но об этом мне не было известно) – это меня как-то расслабило и расковало. Я без дрожи в голосе и в теле, как это было со мной в московских министерских кабинетах, смело шагнула в скромно обставленный мебелью кабинет министра.

При первых словах нашего с ним разговора можно было бы русскую поговорку – «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты сам» переделать в другую поговорку – «Скажи, какой твой секретарь, и я скажу, какой ты сам».

Я совсем не ожидала такого демократичного и доброжелательного разговора со стороны министра. Мне с ним было легче и свободнее разговаривать, чем с нашим деканом факультета, который знал меня в течение 5-ти лет учёбы в университете и знал, как одну из лучших студенток на своём факультете.

– Ну, что, беглянка, нашла правду в Москве? – так сразу с порога он меня спросил.

– Нет, – что ещё мне оставалось ответить?

– То-то и оно... Все в Москву бегут... а надо было сразу сюда обращаться. Ну, что будем делать? Послезавтра приступите к своим педагогическим обязанностям в одной из наших школ? – с большой надеждой на мой положительный ответ спросил товарищ министр.

–Но ведь у меня есть все законные основания получить открепление. Разве не так? – в свою очередь я, с надеждой получить заветный документ, спросила его.

–Так-то оно так... Но если подойти по-человечески к этому вопросу, кто же будет учить наших детей в Калмыкии?

– А Вы этот вопрос адресуйте тем, кто не приехал на свои места по распределению, – чуть осмелев и почувствовав правду на своей стороне, посоветовала я товарищу министру. – Я приехала в посёлок Чапаев, чтобы честно отработать полагающиеся мне 2 года... Если так уж вышло, что выпал мне счастливый лотерейный билет на "свободное плавание", почему я не могу им воспользоваться?

– Конечно, у Вас есть на это полное право и законное основание... Но я хочу заключить с Вами договор по совести. Вы этот учебный год работаете в любой школе, в любом городе или в любом районе Калмыкии, который Вам лучше приглянется, а через год я Вас отпускаю на все 4 стороны и отдаю Вам трудовую книжку, – предложил мне, как компромиссный вариант, товарищ министр.

–Надо под-у-у-мать, – сказала я. – Мне нужны гарантии... Вы можете сейчас пообещать мне всё, что угодно, даже "золотые горы", а потом все эти обещания окажутся пустыми словами. Меня уже обманули Ваши подчинённые – директор школы из поселка Чапаев, а я привыкла верить людям и не потребовала от неё нужные документы. Теперь я научена горьким опытом. Буду более предусмотрительной. Нужно

всё взвесить и ещё раз подумать.

– А чего тут думать? Послезавтра – 1 сентября! Надо приступать к работе. Один год работы в Калмыкии – не большой срок в Вашей жизни.

– А гарантии какие? – не отступала я от своего.

– Слово министра Вам не гарантия?

В этот момент, сначала постучав, а потом заглянув в дверь, на пороге приёмной и кабинета министра появилась секретарь с известием о том, что товарищ (назову его "Морозкин") Морозкин желает иметь аудиенцию с товарищем министром.

В кабинет вошёл высокий, очень крупного телосложения, мужчина лет 50. Это был заведующий РОНО одного из районных центров в Калмыкии. У товарища Морозкина был ряд вопросов к товарищу министру, и пока товарищ министр распоряжался по поводу организации нам горячего чая, товарищ Морозкин поинтересовался, кто я такая. Когда заведующий РОНО получил нужную от меня информацию, он тут же в категоричной форме обратился к министру с заявлением о том, что он забирает меня к себе, потому что ему нужны "позарез" "иностранцы".

Морозкин обещал мне "золотые горы" он тут же в категорической форме обратился к Министру – 2 ставки часов по английскому и французскому языкам и, естественно, высокую зарплату и общежитие. Ещё он обещал свободное время во время школьных каникул, чтобы я могла летать к себе

домой в Сочи. Как мне было не согласиться?

Когда же я узнала, что и Лена Стельмаченко там будет работать, меня уже не надо было уговаривать. Мы заключили с товарищем министром устный договор о том, что через год он меня отпустит с трудовой книжкой на все четыре стороны.

Очень уставшая за последнюю неделю от полётов, перелётов, бесконечных ожиданий в аэропортах и на автовокзалах, полуголодная, я валилась с ног. Я ела только то, что дешевле могла купить в привокзальных буфетах, а это были, в основном, пирожки с повидлом. Я мечтала только о том, чтобы поскорее добраться до какого-нибудь места, где я могла поставить свой чемодан и выспаться.

Известие, полученное ещё утром от секретарши, о том, что село Приютное находится в часе езды от Элисты, меня очень радовало и вдохновляло. Я думала, наконец-то через час-другой мои "хождения по мукам" закончатся, и я обрету какие-нибудь квадратные метры со стенами и крышу над головой, но до этого вожделенного момента, как оказалось, было ещё довольно далеко.

Товарищ Морозкин на своей машине – толи "Москвиче", толи "Ладе" объезжал свои бескрайние "владения". Мы заезжали по дороге в село Приютное к директорам школ, подшефных заведующему РОНО. Его машина делала повороты то влево, то вправо от трассы на несколько км вглубь калмыцких степей.

Наверное, нигде так сильно, как в провинциальных уголках и закоулках, не процветает блат, кумовство и зависимость подчинённых от начальников.

Естественно, нас с ним принимали и угощали по-царски.

Первый раз в своей жизни я испробовала многие калмыцкие блюда. Одно из них мне очень понравилось, оно называлось "хаш". Это нечто, похожее на наш русский холодец или студень, только приготовленный из баранины в виде горячего первого блюда. Я также в первый раз видела и ела натуральную, не разбавленную молоком или кефиром, как это часто принято делать в наших магазинах, сметану. Товарищ Морозкин ставил тяжёлый нож с металлической рукояткой в крынку со сметаной и говорил мне: "Видите, Ольга Григорьевна, какая густая сметана – нож стоит вертикально и не падает."

А на десерт нас угощали калмыцким чаем, фруктами, арбузами или мёдом.

После каждого очередного визита к школьному директору багажник "Лады" товарища Морозкина заполнялся всё новыми и новыми дарами и преподношениями в виде бараньих, куриных, утиных и гусиных тушек, бидончиков со сметаной, банок со сливками и мёдом, но делались все эти "подарки", я думаю, от души и от чистого сердца – во всяком случае так это выглядело со стороны незаинтересованного наблюдателя.

"Чрево" "Лады" заполнялось так быстро, что при послед-

них визитах товарищу Морозкину уже приходилось отказываться от тяжёлых и крупногабаритных подарков – брались теперь уже в салон машины только красивые бутылочки с разным количеством "звёздочек" на их этикетках (похоже, это были бутылочки с армянским коньяком).

На последних километрах "Лада" напоминала беременную женщину, готовую в любой момент разродиться от бремени. Мы ползли черепашьими шагами, и при каждом ухабе или кочке на дороге машина издавала жалобный вскрик "роженицы".

Наконец мы добрались с товарищем Морозкиным до села Приютное. Он остановил свою машину около здания интерната, где временно жили все приехавшие по распределению молодые специалисты, их было 7 или 8 человек. Когда секретарша в Министерстве говорила о 2-х приехавших специалистах, она, скорее всего, имела в виду выпускников университета, а не педагогических училищ.

Каково было удивление и неопишуемая радость на лице Лены, когда она во мне увидела знакомое лицо, которое ей попадалось в течение 5-ти лет учёбы то в коридорах, то в аудиториях нашего университета.

Пока не приехали постоянные обитатели этого интерната, мы где-то около недели все вместе жили в этом заведении и по ночам, как могли (даже милицию вызывали), держали оборону против местных молодчиков, пытавшихся прорваться в здание интерната.

Я получила работу сразу в 2-х школах и вела уроки английского языка, но по документам я относилась к 8-летней школе.

Директор школы, Пётр Михайлович, очень внимательный и приветливый человек, проявил отцовскую заботу обо мне, как о близком человеке, в результате чего я одна из первых приехавших выпускников получила комнату в 2-х этажном сером кирпичном семейном общежитии.

Пока я занималась своим благоустройством и упорядочиванием расписания уроков с завучами 2-х школ, чтобы у меня оставалось время дойти из одной школы в другую, при этом не опоздав на уроки в 1-ю и во 2-ю смену, мысли обо мне самой и мои душевные муки и терзания отошли на 2-й план...

Но как только моя жизнь, как молодого специалиста, наладилась и стабилизировалась – я утрясла в обеих школах расписание, получила комнату, которую постарался быстро заполнить необходимой мебелью (кроватью с металлической сеткой, деревянным столом и стулом) директор школы, жизнь моя стала монотонной. У меня была только одна работа, работа, работа, а ночью – отчаяние и душевная боль, которую ничем нельзя было унять.

Единственным "развлечением" для меня в те первые 2 месяца были мои воспоминания о знакомстве с Аленом и о самых счастливых минутах, часах и днях нашей с ним любви.

Я не могла решить, какие "самыми" счастливыми минуты

были с Аленом, потому что всё время, проведённое с ним от первого дня знакомства до самого последнего часа расставания, было счастьем.

В один из первых дней своего проживания в общежитской комнате я вбила в стенку напротив кровати большой гвоздь и повесила на него свою драгоценную реликвию – подарок Алена, кулон с серебряной цепочкой, который я назвала "Звезда Шерифа". Он днём и ночью напоминал мне о моём любимом. Этот кулон был той незримой и невидимой нитью, которая теперь уже всегда соединяла меня с Аленом.

Я всё делала так, как не надо было делать. Мне нужно было постараться забыть о своей любви и об Алене и, как можно дальше,

с глаз долой, запрятать то, что могло напоминать мне о нём. Я, наоборот, то единственное, что мне осталось от любимого человека, хранила и держала на самом видном месте, чтобы каждое мгновение помнить о нём, хотя и без подарков Алена я не забывала о нем ни на минуту.

Так тянулись дни и недели. Наконец закончился 1-й месяц работы в школах, и наступил день первой зарплаты. Товарищ Морозкин как обещал, так и сделал, выполнил своё обещание – зарплата у меня была большая, более 250 рублей в месяц. По тем временам она приближалась к зарплатам больших начальников.

Я решила на деньги своей первой зарплаты купить неболь-

шой телевизор. Это была моя первая и последняя большая покупка за год жизни и работы в Калмыкии. Жизнь после приобретения и установления телевизора в моей комнатке несколько преобразилась и оживилась не только у меня, но и во всём общежитии – не все семьи, живущие в нашем общежитии, имели материальную возможность приобрести собственные "голубые экраны". Теперь стук в мою дверь раздавался довольно часто – желающих посмотреть концерт, художественный фильм или "Голубой Огонёк" по субботам – хоть отбавляй.

Шло время, я работала от зари до поздней ночи, приходила в свою комнату и «без ног» от усталости валилась на скрипучую кровать.

Так тоскливо, монотонно и без радости проходила моя жизнь.

Подходила к концу 1-я четверть, и тут произошли неожиданные события. Я думала, что в тех местах и в тот период моей жизни вообще не могли происходить какие-либо события, кроме работы, работы и грустных воспоминаний о прошлом, но "неожиданными" они были только для меня, а вот для Лены Стельмаченко они были вполне ожидаемыми.

Оказывается, ещё на 3-м курсе на французском отделении факультета романо-германской филологии были отобраны и, как через решето, просеяны и отсеяны несколько «счастливчиков». Эти несколько человек, как через дуршлаг, были отфильтрованы от остальной массы студентов и представляли

собой людей с хорошей родословной и с безупречным своим прошлым и с таким же безукоризненным прошлым своих родителей и родственников до «седьмого колена».

Таких у нас нашлось только 2 или 3 благонадёжных человека. Среди их числа оказалась Елена – моя тогдашняя коллега.

Так уж получилось из-за бюрократических волокит и проволочек, что до 1-го сентября не успели прийти соответствующие документы, и поэтому Елене пришлось действовать по 2-му варианту развития событий – это на тот случай, если из Алжира или из другой арабской страны, где нужны были молодые специалисты со знанием французского языка, не придёт вовремя официальный вызов для выезда на работу за границу.

Помню, как Лена влетела в мою комнату с радостными возгласами о том, что наконец-то пришёл из Алжира официальный вызов, и ей надо срочно уезжать из Приютного. Я сначала не поняла, почему с этим счастливым известием нужно было непременно лететь ко мне, как будто от меня что-либо зависело. Как позже я поняла, многое зависело, в частности, и от меня.

– Ленуля, я очень-очень рада за тебя. Это невероятно! Я даже об этом не знала! Почему ты раньше ничего не говорила об этом? – всё ещё удивлённая и не верящая в такое развитие событий, я вопрошала Ленку.

– Оль, да я сглазить боялась, поэтому и молчала, – отве-

тила Лена.

– А у нас, что, на французском отделении такой отбор проводился для работы за границей? – продолжала я не верить таким новостям.

– Да, но это нигде почему-то не афишировалось. Нас проверяли, как ты правильно подумала, до «седьмого колена». Прошрое и настоящее моих родителей внушали "органам" полное доверие, поэтому мои родители оказались достойными того, чтобы их дочь работала за границей.

– Прими от меня поздравления, – я была рада и за Ленку и за её "седьмое колено." – Так почему ты дома, в Краснодаре, не осталась дожидаться вызова?

– Очень много было волокиты с документами. Они пришли, сама видишь, очень поздно, и теперь у меня могут возникнуть большие проблемы, из-за которых я не смогу поехать в Алжир.

– Лена, но я тут причём? Как говорят, с какого боку? От меня ты чего хочешь? Не могу уразуметь, – недоумевала я.

– Ты понимаешь, что меня здесь не отпускают. Я уже была у директора школы и у товарища Морозкина. Они категорически «против». Говорят, что для поездки в Алжир найдут в стране много желающих помимо меня, а желающих приехать сюда, в Калмыцкие степи, нет.

– Но тут они правы, Лен... Кто ж, кроме нас с тобой, 2-х дурёх, приехал сюда? Никто!

– Говорят, сиди, мол, и не рыпайся. Понимаешь, если я

веду, то некому будет вести мои уроки французского языка.

– Ты хочешь сейчас сказать, – не дала я Лене договорить фразу до конца, – что я-я-я возьму твои классы с французским языком?!

– Оля, выручай! – с большой надеждой попросила меня коллега.

– Н-е-е-е-т, Ленусь! Ты меня, конечно же, прости, но я не буду вести уроки французского языка. Даже не проси, не уговаривай и не умоляй! Да, и потом, я просто фи-зи-чес-ки не потяну столько часов...

– Оля, помоги! Сделаю для тебя всё, что захочешь, только помоги – согласишься взять мои классы.

– "Что захочешь"? – переспросила я её. – А я как раз хочу не брать твои классы и часы. Лена, я не знаю французский так хорошо, как знаю английский.

– Оля, но ты что говоришь? Ты с университетским высшим образованием не достаточно хорошо знаешь язык, чтобы преподавать в 5-х–10-х классах? Не говори глупости.

– Тебе непременно надо "делать ноги" отсюда – всё бросать и ехать сейчас в Краснодар. А французский язык пусть в классах заменяют английским. Вообще, какая-то странная и недалёковидная политика местных властей – к ним сюда не едут специалисты русского языка и литературы, а они – и французский тебе язык и английский тебе язык. А почему бы им на следующий учебный год не подать в МГУ на отделение восточных языков заявку на преподавателей со знани-

ем японского или китайского языков? –пыталась пошутить я, чтобы хоть как-то разрядить неприятную ситуацию.

– Оля, мне не до шуток сейчас, – грустно и со слезами на глазах ответила Елена. – Что же делать?

– Лена, ты уезжай! А я уж буду опять своим хрупким телом "амбразуру" закрывать, – предположила я, как далее будут развиваться события.

– Зав. РОНО обещал, что не даст мне трудовую книжку, – возразила коллега.

– Лена! Какая трудовая книжка! Всего 2 месяца работы. Знаешь, – подумав, как дальше действовать, предложила я Елене свой вариант. – Мы сейчас пойдём к товарищу Морозкину или к моему директору и будем сообща решать этот вопрос. Мне в Элисте министр обещал, что через год отпустит меня и выдаст на руки трудовую книжку с соответствующей записью в ней. Но ты ведь, Лена, понимаешь, это была всего лишь устная договорённость со мной, а надо как-то документально оформить наше соглашение ... И я знаю, как это сделать.

– И как же собираешься дальше действовать, – удивилась Елена забившему из меня фонтану идей.

– Я соглашаюсь взять все твои часы, хоть могу и сдохнуть к концу учебного года, не дожив до светлого дня получения трудовой книжки. НО...товарищ Морозкин даёт нам честное-пречестное слово и при нас, в присутствии 4-х человек, оформляет заявку на 2-х преподавателей иностранных язы-

ков на следующий учебный год. Один документ у него остаётся, а другой – у меня. Ну, как? Сойдёт такой вариант решения наших проблем? – спросила я Елену Прекрасную.

– Осталось теперь лишь проверить на практике, – согласилась со мной Елена. Мы тут же отправились осуществлять наш совместно разработанный план.

К счастью, получилось всё так, как мы с Леной разработали и запланировали.

Лену на следующий день, как ветром степным сдуло, а я честно тянула свою лямку до конца учебного года.

Я уже не сомневалась, что будет подана заявка на новых 2-х преподавателей со стороны РОНО. Нормальный человек, а товарищ Морозкин производил впечатление как раз такого нормального человека, понимал, что одному преподавателю просто физически невозможно иметь почти 3 ставки часов – это даже по КЗоТу запрещалось, а иногда было наказуемо.

Итак, за свою будущую свободу я уже не волновалась. Можно сказать, что после этих французско-алжирских событий я могла уже жить спокойно, если бы не моё печальное прошлое, которое не оставляло меня в покое.

ГЛАВА 10. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ МЕСТА

Единственное, чего я тогда желала – это наступление зимних школьных каникул, во время которых я собиралась беспрепятственно со стороны 2-х администраций школ поле-

теть сначала в Краснодар, а потом к родителям в Сочи.

Меня снова неумолимо, как магнитом, тянуло в Краснодар, хотя я ещё на выпускном вечере дала себе слово больше никогда не приезжать и не приземляться на краснодарской земле, пусть даже транзитным рейсом.

Но желание снова быть там, где я встретила свою любовь, где жил и учился мой любимый человек, оказалось сильнее моей воли и данного себе слова. Я была, как наркоман, подсаженный на наркотик, и этим наркотиком был Алён и моя любовь к нему.

Я прилетела в Краснодар 31 декабря, за 5-6 часов до наступления Нового 1976 года.

Естественно, что сразу с аэропорта поехала к нам в общежитие, к своим девчонкам, но из 4 человек "своими" только были Тамара и её младшая сестра Надежда, учившаяся на юридическом факультете университета, а две другие девочки были для меня новенькими.

Я ехала из аэропорта по уже хорошо мне знакомой дороге, и в памяти моей прокручивались картинки, как ровно год тому назад я также ехала из аэропорта и сторала от невыносимого желания увидеть Алёна. Я тогда по минутам рассчитала, когда постучу в дверь Алёна и увижу его... чему, как теперь известно, не суждено было сбыться.

Когда я вошла на 1-й этаж здания общежития, меня охватило такое ощущение, что я вернулась к себе домой, а так оно и было – долгих 5 лет это студенческое пристанище яв-

лялось для меня родным домом, а девчонки по комнате были мне, как сёстры.

Я увидела много знакомых лиц. Все студенты были весёлые и радостные, кричали, смеялись и поздравляли друг друга с наступающим Новым годом.

За столом на вахте сидели знакомые ребята, которым и в голову не приходила мысль потребовать от меня какие-нибудь документы, хотя теперь я была никто для моего общежития – просто посторонний человек "с улицы", который при входе в здание обязан был предъявить свой паспорт или какой-либо другой документ, подтверждающий его личность.

Дежурным было неизвестно, что я уже окончила университет и больше не проживала в общежитии, тем ни менее я беспрепятственно прошла мимо вахты и поднялась на свой родной 3-й этаж. Перед дверью нашей комнаты остановилась, чтобы немного передохнуть и собраться с мыслями, но тут неожиданно открывается дверь, и прямо на меня толи с чайником, толи со сковородкой из комнаты выскакивает Тамара, чуть ли ни сбивая меня с ног... потом наши радостные крики, громкие возгласы. На шум выскочили все остальные обитатели нашей комнаты.

Я была так душевно тронута радостью девчонок после моих годичных "скитаний" по калмыцким степям и дорогам, что показалось, что я нахожусь среди родных людей. Я была счастлива снова оказаться там, где мне были рады. Ме-

ня сердечно тронула та искренняя радость, с которой я была встречена своими бывшими "сорумницами".

Если бы не приближающийся с каждым часом и с каждой минутой Новый год, то тот вечер стал бы моей маленькой пресс-конференцией на тему: "Каково жить и работать по распределению в глуши." Похоже, тема – очень актуальная для всех не бластных студентов.

Встреча Нового 1976 года стала памятной для всей нашей страны – в тот вечер первый раз на экранах своих телевизоров Советских народ увидел фильм, впоследствии ставший самым или одним из самых любимых фильмов – "Ирония судьбы или с лёгким паром."

Мы встретили Новый год у себя в комнате, после просмотра фильма спустились на 1-й этаж, где у нас проводилось празднование с музыкой и танцами. В тот вечер играл незнакомый мне вокально-инструментальный ансамбль с какого-то факультета. Временами, когда музыканты делали небольшой антракт для своего отдыха, включался магнитофон с записями самых популярных в те годы песен и мелодий.

Когда поставили кассету с песнями греческого певца Демиса Руссоса, и зазвучал этот волшебный, проникающий до глубин души голос, волна воспоминаний нахлынула на меня, сердце моё не выдержало – оно снова разрывалось на части от боли, горечи и обид.

Я вспомнила, как ровно год тому назад мы были вместе с

Аленом среди его друзей и земляков, и оба были счастливы. Тогда казалось, что ничто и никто не может разрушить счастье, когда двое молодых людей искренне любят друг друга, и никто другой ни ей, ни ему не нужен. Я была уверена, что наконец-то нашла свою "половинку", которую человек находит, если ему посчастливится, и не находит, если ему в жизни не повезёт.

Так больно было смотреть на счастливых и веселящихся людей, когда у меня самой душа и сердце разрывались на части.

Я поднялась в нашу комнату на 3-й этаж в надежде, что никого в ней не будет, и дала волю слезам.

Мне не хотелось своими слезами и тяжёлыми воспоминаниями омрачать праздник друзьям. Я и так видела и чувствовала, как Тамара несколько раз за вечер порывалась спросить меня об Алене, но так и не осмелилась. Девчонки хорошо понимали моё состояние и были довольно тактичны, они не хотели своими расспросами причинить мне лишнюю душевную травму – ждали, когда я сама об этом заговорю.

Как никогда мне было плохо в тот праздничный вечер. Правильно люди говорят, никогда не надо возвращаться туда, где ты был счастлив. За тот год, что я провела в Калмыкии, что-то стёрлось из памяти, душевная рана немного стала затягиваться, но стоило мне вернуться в то место, где я была счастлива со своим любимым, где еще сохранились следы и отпечатки его пальцев на предметах в комнате, так сра-

зу же сердечная боль дала о себе знать – моя рана обнажилась, словно с неё безжалостно содрали бинты, и стала кровоточить.

Так до самого рассвета я лежала на своей кровати (она, к счастью, оказалась свободной, потому что теперешняя хозяйка кровати встречала Новый год со своими друзьями за пределами общежития), пропуская через себя воспоминания совсем ещё недавнего прошлого.

На следующий день я позвонила Ирине Ярухиной и сообщила ей о том, что прилетела в Краснодар на 3 дня и уже завтра улетаю в Сочи. Она захотела встретиться со мной и пригласила к себе домой.

Снова я ехала по трамвайному маршруту, до боли знакомому мне. Сколько раз этим путём и этим трамваем я ездила к Алёну, и ровно год тому назад рано утром, 1 января 1975 года, я ехала этим же трамваем, но в обратном направлении, от его общежития – к моему.

Ирина (надеюсь, что и её родители тоже) была очень рада нашей встрече. Прошло только полгода, как мы расстались после выпускного вечера, но казалось, целая вечность нас отделяет от того памятного дня в нашей студенческой жизни.

Мы с Иришкой и говорили, и плакали, и смеялись до самого позднего вечера. Для меня было новостью, что она после окончания университета устроилась преподавателем английского языка на кафедре иностранных языков в Высшее Военное училище. В будущем здесь Ирина встретит свою

судьбу – военного офицера, с которым затем уедет в Балтийск, где они проживут счастливо несколько лет, а потом Ирина снова вернется в Краснодар, но уже одна.

Ирина так же, как и Тамара, не решалась первой спросить меня об Алене. Первой заговорила я сама.

– Ира, вот говорят, время лечит, но сколько должно пройти времени – год, два, три, десять лет, двадцать лет, чтобы боль прошла в душе и на сердце? – спросила я подругу, непроизвольно положив руку на грудь. – Год прошёл, а мне нисколько не легче.

– Оля, я тебе плохой советчик. Не знаю, что тебе посоветовать. Могу только тебе сказать, мне до сих пор не верится, что он так мог поступить. Вот просто не ук-ла-ды-ва-ет-ся в голове.

– Ира, представляешь, – продолжала я, – дошло до того, что иногда я слышу его голос, вернее, мне кажется, что его голосом говорит случайный прохожий или незнакомый мне человек. Я, что, с ума схожу?

– Да– нет, Оля. Так, наверное, бывает, когда у человека нервный стресс...

– И "крыша" едет, – закончила я фразу за Ирину.

– Я бы на твоём месте сейчас поехала к Алёну и всё бы выяснила. Сколько мучиться напрасно? Может, он совсем ни в чём не виноват, в чём ты его подозреваешь...

–Ира, а письмо само пришло и легло на мою кровать? Как быть с доказательствами? Не принимать их совсем во вни-

мание? – продолжала я задавать вопросы, на которые уже год у меня не было ответов.

– Если хочешь, Оль, я с тобой поеду, буду тебе моральной поддержкой. Так сказать, составлю твою группу поддержки, – предложила свои услуги верная подруга. – Подумай – или сейчас или никогда. Ты ведь прилетела сюда не для того, чтобы Новый год встретить в кругу своих бывших сорумниц, ты ведь прилетела, чтобы увидеть Алена, а теперь боишься в этом себе признаться.

– Да, я хочу его увидеть, но не смогу это сделать. Сколько раз я представляла по ночам, лёжа в постели и глядя в звёздное небо, как я подъезжаю к его общежитию, как поднимаюсь на его этаж, как стою перед дверью его комнаты, как поднимаю руку, чтобы постучать в дверь... и на этом моя фантазия выключается, как телевизор. Дальше я боюсь даже в мыслях представить, что может последовать.

– Оля, зачем представлять, когда ты можешь именно сейчас, сегодня или завтра, или прямо здесь и сейчас всё узнать. У тебя есть один шанс из тысячи выяснить ваши отношения... и потом или расстаться, но по-человечески, или, наоборот, остаться вместе. Ещё не поздно так сделать. Пойми, ты потом никогда себе не простишь, что не воспользовалась таким шансом.

Как Ирина была права! Я своим умом понимала, что так и надо поступить, но я также знала, что физически я не смогу этого сделать.

Мой организм за последние 2 дня был так душевно изнурён и ослаблен, что мне не представлялось, как я могу совершить столько действий по пути к Алёну.

– Ира, такое возможно, – сказала я Ирине, – если кто-то, но не я сама, доставит меня к двери Алёна, постучит в дверь, возьмёт меня за шкурку и втолкнёт меня в комнату. Т-ы-ы это сделаешь?

– Я сделаю всё, лишь бы ситуация наконец между вами прояснилась, и ты была счастлива.

– Знаешь, Ирина, я своей головой понимаю, что всё кончено, наша разлука – реальность, но сердцем... сердцем своим я не могу в это поверить. Сердце отказывается понимать, принимать и верить в то, что произошло. Я также понимаю, что через несколько лет, если мы когда-нибудь в этой жизни встретимся, и я и Алёна, будем оба жалеть о том, что случилось...

– Я думаю, – уточнила подруга, – Алёна будет очень жалеть и казнить себя за то, что так поступил с тобой, а ты не простишь себя за то, что сейчас не воспользовалась данным тебе судьбой шансом увидеть его...

– Ты, как всегда, права, подруга, – согласилась я с Ириной, ставя большую точку на нашем разговоре о моей злосчастной судьбе.

Иришка стала рассказывать о своей жизни и о работе. Тут в наш разговор включилась Ирина мама, которой хотелось

узнать от меня о "прелестях" свободной и независимой жизни выпускника Кубанского университета после распределения.

Вечер воспоминаний быстро подошёл к концу, и надо было возвращаться в своё общежитие, а на следующий день лететь в Сочи. Перед расставанием с Ириной (неизвестно, на какое время) я дала ей свой адрес в Калмыкии, чтобы наша связь не прерывалась. Этот момент потом сыграл важную роль в моей жизни.

Снова мне тогда казалось, что расстаюсь с Краснодаром навсегда...

На следующий день, 2 января, во второй половине дня самолёт "ЯК-40", выполняющий рейс Краснодар-Сочи, благополучно приземлился со мной на борту в аэропорту родного города.

Папа не встречал меня на аэровокзале, как он это делал всегда, потому что в тот раз я не предупредила телеграммой своих родителей – хотела им сюрприз преподнести на Новый год. Когда я позвонила в дверь своей квартиры, сердце моё встрепенулось от радости, и я снова почувствовала аритмию сердца. Я тогда уже понимала, что мне и радоваться и расстраиваться одинаково противопоказано для здоровья. Но как жизнь прожить без радости и печали? Невозможно!

На пороге появилась мать, которая тут же повернулась в сторону комнаты, где, видно, сидел перед телевизором папа,

и крикнула: "Гриша, смотри, кто к нам приехал!". Сразу же за этими словами появился папа, счастливый и довольный моим неожиданным появлением на пороге дома.

Через несколько минут мы уже втроём сидели на нашей уютной кухне и отмечали Новый год тем, что осталось от новогоднего застолья.

Господи, как я соскучилась по вкусной, горячей домашней пище. Надо сказать, что в селе Приютное, как и во многих населённых пунктах страны продовольственные магазины не могли предложить своим покупателям ничего, кроме хлеба, круп и рыбных консервов.

В течение 4 месяцев, которые я прожила в Калмыкии, у меня на завтрак был чай с неизменным бутербродом со сливочным маргарином. Нет, я не ошиблась, написав слово "маргарин" вместо слова "масло", потому что в продмагах Приютного продукт с определением "сливочный" был только маргарин, а привычное для меня раньше словосочетание "сливочное масло" я так нигде и не встретила за весь год своего там обитания. Весь год у меня на обед между уроками были 300 г пряников, которые я ела с горячим чаем из школьного буфета, а на ужин всегда была жареная или вареная картошка, которую я люблю с детства.

Ещё долгое время, лет 5 или 6, я не могла без содрогания смотреть на пряники, они до сих пор ассоциируются у меня с работой в калмыцких школах.

Я так была счастлива, что я снова дома, что мне никуда

не хотелось выходить и ездить. Родные "пенаты" удерживали меня в своих стенах весь мой краткосрочный отпуск.

У меня были грандиозные планы – ходить в кинотеатры, посмотреть спектакль в сочинском драматическом театре, что находится на Театральной площади рядом с моей английской школой. Мне хотелось зайти в новое здание английской школы, встретиться со своими любимыми учителями, которые теперь мне были, как коллеги, а также поехать в гости к своим школьным друзьям, Вике Говоровой и к Валечке Петропавловской.

Но "громадью" моих планов не суждено было сбыться. Тоска по родителям, семейный уют и теплота домашней обстановки приковали меня к дивану на застекленной лоджии и к книгам из богатой отцовской библиотеки, которые я поглощала с большим удовольствием и упоением.

Время быстро и незаметно пролетело. Надо было снова возвращаться в Калмыцкие степи к своим уже полюбившимся мальчишкам и девчонкам.

Но прежде чем возвращаться в Приютное, я давно уже запланировала для себя поездку в Москву на 1-2 дня, чтобы выяснить причины моего недуга, поставить правильный диагноз и найти верное и действенное лечение. Как ни странно, но мне нужно было обратиться к специалистам в Институт Красоты – только на них у меня была последняя надежда.

Наша разлука с Аленом и его роковое письмо стали источником моих бед и несчастий. Уйти из жизни – было тогда

моей первой реакцией, а вот ответных реакций моего организма на то печальное событие было много – и резкое похудание, и серьёзные осложнения после гриппа, и неожиданное выпадение моих шикарных волос.

Куда я только ни обращалась, к каким дерматологам и другим специалистам, занимающимся этими проблемами, я ни ездила – всё напрасно. Я пила лекарства, втирала в корни волос различные мази, но волосы продолжали быстро выпадать. Стоило мне запустить кисть руки в шевелюру волос, так на руке оставались выпавшие длинные пряди волос.

Мои волосы были моей гордостью, а также легендой и "достопримечательностью" (так их назвал наш декан, Аркадий Соломонович) факультета РГФ.

Недавно Ирина, с которой мы почти каждый день общаемся по интернету на сайте "одноклассники", напомнила мне историю с косой, о которой я давно забыла.

Оказывается, я получила место в студенческом общежитии, можно сказать, благодаря своей косе.

Когда я была ещё абитуриенткой, то именно своей толстой русой косой, которую я носила на левой стороне плеча, и длина которой доходила до середины моего бедра, я выделялась из всей массы студентов и привлекала к себе повышенное внимание, буквально, всех – и студентов, и студентов, а также преподавателей университета обоих полов.

Когда я распускала косу и расчёсывала волосы, то они

ниспадали и доходили мне до колен – зрелище было восхитительное. Я могла свободно спрятать наготу своего тела, как одеждой, своими волосами, распустив их.

Когда нас зачислили в студенты, наш декан в начале сентября на каком-то общем собрании в самой большой аудитории, увидев меня среди других студентов, сказал, обращаясь ко мне: "Хорошо, что Вы успешно сдали экзамены и поступили на наш факультет. Вы теперь будете достопримечательностью моего факультета. У кого ещё есть такая студентка с такой косой? Ни у кого! А у нас есть!"

Я была единственной девушкой с такой длинной косой не только на факультете, но во всём университете.

На филфаке училось 8 или 10 девушек-узбечек, они носили волосы, заплетённые в несколько косичек, но длина их кос едва доходила до середины их спины. Так что моя русая длинная коса–

явление не только редкое, но и уникальное даже в те годы.

На том же собрании декан попросил зайти к нему в деканат тех студентов, которые написали заявления на получение комнаты в общежитии.

После собрания около дверей деканата собралось человек 20-25. Вскоре из своего кабинета вышел Аркадий Соломонович с большой кипой студенческих заявлений. Он достал из этой кипы всего лишь 6 или 7 заявлений, заверенных его подписью, и протянул их счастливым, среди которых оказалась и я. Протягивая заявление, декан сказал мне: "Очень

люблю, когда девушки косы заплетают. Разве можно такой красивой дивчине, нашей факультетской достопримечательности, отказать в общежитии?" Вот так, возможно, благодаря моей косе я получила место в общежитии.

Недавно от той же Ирины я узнала, что наш декан умер в январе этого года(2010 года) в возрасте 95 лет в Израиле.

В конце концов мне надоело являться центром притяжения вселенского и людского внимания, и я решила избавиться от своей "изюминки". Где бы я ни находилась – на улице, в транспорте, в кинотеатре, я постоянно ловила на себе взгляды посторонних людей, которые о чём-то перешёптывались и потом смотрели на меня. Иногда были случаи, когда ко мне подходили и спрашивали, настоящая ли у меня коса, и какова её длина.

В начале 2-го курса я для себя загадала, если сдам зимнюю сессию на "отлично", то прилечу домой в Сочи, приду в ближайшую парикмахерскую и отрежу свою отличительную "особенность".

Так я и сделала 21 января 1972 года.

Когда после зимних каникул я снова вернулась в университет на занятия, то многие меня не узнавали. Иногда были даже такие случаи, когда ко мне в коридорах университета подходили студенты с других факультетов и говорили, что я очень похожа на одну девочку с инфака, у которой очень

длинная коса, на что я отвечала: "Я знаю, мне об этом часто говорят, но сама я её не видела". Вот такие интересные моменты в моей жизни доставляла сначала сама коса, потом её отсутствие.

Когда декан в первый раз увидел меня после изменения моего имиджа, он сначала, как и все остальные, не узнал меня, а когда понял, что это я, бывшая "достопримечательность" его факультета, то сильно расстроился и сказал:

– Была б моя воля, я бы Вам строгий выговор вкатил с занесением в «личное дело», но такого права не имею, – а потом добавил. – Небось, дрогнула рука, когда такую красоту отрезали?

– Дрогнула, – ответила я декану, – но не моя рука, а рука парикмахера. Он чуть ли ни расписку просил меня написать, что я в полном здравии и в уме решаюсь отрезать свои волосы до плеч.

– Всё равно – хороша! – подарил мне комплемент декан, будучи всё же расстроенный моим опрометчивым поступком.

И вот мои красивые густые волосы тоже не выдержали нервного стресса и стали стремительно выпадать. За какие-то 2-3 месяца у меня выпала половина волос. Если бы ни изначальная густота волос, то это было бы для меня катастрофой, но поскольку у многих девушек такое количество волос на голове, какое осталось у меня после нервного расстройства, считалось нормой, то моя трагедия ещё не вос-

принималась полной катастрофой, хотя дело уже шло к этому.

Господи! Сколько ж бед свалилось на мою голову и с моей головы в виде выпавших волос из-за несчастной любви!

Вот с этой проблемой я и летела в Москву с надеждой, что хоть там мне помогут... И мне помогли.

Профессор-дерматолог из Института Красоты внимательно выслушал печальную историю и, кажется, правильно разобрался в причинах моего недуга.

Профессор выписал помимо лекарств необходимые мази и кремы для втирания в корни волос дважды в сутки – утром и вечером и, спросив, где и кем я работаю, дал мне хороший совет – купить в каком-нибудь московском комиссионном магазине, желательно, импортный парик (а других, по-моему, в нашей стране не имелось), который почти не отличался от натуральных волос человека.

Лечиться мне нужно было, минимум, 3-4 месяца, и я не могла каждый день ходить на работу в школу в том виде, который приобрела бы моя голова и волосы в процессе лечения.

Я решила с первого дня, как вернусь в Приютное, все дни носить парик, снимая его лишь дома, чтобы ни одна душа, кроме Серенького (который у меня скоро появится), не могла догадаться, что у меня парик. Пусть считают, что я просто покрасила свои русые волосы в цвет каштана и немного их укоротила. Так я и сделала.

Возвращаться в Калмыкию из Москвы на этот раз было не так тяжело, как в августе, когда я в первый раз очутилась в тех краях. У меня появились друзья среди учителей. Правда, Лены уже со мной не было, которая заменяла мне общение сразу с несколькими людьми.

Началась суровая зимняя пора— шел не только снег, но стояли и сильные морозы, а также часто дул холодный степной ветер, пронизывающий до костей. Больше всего я не любила эти ветры, которые мне навивали тоску.

Они дули постоянно – и зимой и летом. Зимой от них мороз становился невыносимым, а осенью, весной и летом они вызвали пыльные бури, которые длились по несколько дней, и от которых нигде не было спасения.

По-хорошему, в такую пору надо было ходить в масках или марлевых повязках, но люди на улицах прикрывали свои глаза, нос и рот лишь только косынками или носовыми платками.

В помещении тоже невозможно было спрятаться от жёлто-бурой пыли. Она довольно ощутимым слоем (если окна в домах и квартирах не были с осени хорошо заклеены) покрывала подоконник и все немногочисленные предметы мебели в моей комнате.

Как-то поздно вечером, почти сразу после моего возвращения из Москвы, я возвращалась после уроков из школы и в кустах, припорошенных снегом, услышала жалобный писк

бездомного котёнка. Сердце сжалось от сострадания к маленькому беззащитному существу.

Я пыталась позвать его, чтобы взять на руки, но он толи боялся меня, толи не понимал человеческого языка и не знал, что человеческое "кис-кис" обозначает на кошачьем языке «иди сюда».

Долго мне пришлось изощряться, чтобы залезть в колючие кусты и достать крошечное существо, просящее о помощи. Когда мне удалось схватить его за лапку и вытащить из кустов, то в свете уличного фонаря я увидела серенького окоченевшего и трясущегося от мороза котёнка. Я тут же засунула его за пазуху и быстро побежала к своему общежитию. От его холодного и дрожащего тельца даже мне стало холодно.

Первое, что надо было сделать, это согреть его и накормить. С первым я быстро справилась, согрев его горячей струёй воздуха из включенного электрического фена для сушки волос, а вот вторая задача была посложнее – у меня не оказалось еды для котёнка. Жареная или варёная картошка – это не блюдо, которым надо кормить котёнка. Однако, как тут же выяснилось, мой найдёныш с большим удовольствием уплетал разжеванную мной жареную картошку.

Пришлось в тот вечер ходить по соседям и просить у них какую-нибудь пищу для моего маленького друга, которого я назвала "Серым" или, если ласково, "Сереньким". Мои соседи быстро откликнулись на мою просьбу и принес-

ли мне в комнату много разной всячины – молоко, простоквашу, рыбу и даже кусочки сырого мяса.

Я так по-матерински весь вечер заботилась о моём Сером, что первый раз за всё время после разлуки с Аленом я быстро заснула, крепко прижав к своему теплому телу маленькое кошачье тельце, так ни разу не вспомнив о своём любимом.

Утром я подумала – вот спасение от своих бед и путь выздоровления, надо помогать, заботиться и направлять свою энергию и жизненные силы на тех, кому в 100 крат хуже и больнее, будь-то человек или бездомное животное.

Эта терапия помогла мне только на первых порах, какие-то 2-3 дня, пока я занималась проблемами питания и вопросами отправления естественных нужд моего найдёныша.

На следующий день я в магазине купила 2 маленькие пилы для первого и второго блюда, а в школе у учителя труда нашёлся фанерный ящик, который я засыпала песком и из которого сделала для своего котёнка комнатный туалет.

Теперь жизнь моя не была такой бессмысленной и одинокой. Серенький днём лежал на подоконнике и грелся на солнышке, а вечером, даже ещё не услышав моих шагов на 2-м этаже общежития (а почуяв каким-то своим кошачьим чувством), бежал к входной двери и мяукал. Это мяуканье я начинала слышать на лестнице между первым и вторым этажами.

Мои соседи тоже удивлялись и говорили, что никогда не слышат голос Серенького, когда готовят еду на кухне, кото-

рая находилась почти напротив моей комнаты, а слышат его мяуканье за 2-3 минуты до моего прихода, и тут же говорят друг другу: "Раз Серый голос подал, значит, Ольга Григорьевна к общежитию подходит."

Вот таким умным, ласковым и нежным оказался котёнок, которого я спасла в один из зимних вечеров и приютила у себя, не зря ведь я жила в населённом пункте, называемом "Приютное".

Теперь я каждый день спешила домой – меня с большим нетерпением ждало маленькое пушистое существо. Раньше я никогда днём не приходила в общежитие, если между уроками были так называемые "окна" – свободное время между занятиями, а теперь я спешила домой, мне хотелось покормить и лишний раз пригреть и приласкать Серого.

Видно, ту любовь, ту невостробованную нежность и ту нерастраченную ласку, которые я хотела дарить своему любимому человеку, я теперь отдавала другому "мужчине" из семейства кошачьих. Он платил мне тем же, часто облизывая своим маленьким шершавым язычком мои пальцы, шею и щёки, лёжа рядом на подушке, уткнувшись своим мокрым носиком в моё голое плечо и мурлыча от удовольствия.

Так мы и жили с Сереньким в любви и в согласии, скрашивая друг у друга часы и дни одиночества, хотя с появлением в моей комнате котёнка одиночество уже так сильно не ощущалось, как прежде.

Приближалась весна... Я думаю, это было самое красивое

время года в тех местах, потому что всё начинало зеленеть и цвести, а несколько км диких полей превращались в разноцветные калмыцкие ковры, "тканевой" основой которых являлись тюльпаны разных цветовых оттенков.

Как жители, живущие рядом с лесными массивами, хорошо знают места, где растут грибы, так и местные жители калмыцких степей хорошо знали те места, где дикие тюльпаны росли целыми плантациями.

Кажется, в апреле начинался тюльпанный сезон. Все, у кого имелся хоть какой-нибудь транспорт или "колёса", на выходные дни уезжали далеко в степи и нарывали тюльпаны. Я до сих пор не знаю, рвали они цветы только для того, чтобы украсить ими свои дома и квартиры (хоть как-то украсить своё унылое и бесцветное степное бытие), или какая-то часть тюльпанов шла на продажу.

С появлением этих цветов на полях, а затем в руках наших учеников в виде больших букетов несколько осложнилась моя работа в школе и мои взаимоотношения с коллегами. Учителя стали ревновать своих учеников ко мне, особенно классные руководители ревновали детей своего класса ко мне.

На выходные дни наши школьники ездили со своими родителями в поля за тюльпанами, а потом приносили огромные букеты цветов в школу и дарили их своим любимым учителям. Так уж получалось, что в ту весеннюю пору самым любимым учителям оказалась я. Ну, это и понятно, я – но-

вый человек, молодой специалист, по возрасту – почти их ровесник.

Старшеклассники были моложе меня всего лишь на 5 лет. Наверное, в прежние времена ученики отдавали свои тюльпаны равномерно – каждому учителю на каждом уроке, а в этот раз всё оказалось по-другому.

Когда я заходила в класс, всё было как всегда, но стоило начаться уроку, как словно по взмаху волшебной палочки, весь класс превращался толи в тюльпанную оранжерею, толи в цветочный рынок, где на каждой парте, как на прилавке, появлялись букеты разноцветных тюльпанов.

Я понимала, что это цветопреподношение пора прекращать, и спрашивала у ребят, остались ли у кого-то ещё цветы (для других преподавателей), на что получила отрицательный ответ. Ребята не понимали мой вопрос и обещали, что ещё завтра принесут цветы. Я же задавала свой нелепый вопрос лишь для того, чтобы узнать, остались ли ещё тюльпаны у ребят для других учителей.

Мне приходилось половину полученных букетов обратно возвращать мальчишкам и девчонкам, объясняя им ситуацию. Я не хотела вызывать ревность учителей и портить с ними отношения. Ученики меня правильно понимали и соглашались со мной.

Когда после каждого урока я заходила в «учительскую» не одна, а с большими букетами тюльпанов и с одним или двумя учениками, помогавшими мне донести цветы до двери той

самой «учительской», преподаватели с улыбкой на губах, но без особой радости говорили: "Ох, Ольга Григорьевна! Любят же Вас наши дети!"

Это моё «явление народу» с цветами было ещё как-то понятно и объяснимо после проведения 1-го урока, а когда я заходила в учительскую с такими же охапками тюльпанов и после последнего урока, то обстановка среди учителей накалялась не на шутку, и мне даже приходилось оправдываться.

Я отказывалась от цветов в пользу других учителей, а ученики в ответ мне говорили, что у них и для других учителей цветов хватит... Но они меня, как оказывалось, иногда обманывали.

Когда я слышала обращенный ко мне вопрос: "В каком классе, Ольга Григорьевна, у Вас сейчас урок был?", то потом, после моего ответа, слышался такой комментарий: "А я в этом классе до Вас урок проводила, и у ребят не было цветов на партах, иначе они бы мне тоже подарили..." Мне становилось очень неудобно и дискомфортно. Что я могла промолвить учителям в ответ? Сказать, что ребята прячут свои букеты тюльпанов внутри своих парт, чтобы потом их подарить тем, кому они хотели? Это ведь дело добровольное, мотивированное желанием души и сердца.

Конечно, я оставляла много своих букетов на столах других преподавателей в «учительской», к тому же я просто физически не могла их донести до своего общежития, путь был не близким – км 4 или 5.

Никогда больше в моей жизни не было столько цветов, как в ту весну в Калмыкии, разве что, после моей свадьбы и в тот день, когда через 34 года после описываемых мной событий самолёт, выполняющий рейс Москва–Бейрут, приземлился на ливанской земле .

Цветы были повсюду—на столе, на телевизоре, на подоконнике, в вёдрах и в стеклянных банках различной ёмкости, которые мне пришлось позаимствовать у своих соседей, отблагодарив их всё теми же букетами тюльпанов.

Несколько дней я жила в своей комнате, как в цветочной оранжерее, и мой Серый ходил меж банок с цветами, обнюхивал их, иногда выбирал отдельные листочки и поедал их.

Впоследствии тюльпаны мне всегда напоминали Калмыкию и ту прекрасную весну в моей жизни.

Хотя я очень любила свою работу и привязалась к своим ученикам, я всё же мечтала о другой профессии —о профессии технического переводчика или гида- переводчика, а такую работу я могла иметь в Сочи или в Ленинграде, куда я с самого начала собиралась ехать и поступать после окончания английской школы.

В тот, 1970-й год, в Краснодаре открывался Кубанский Государственный университет, поэтому я изменила свои планы— решила учиться и жить поближе к дому, а после окончания ВУЗа уехать работать в Ленинград, где у нас жили родственники и друзья родителей, на помощь которых я могла рассчитывать при устройстве в этом городе.

Ленинград был моей мечтой с детства. При слове "Москва" душа моя оставалась равнодушной и спокойной, а при слове «Ленинград» я волновалась, словно слышала имя любимого человека. Не знаю, почему я так любила (и люблю до сих пор) этот город и мечтала в нём жить и работать.

Почти каждый год летом, во время летних каникул, я на несколько дней прилетала в Ленинград и останавливалась жить в комнате своей тётки Оли в коммунальной квартире, которая находилась в самом центре Ленинграда – на улице Желябова, в доме № 10, почти напротив ДЛТ (Дома Ленинградской Торговли).

ГЛАВА 11. СТИХИ – КАК ПОСЛЕДСТВИЕ НЕРВНОГО СТРЕССА

Я жила и уже считала на пальцах и по календарю дни, сколько мне оставалось до окончания учебного года и до моей свободы "на все четыре стороны". На душе было спокойно и даже радостно от предвкушаемой свободы.

И тут небольшое событие снова напомнило о случившемся в моей жизни и отбросило назад в прошлое. Этим событием стало полученное от Ирины письмо.

Мне в Калмыкию писали письма только родители, брат Валентин, тётка Маруся и подруга детства из станицы Вознесенской, Елена Семенец, больше мне не от кого было ожидать известий. Я уже упоминала о том, что, когда после Но-

вого года я встречалась с Ириной в Краснодаре, я ей дала свой новый адрес. То письмо Ирины в начале мая 1976 года было её 4-м или 5-м письмом в Калмыкию.

Когда я взяла в руки конверт, я почувствовала, что он слишком тяжёлый для обычного письма, в нём должно было находиться что-то помимо письма... и я была права.

Уже моё предчувствие опережало событие. Я ещё не распечатала конверт, но уже почувствовала мгновенный озноб и дрожание во всём теле – это был первый признак того, что я что-то прочитаю, или увижу, или услышу о своём любимом. Ирина никак не могла иметь фотографию Алена, но моя интуиция подсказывала, что я увижу именно фотографию Алена.

Я раскрываю конверт, и на пол падает большая газетная вырезка, сложенная в несколько раз, в которой была напечатана статья о Международном студенческом политическом конкурсе, победителем которого является студент II курса Краснодарского медицинского института из Ливана, Алена.

Снимок на газетном листке, на котором я увидела изображение Алена, словно удар молнии пронзил и обездвижил меня. Я стояла посреди комнаты и не могла пошевелиться, будто была пригвождена к нему.

Серенький, задрав голову, кружился вокруг меня и мяукал толи от голода, толи просясь на руки.

Его жалобное и настойчивое мяуканье вернуло меня к действительности. Вспоминая тот момент спустя 34 года, я

до сих пор ощущаю то волнение, охватившее меня, и тот жар, который я почувствовала во всём теле. Вот и сейчас кровь хлынула к лицу, и мои щёки и лицо горят, как на солнце в жаркую, 50-градусную погоду.

В первый момент я на снимке не узнала любимого Алена. Я никогда не видела его с чёрной, аккуратно подстриженной бородкой. Его лицо мне показалось одновременно и родным и чужим. Это был и мой Ален и не мой. Он был не таким, каким я его знала раньше. Что в нём было "не такого", я не понимала.

Весь вечер я читала и перечитывала Иренино письмо и газетную статью про конкурс и об Алене. Из письма Иры я узнала, что она недавно получила несколько часов английского языка на кафедре иностранных языков в медицинском институте, где учился Ален.

Как говорят англичане, "the world is small" («мир мал»), а мы говорим: "Мир тесен".

Снова волной нахлынули тяжёлые воспоминания... Я лежала в постели, смотрела на звёздное небо, чёрным квадратом видневшееся из моего окна, и думала об Алене. Вспоминались почему-то только счастливые встречи с ним и его красивое, весёлое и всегда улыбающееся лицо... а на газетном листочке он был совсем не такой. В моём воображении он всегда был родным, дорогим и любимым человеком. Он был "моим", а теперь на меня смотрел с газетного снимка чужой человек, на меня смотрели чужие глаза.

Душа и сердце разрывались на части от отчаяния, безысходности и невозможности быть рядом с любимым. Душевная боль становилась сильнее и сильнее и перерастала уже в колющую физическую боль сердца.

Как я ни старалась держать себя в руках, всё же переполнявшие меня эмоции взяли верх, и я разрыдалась. За то долгое время, что я сдерживала себя несколько месяцев, "влаги" в моём организме накопилось достаточно много, чтобы сейчас выплеснуться из меня потоком, как через прорвавшуюся заградительную дамбу.

Несколько капель моих горячих слёз попало на ухо Серенькому, свернувшемуся клубочком и спящему у меня на коленях. Он, не просыпаясь, как-то смешно потряс своим правым ухом, чтобы смахнуть слезу, но слёзы продолжали капать... Недоумевающий кот поднял свою сонную мордочку вверх, чтобы посмотреть, откуда капает, ведь раньше сверху, с потолка, в доме, куда его взяли с улицы, никогда не капало. Он принял стойку "сидеть" и уставился на меня своими зелеными глазами, которые в темноте комнаты горели, как 2 изумрудных огонька.

Иногда мне кажется, что животные чувствуют и понимают нас больше, чем мы думаем.

Вот и тогда Серый, как человеческое существо, проникся моими страданиями и, как умел, пытался меня утешить. Он опёрся своими задними лапками о мои колени, вытянулся на длину своего тельца, поставил тёплые белые лапки на мою

ключицу и стал слизывать солёные слёзы с моих щёк и подбородка, иногда промякивая своё тихое "мяу".

Я поняла, что мой котёнок переживает за меня, тоже страдает. Ничего не оставалось, как самой успокоиться и успокоить своего любимца.

Конечно, заснуть в ту ночь я не смогла от переполнявших меня чувств и переживаний.

Хорошо, что это случилось в ночь с субботы на воскресенье, когда не надо было идти на работу в школу.

Я слышала раньше, что у некоторых людей иногда проявлялись какие-то невероятные способности и умения, ранее им не ведомые, после тяжёлых переживаний, после нервных стрессов, после попадания в них "шаровой" молнии.

В моей жизни роль такой "шаровой" молнии сыграло Иррино письмо с фотографией Алена. Я не знаю, что произошло в моём мозгу или в моём сознании, но в какую-то минуту мои мысли стали рифмоваться и принимать форму четверостиший. Я не знаю, кто рифмовал мои мысли, это как-то получалось само собой.

У меня в голове возникали уже готовые четверостишья, которые вертелись в сознании, готовые выплеснуться на бумагу...

Я поняла, что, если я не встану с кровати, не возьму листок бумаги и ручку и не запишу те строчки на бумагу, то они до утра не дадут мне покоя. Под давлением или под напором (уж не знаю и не ведаю, что это было) этих мыслей я

встала и записала первое четверостишие, которое уже к тому моменту измучило меня, просясь на бумагу, чтобы принять материальную форму:

*Я всё та же, та же,
Только ты уже немного не такой,
И моя любовь к тебе всё та же,
Старая, как жизнь за пять веков.*

Я думала, что на этом вдохновение, неизвестно откуда в один миг возникшее во мне, оставит меня в покое, но не тут-то было. В моей голове возникали всё новые и новые четверостишия. Я вставала с постели, чтобы записать эти строки, столько раз, сколько в моём сознании в ту ночь возникали четверостишия. Все они были записаны сразу начистоту, без каких-либо потом изменений и дополнений.

*То же чувство, не угасшее с годами,
Только ставшее от горечи сильней,
Та же рана, нанесённая не кинжалом
И с годами ставшая больней.*

*Тот же голос шепчет мне ночами:
"Глупая! Забудь ты обо всём..."*

*Что ещё быть может между вами,
Если в жизни вам не быть вдвоём?"
Тот же трепет дорогих воспоминаний,
Что в моих волнует жилах кровь,
Та же мука безнадёжных ожиданий,
Увы, которая уж не вернёт любовь.*

Я всё та же, та же.

Только ты уже немного не такой.

И моя любовь к тебе всё та же,

Старая, как тысячи веков.

Я думала, что меня посетило лирическое вдохновение только в ту памятную для меня ночь, но, к счастью, теперь вдохновение стало моим частым гостем. Не знаю, кого мне больше благодарить – Ирину, снимок Алена в газете или мои переживания, благодаря которым из моего сознания или из моего сердца вышло более 50 стихов, которые я писала на протяжении всей своей жизни и посвящала своему любимому человеку.

На следующий день я попросила учителя по труду в нашей школе сделать мне рамку размером 10 см на 15 см для того, чтобы поместить в неё газетный снимок. Он не только изготовил красивую рамку, но кроме задней картонной стенки ещё вырезал кусочек стекла, чтобы мой снимок был защищён от пыли.

Вернувшись домой в тот вечер, я вбила второй гвоздь в стенку прямо над тем гвоздём, где с первого дня у меня в комнате висел на цепочке кулон Алена, "Звезда Шерифа".

Теперь я каждый день видела "портрет" своего любимого человека. Хоть смотрящий на меня с газетного листка Алена снова причинял горечь и боль от воспоминаний, но всё же с

того дня на душе у меня потеплело – я могла теперь видеть Алёну не в моём воображении, а на фотографии, это давало ощущение реальности.

Скоро наступило лето.

До моего отъезда из села Приятное оставалось совсем несколько дней. Моя радость от скорой встречи с родными и от предстоящей свободы омрачалась расставанием с Сереньким. Я мечтала взять его с собой и написала родителям письмо с просьбой разрешить его привезти с собой, но моя мать не любила животных, и мне в категорической форме было отказано в просьбе.

Вот поэтому последние дни до отъезда я занималась поиском "хороших и добрых" рук, в которые я бы отдала своего любимого найдёныша. Такой будущей хозяйкой Серенького оказалась одинокая женщина, лет 50-55, которая жила в общежитии на том же этаже, что и я, тоже в крайней комнате, только в противоположном конце коридора.

И вот наконец-то наступил день, когда я, со слезами расставшись с любимым котёнком, за 5 месяцев превратившимся в красивого серого кота, и без слёз расставшись со своими многочисленными коллегами и не менее многочисленными учениками, ехала на автобусе до Элисты, чтобы там сесть на самолёт до Сочи.

ГЛАВА 12. МЕЧТЫ ИНОГДА СБЫВАЮТСЯ

В аэропорту Адлера меня ждал счастливый отец, который был очень рад моему скорому возвращению из дальних мест, но счастье родительское было недолгим, потому что через 2 недели я снова оставляла их.

Отдохнув дома, вдоволь накупавшись в море и загорев, как мулатка, а главное – отъевшись на домашних харчах, я снова собралась в дальний путь. Наконец-то наступила в моей жизни пора осуществить самую заветную жизненную мечту – жить и работать в Ленинграде.

В конце июля скорый фирменный поезд "Северная Пальмира" домчал меня до Московского вокзала Ленинграда, где я вышла со своим небольшим чемоданчиком (55 см x 45 см x 20 см), с которым я уехала поступать в Университет в Краснодар в 1970 году и с которым вернулась из Калмыкии.

Сначала я решила остановиться у своей тётки Оли и двоюродного брата Виктора, которые жили на улице Желябова в 2-х минутах ходьбы от Невского проспекта. Мой двоюродный брат Виктор был старше меня на 10 лет. Он был очень высоким, красивым парнем. Хоть братец и слыл красавчиком, но всё ещё пребывал в статусе холостяка, видно, пока не встретил своего женского идеала, достойного называться его женой.

Тётя Оля с удовольствием приютила меня на несколько дней, пока я ни устроюсь самостоятельно.

Она обычно целыми днями находилась в своей комнате,

только несколько раз выходила на общую кухню в коммунальной квартире. Поскольку между соседями были довольно сложные и натянутые отношения, то каждый из соседей старался поменьше показываться у других на глазах.

Моё общество радовало тётю Олю ещё и потому, что она почти всё время находилась в комнате одна. Сын Виктор целыми днями пропадал на работе, а вечера и ночи проводил у своей последней "казнобы".

Вечерами я возвращалась в коммуналку к тёте всегда с чем-нибудь вкусеньким к чаю, а также покупала продукты, из которых потом готовила нам вместе ужин. С утра до позднего вечера я моталась по своим делам, а вечером мы с тётёй Олей ужинали, смотрели телевизор, и я отчитывалась за проделанную работу в тот или иной день.

Мне нужно было решить 3 важные задачи – оформить прописку в Ленинграде, найти достойную работу по специальности и снять комнату для проживания.

Друзья моих родителей обещали сделать прописку в Красном Селе, а с такой пропиской можно было легко устроиться на работу в Ленинграде.

Пока готовились, продвигались из кабинета в кабинет и подписывались многочисленные бумаги и документы для прописки, я ездила по всему Ленинграду. Я в те дни объездила город из конца в конец по плану – по ранее составленному списку из крупных заводов и НИИ, в которых могли быть патентно-лицензионные отделы, где требовались спе-

циалисты со знанием европейских языков.

Первым в моём списке, состоявшем из 3-х листов, значилась Ленинградский Металлический завод. С него я и начала свои поиски.

Когда я обратилась в отдел кадров со своим вопросом, меня попросили минуточку подождать, потом, поговорив 2-3 минуты по внутреннему телефону, попросили уже подождать 15-20 минут, пока ни освободится начальник интересующего меня отдела.

Моя первая попытка, можно считать, была удачной. Через обещанные 20 минут ко мне в отдел кадров спустился мужчина 40 -45 лет, который был начальником отдела. Он поговорил со мной, спросил, какую работу я хочу, и посмотрел мои документы и диплом. После ознакомления с моим вкладышем к диплому его отношение ко мне немного потеплело, и он сказал, что в данную минуту не может меня к себе взять, а вот через 1-1.5 месяца у него появится вакансия— его переводчица уходит в декретный отпуск. Он дал мне свой рабочий телефон, по которому мне нужно было позвонить ему через месяц.

Ура! Начало было положено. Но загвоздка заключалась в том, что мне надо было до 1-го сентября устроиться на работу, чтобы не прерывать трудовой стаж. Металлический завод я оставила, как запасной вариант, и продолжала поиски работы.

К концу августа я получила желанную и долгожданную

ленинградскую прописку в своём паспорте. Самая важная и трудная задача была выполнена, оставалось найти работу, которая бы нравилась мне.

Как ни хорошо мне жилось у тёти Оли на Желябова, но бесчисленным клопам, поселившимся в её комнате с доисторических времён, жилось ещё прекрасней – моя молодая и свежая для них кровушка оказалась по вкусу, и они безжалостно и нещадно пили её из меня. Я ходила вся покусанная и расчесанная – на мне не было живого места. Что мы только ни делали с тётей Олей, чтобы их вытравить, но они оказались живучими и бессмертными, на них ничего не действовало. В этой неравной борьбе они одержали победу.

Через месяц после моего "благополучного" проживания в центре Ленинграда пришлось ехать к родственникам матери (2-й жены моего отца) в военный городок под Ленинградом, в Сертолово, где проживала семья дяди Володи Ходоновского, родного брата матери. Его жену звали Соней, а двух дочерей – Людмила и Света.

Теперь на дорогу до Ленинграда и обратно у меня уходило каждый день около 5 часов. Я вставала в 6.30, ехала сначала на автобусе до ж.д. станции, где садилась на электричку и почти час ехала до Финляндского вокзала, а потом на метро и на других видах транспорта добиралась до объектов, значащихся в моём списке. Наверное, в день я проезжала десятки, а то и сотни км, включая дорогу на электричках.

Я изъездила Ленинград вдоль и поперёк в поисках нужной

работы. Как только у меня появилась прописка в паспорте, я могла в тот же день устроиться работать преподавателем иностранного языка в любой школе, но мне хотелось заниматься более интересной работой.

Как-то наведалась я в гостиницу "Интурист", где имела долгий разговор с одним из её сотрудников, посоветовавшим мне сначала у них пройти курсы гидов-переводчиков, а потом по результатам экзаменов быть или не быть зачисленной в штат их сотрудников. К этой идеи я собиралась непременно вернуться чуть попозже.

Незаметно подходил конец августа, уже половина пунктов, числящихся в моём списке, была зачёркнута, а часть пунктов обведена, как возможные и реальные места работы.

Но всё равно что-то меня в них не устраивало— то начальник был не по душе, то характер работы не устраивал: я должна была, в основном, переводить тексты и документы с французского языка, а не с английского, или должна была, как молодой и физически здоровый специалист, почти на все выходные ездить на полевые сезонные работы (осенью, весной и летом), а зимой – на овощехранилище.

Такова была тогда экономическая и хозяйственная линия нашей руководящей и направляющей Коммунистической партии.

Как-то в очередной раз я зашла в отдел кадров какого-то НИИ уже ближе к концу рабочего дня и как всегда ждала, когда спустится на лифте к нам заведующий интересующего

меня отдела. Сотрудницы отдела кадров устроили себе маленький "Five o'clock". Я воспользовалась моментом и тоже достала из сумочки пачку вафель, которую купила в магазине по дороге в НИИ, чтобы перекусить и хоть как-то "заморить червячка", который мучил меня уже несколько часов.

Я предложила рядом сидящей сотруднице свои вафли, она вежливо поблагодарила, вытащила из пачки одну из четырёх вафель и, в свою очередь, предложила мне чашку горячего ароматного чая. Видно, чай был импортный, иначе бы так не сводил с ума своим ароматом.

Я с большим удовольствием присоединилась к их чаепитию (тем более, что мне ещё перепало 2 бутерброда с колбасой и с сыром), и мы разговорились. Мои новые знакомые дали много дельных советов, среди которых был совет – поехать к Инженерному замку, где располагался ЛенЦНТИ, и посмотреть объявления на специальном стенде объявлений у входа в Инженерный замок. Этот совет был дан на тот случай, если меня не примут на работу в их учреждении.

В их НИИ, к нашему обоюдному сожалению, работы не нашлось, и я тут же поехала, вернее, помчалась по адресу, указанному отзывчивыми и гостеприимными сотрудницами института.

Через час я уже не шла, а бежала к Инженерному замку. Сердце моё бешено колотилось, пульс мой чувствовался и просчитывался мною без особых усилий. Я могла идти и считать удары сердца в минуту – моё чувство предвидения да-

вало о себе знать и уже постепенно готовило меня к радостному известию.

Я сразу, ещё издали, увидела стенд объявлений и, подойдя ближе к нему, стала очень внимательно изучать содержание приклеенных за стеклом объявлений. Видно, моё предвидение не стало долго меня мучить и направило мой взгляд в первую очередь на маленький листок бумаги, где от руки красивым почерком были написаны долгожданные и милые для меня строки о том, что в НПО "Лентеплоприбор" в патентно-лицензионный отдел № 31 требуется специалист со знанием английского языка.

Вот оно! То, что надо! То, что я ждала и искала!

Моя радость была неопишуемой. Я была такой счастливой, будто меня уже приняли на эту работу... (но моё предвидение уже точно знало, что это место инженера-переводчика будет моим, на то оно и предвидение, чтобы предвидеть)

Но тут вдруг мысль о том, что по этому объявлению уже могли взять человека, чуть не убила меня. Эйфория быстро прошла.

Если бы не поздний час, я тут же бы отправилась по указанному адресу на Выборгскую набережную, дом 1.

Возвращалась я в тот вечер в Сертолово к своим родственникам, будто не на электричке ехала, а летела на самолёте. Они даже удивились столь раннему моему возвращению – обычно я приезжала после 22.00 часов, а в тот вечер вернулась около 20.00 часов.

Мне хотелось поскорее заснуть и поскорее проснуться, чтобы поехать по заветному адресу, но я была слишком взволнована и возбуждена, чтобы быстро оказаться в объятиях сна.

В ту ночь вновь нахлынули воспоминания из прошлого, снова перед глазами проходили картинки из нашей с Алёном жизни и отношений.

Все предыдущие дни после поиска работы я приезжала очень поздно, сразу ложилась спать, чтобы на следующее утро снова ехать в Ленинград. Я была в те дни настолько измотанной, бесчувственной и уставшей, что свои мысли о любимом человеке гнала прочь. Мне хотелось о нём думать, вспоминать и мечтать в более "достойном" состоянии и положении.

В ту ночь казалось, что наконец-то решена моя 2-я задача. Я немного расслабилась, и тут же мысли об Алёне завладели моим сознанием. Заснула я лишь под утро.

Утром я была ещё так возбуждена от предстоящего разговора об устройстве на работу, что у меня за завтраком из рук всё падало— то вилка упадёт, то чайная ложка. Тётя Соня, видя, в каком я взволнованном состоянии, пыталась успокоить меня:

— Оля, всё будет хорошо! Успокойся! Ещё раз посмотри, все ли документы взяла. Не забудь диплом!

—Тётя Соня, ничего я не забуду, я ведь из сумки не вынимаю документы, они у меня так целый месяц и лежат там, —

в свою очередь успокаивала я тётю Соню.

– Старайся себя хорошо показать. Ты ведь у нас девочка умная. Со всем соглашайся. Если тебе скажут, что придётся часто ездить на колхозные поля – ничего страшного. Соглашайся! У нас все

работники, вплоть до научных сотрудников и профессоров, выезжают на сельскохозяйственные работы, – продолжала попутно давать свои советы тётя Соня.

– Да я всё это уже знаю и соглашусь на всё, потому что эта работа – как раз то, о чём я мечтала. А показывать себя я не собираюсь, мой диплом всё скажет обо мне.

Получив на этот раз от тёти Сони в дорогу два завёрнутых в белую салфетку бутерброда с колбасой и с сыром и выслушав последние добрые наставления, я побежала на автобусную остановку.

Через 2 часа я подходила к Гренадёрскому мосту, где, по словам выходящих из метро пассажиров, находилось заветное здание нужного мне НПО.

Это было высокое 6-этажное серое здание, стоявшее у Гренадёрского моста в самом начале Выборгской набережной.

Я вошла на первый этаж и справа увидела окошко "Бюро пропусков", куда я тут же обратилась со своим вопросом. Сотрудница посмотрела на номер телефона в моей записной книжке и сказала, что это местный телефон, и я могу позвонить по указанному номеру с белого телефона, который ви-

сел на стене у прохода, который она назвала "вертушкой". Проход и впрямь, как я потом убедилась, был похож на современные турникеты в метро.

Я с замиранием сердца набрала судьбоносные 5 цифр указанного в объявлении телефона и так же, затаив дыхание, слушала долгие гудки ... потом гудки прекратились, и мягкий красивый женский голос ответил: "Я слушаю". Мне кажется, что первые слова и предложения я говорила, заикаясь от волнения. Выслушав меня, приятный женский голос на другом конце телефонного провода попросил меня подождать минут 5 в фойе помещения.

В таком душевном состоянии 5 минут казались вечностью. Я стояла и ждала... Почему-то все остальные посторонние шаги и звуки не волновали меня, я просто не обращала на них внимание... А тут вдруг я услышала громкий стук женских каблучков, и мой слух и внимание быстро отреагировали на них. Это моё предвидение давало знать – смотри, мол, и запоминай, как стучат каблучки твоей будущей "шефини" (слово женского рода от слова "шеф" – так сотрудники называли свою начальницу).

Через "вертушку" прошла уверенной походкой красивая, стройная молодая женщина, лет 35-38. Это была женщина среднего роста, с красивыми женскими формами.

Когда нам говорили на лекциях в Университете о том, что сейчас (то есть, тогда) стране нужны люди новой формации и новые современные начальники отделов, заводов и про-

изводств, по-новому мыслящие, то, наверное, вот такую начальницу имел в виду наш лектор.

О том, что она была одета по-современному, по последней моде— в этом ни у кого не оставалось сомнения даже при первом беглом взгляде на неё.

Вся одежда на ней, от блузки, костюма и до туфельек, была модной и импортной, это было видно невооруженным глазом. От неё веяло завораживающим дорогим парфюмом, возможно, "Climat" или "Magie Noire" ("Чёрная Магия") от фирмы "LANCOME". Я тогда не очень различала оттенки запахов французских духов. Её волосы были аккуратно и модно подстрижены, создавалось впечатление, будто она на работу в тот день пришла прямо после посещения "Салона Красоты". Ногти на пальцах имели красивую форму и были покрашены в тон её сиреневой блузки. Это уже потом я узнала, что муж моей будущей начальницы был "востоковедом" и часто работал за границей— отсюда и обилие импортной и качественной одежды.

Увидев единственное существо, стоявшее в то время в фойе помещения, она подошла ко мне и спросила:

— Это Вы мне сейчас звонили по местному телефону по поводу работы?

— Да... Это я, — ответила я, стараясь не волноваться и принять уверенный вид.

— Меня зовут Валентина Васильевна, — представилась женщина. — А как Вас зовут?

–Ольга Григорьевна. Можно просто "Оля",– представилась в свою очередь я.

– Что Вы заканчивали? Могу ли я взглянуть на Ваши документы и Ваш диплом?

Я ответила на все интересующие её вопросы и стала му-чительно ждать ответа. Валентина Васильевна внимательно изучила вкладыш, прилагающийся к диплому, и спросила:

–Тут указано, что у Вас и французский язык сдан на "отлично", значит, Вы сможете и с французского переводить?

На все её вопросы я с готовностью ответила положитель-но. Кажется, это чудное создание (а именно таким "чудом" мне тогда она показалась, и это было недалеко от истины) в женском облике осталось довольной и мной и моими доку-ментами.

– Когда Вы сможете приступить к работе? – как-то уж очень прозаично и обыденно спросила она, а у меня от её вопроса мурашки побежали по телу от радостного возбуж-дения.

– Хоть сегодня, – пыталась я пошутить, – но ведь надо ещё оформиться.

–Так... сегодня у нас пятница, – констатировало моё бу-дущее (а в этом я уже не сомневалась) Начальство. Я бы с удовольствием это слово относительно Валентины Васильев-ны (или "В.В" – так её, любя, для лаконичности и кратко-сти имени и отчества называли сотрудники отдела) писала с большой буквы.

– В понедельник привозите все свои документы сюда ко мне. Как сегодня, вызовите меня по местному телефону. Я спущусь к Вам за документами и отдам на оформление. Договорились?

– Договорились!

– Боюсь, что к работе Вы сможете приступить только в следующий понедельник, 2 сентября, потому что, – пояснила моя начальница, – наш Генеральный Директор в Москве, в командировке, и ожидается только в конце будущей недели.

– Очень жаль, что я не могу приступить к работе на день или два раньше, в противном случае, у меня из-за всего одного дня прерывается стаж по трудовой книжке, – внесла я некоторую ясность в создавшуюся у меня маленькую проблемку.

– Конечно, обидно, если это так. Я постараюсь сделать всё для Вас, что от меня зависит, – сказала Валентина Васильевна, моя будущая начальница, и мы распрощались.

Я продолжала стоять посередине фойе, как будто в каком-то гипнотическом сне, очарованная только что исчезнувшим видением, в реальность которого можно было поверить лишь по удаляющимся в сторону лифта звукам стучащих каблучков.

Что это было? Весь наш разговор-собеседование пролетел, как прекрасный сон.

Я стояла в оцепенении и не знала, что делать дальше.

Мысль о том, что я принята на работу, ещё до конца не

утвердилась в моём сознании. Что-то не очень верилось, что наконец-то закончились мои мытарства по поводу бесконечного поиска работы, и можно с облегчением вздохнуть.

Был безумный порыв снова подойти к висящему на стене телефону и позвонить по уже знакомому номеру, чтобы опять услышать приятный женский голос, подтверждающий то, что я буду принята на работу. Понимала, что это сверхбезумство, но меня всё ж тянуло к этому телефону, чтобы услышать это ласкающее слух слово "ДА".

Из моего сомнамбулического состояния или из состояния оцепенения вывел громкий женский голос из окошка «Бюро пропусков»: "Ну, что? Приняли Вас на работу у нас?" «Приняли... кажется», – всё ещё не веря в совершившееся, ответила я.

Я вышла из здания организации, постояла несколько минут на ступеньках, чтобы перевести дух и хоть немного вдохнуть воздух, свежий и влажный от воды Большой Невки. Рядом со ступеньками я увидела урну. Моя рука непроизвольно полезла в сумочку, достала 3 листа списка с выписанными организациями и их адресами и повисла над урной... На минуту я задумалась, стоит ли сейчас избавляться от этой нужной информации, не опережаю ли я события, и я решила не спешить... Я спрятала обратно свой список в сумочку, дошла до конца здания, но потом резко сделала "U-turn" – оборот на 180 градусов и вернулась к урне.

Прочь сомнения! Чтобы не искушать свой успех и удачу, я

избавилась от своего списка, как от тяжёлого груза или тяжкого бремени.

Мне не хотелось ехать в Сертолово, а хотелось насладиться в полной мере своей радостью и перспективой относительной свободы – теперь у меня будет работа, и я ни от кого не буду зависеть.

В те годы, когда я летом прилетала в Ленинград, я очень любила бродить по бесчисленным дорожкам и аллеям Летнего сада, сидеть на лавочках, по очереди переходя от одной к другой, и любоваться открывавшейся перед взором красотой многочисленных скульптур и вековых деревьев. Я также любила замечательный вид на Марсово Поле, который восхищал и ласкал глаз.

Всю половину дня я провела в Летнем саду, а потом решила пешком пройти через Кировский мост, от которого до Финляндского вокзала – рукой подать.

У вокзала в магазине, в кондитерском отделе, я купила бисквитный тортик, чтобы вкусно отметить с родственниками радостное событие. Нет, ещё не событие, а только известие о принятии меня на работу.

Со своими сёстрами, Людой и Светой, мы быстро решили судьбу того тортика.

Как мы договорились с Валентиной Васильевной, так я и сделала – в понедельник подвезла в НПО необходимые документы, и мы расстались с В.В. до следующего понедельника – первого дня моего выхода на новую работу.

В освободившуюся неделю я плотно занялась поиском теперь уже жилья. Однокомнатную квартиру я не смогла бы одолеть, потому что зарплата не позволяла (110 руб. в месяц). Решила снимать комнату, и было бы желательно снять её с кем-нибудь вдвоём, но у меня на тот момент не было ещё знакомых и друзей.

Я снова утром приезжала в Ленинград и допоздна ходила по дворам и дворикам в центральной части города, где много коммунальных квартир. Я искала сидящих на скамеечках пожилых и стареньких коренных ленинградских бабушек, которые могли мне подсказать (они обычно в курсе такой информации), где, в каком доме и в какой квартире, сдаётся комната. Мои недельные поиски увенчались лишь двумя адресами комнат на канале Грибоедова, в которых я могла снять "угол", проживая вместе с бабушкой в одной комнате. Меня это, естественно, не устраивало.

Наконец наступил долгожданный понедельник. Я встала в тот день в семье дяди Володи раньше всех, чуть ли не в 6 часов, чтобы в свой первый день не опоздать на работу. Моя начальница предупредила меня, когда я ей подвозила документы, что у них в НПО очень строго с опозданием — если через "вертушку" не успеешь проскочить до "рабочего звонка", то могут отобрать пропуск, предъявить штрафные санкции и лишить в своё время премии. Я поэтому решила не рисковать и появиться на рабочем месте намного раньше положенного времени.

Я нашла дверь нашего патентно-лицензионного отдела и стала ждать прихода остальных сотрудников, которые через полчаса как-то почти все одновременно появились, будто поднимались на этаж в одном лифте.

Валентина Васильевна представила меня своим сотрудникам, потом показала на пустой стол, стоявший рядом с её столом, только перпендикулярно по отношению к нему, и предложила занять теперь уже моё законное место.

В тот день я была, действительно, счастлива, как не была счастлива за последние 2 года, да и за предыдущие годы тоже.

Надо сказать, что в моей жизни было мало счастливых и праздничных дней. Беззаботное детское и человеческое семейное счастье закончилось очень рано – в 8-10 лет, когда начались серьёзные ссоры в семье между родителями, после которых последовал неизбежный развод.

Если вспоминать всю свою жизнь, то в ней можно найти только 20-30 дней, которые можно с полной уверенностью назвать "счастливыми". Одним из таких дней стал как раз 2 сентября 1976 года.

Большинство коллег были людьми в возрасте от 35 до 45 лет, и 3 человека моего возраста. Словом, наш коллектив был молодёжным. Мне здесь нравилось всё – и наш светлый отдел с

окнами, выходящими на Большую Невку, и замечательный коллектив, и одна из самых важных персон нашего от-

дела – наша "шефиня".

С первого дня знакомства с ней и до последнего дня работы в этом отделе (и даже сейчас мы часто общаемся, поздравляем и пьём за здоровье друг друга на своих днях рождения) она оставалась и сейчас остаётся для меня идеалом женщины-руководителя, хотя я сменила за время своей работы 6 коллективов.

Она, когда нужно, была строга, но справедлива, а в нерабочей обстановке вела себя демократично, как рядовой член нашего коллектива. Обычно такие моменты, без субординации, у нас наступали 3 раза в день – в часы обеда и во время 2-х "проветриваний" нашего помещения, с 11.00 до 11.15 и с 15.00 до 15.15. Эти перерывы у нас ещё "официально" считались "перекуром", когда все курившие сотрудники вместе дымили в коридоре во время таких проветриваний.

Иногда вместе со всеми выкуривала свои, естественно, дорогие импортные сигареты и наша В.В., причём всегда предлагая свои сигареты остальным сотрудникам.

В такие минуты можно было подойти к ней с любым вопросом, касающимся даже её личной жизни, и получить честный и откровенный ответ. В такие "святые" минуты проветривания атрибуты и элементы субординации не приветствовались самой начальницей.

Сотрудники отдела тепло приняли под своё "крыло" нового члена коллектива, искренне прониклись моими заботами и проблемами, которые мне ещё предстояло решать. Ко-

гда они узнали, как далеко от места работы я временно живу, тут же дали мне точный адрес, где надо искать жильё, вот что значит– коренные жители Ленинграда.

Этим местом являлась часть набережной канала Грибоедова, прямо у Львиного мостика. В этом месте каждый день, и в выходные дни тоже, с утра до позднего вечера, особенно в часы после окончания рабочего дня, наниматели жилья и лица, сдающие своё жильё, съезжались со всех концов города и здесь искали друг друга.

В первый же день после работы я поехала к Львиному мостику, куда потом ездила каждый день в течение 2-х недель. В основном, среди людей, ищущих квартиры и комнаты, были военные и студенты, первые искали квартиры, потому что были семейными, а вторые – комнаты, по финансовым соображениям.

Уже ночью, возвращаясь электричкой в Сертолово, я успокаивала себя– не повезло сегодня, повезёт завтра, ведь крыша над головой ещё была. Я только очень расстраивалась из-за того, что жила не у близких родственников, которые могут долго терпеть "родную кровь». Мне не хотелось своим долгим присутствием стеснять семью дяди Володи, хотя у них была 3-х комнатная квартира, и места как будто всем хватало.

Утром, когда я ехала на работу электричкой, я ещё пыталась доспать каких-то 20-30 минут, если удавалось занять свободное место в электричке, потому что на мне уже ска-

зывалось хроническое недосыпание. Вечерами, когда в электричке было мало народу, я могла сидеть одна на целом 3-х местном сиденье и предаваться мечтам и воспоминаниям, глядя на мелькавшие за стеклянными, порой грязными, окнами вагона сосновые лесные массивы и населённые пункты. Это было единственное время в моём напряженном дневном и вечернем рабочем графике, когда я могла вспоминать об Алене.

Всё, что было 2 года тому назад, теперь казалось, было не со мной. Только почему-то при воспоминании тех событий опять сильно ныло сердце, и болела душа, и хотелось плакать, тогда я понимала— это было всё-таки со мной.

Уже полмесяца я, как на работу, ходила на этот импровизированный рынок жилья. С некоторыми из моих конкурентов я даже успела познакомиться. Я пыталась найти среди той огромной толпы девушку, желательно, студентку, с которой я бы смогла вместе снимать квартиру или комнату (по экономическим соображениям).

Некоторые лица из толпы за полмесяца так примелькались, что при встрече с ними у близко находящейся станции метро "Невский проспект" я здоровалась, как с хорошими и давними знакомыми, или просто кивала головой в знак приветствия.

Мне часто приходилось наблюдать такую картинку, когда редкий обладатель жилплощади внезапно появлялся у Львиного мостика – тут же десятки людей в одно мгновение сры-

вались со своих, так и хочется написать "насиженных", мест. Они бежали к "хозяину", окружая его тесным кольцом, куда таким слабым существам, как я, трудно было пробиться и разорвать хоть где-нибудь то "кольцо блокады".

Мне всегда эта картинка напоминала слёт городских голубей к стареньким бабулькам, коренным ленинградцам, бросавшим на землю заранее приготовленную горсть пшена или хлебных крошек, чтобы покормить голодных голубей и воробышек в парках и садах Ленинграда.

Наконец и мне повезло, это был мой день.

Очень интересно то, что именно в тот день я не собиралась ехать к Львиному мостику. Многим моим коллегам в ту пятницу после окончания рабочей недели было со мной по пути к станции метро "Выборгская". По дороге к метро я увидела трамвай № 2, идущий в обратном по отношению к нам направлении. Как раз по маршруту "двойки" я обычно добиралась до Львиного мостика. Я бросилась через трамвайные пути к остановке, на лету крикнув своим коллегам: "Пока!" Я совсем тогда от себя не ожидала такой быстрой смены своих решений... Видно, моему "провидению" стало известно, что моя будущая хозяйка вышла из дома на поиски квартирантки для своей комнаты.

В тот вечер, как всегда, было много жаждущих снять жильё. Действительно, то был "мой" день. Так получилось, что не Магомед к горе пошёл, а гора – к Магомеду. Моя будущая хозяйка комнаты пришла на этот «квартирный» рынок

и не стала громко спрашивать, как это делали другие хозяйки: "Кому нужна комната в центре города?" Вместо этого она нашла уютное местечко около Львиного мостика на набережной канала Грибоедова, стала наблюдать за людьми и искать среди них в качестве своей квартирантки молоденькую и скромненькую девушку, нуждающуюся в жилье. Её выбор, к обоюдному нашему удовольствию, выпал в тот вечер на меня. Она как-то незаметно подошла ко мне и сказала тихо: "Девушка! Вам нужна комната?" Она намеренно это сказала так тихо, чтобы тут же не слетелись к нам остальные "голуби".

– Да! Очень нужна! А далеко это отсюда? – не веря в свою удачу, спросила я женщину.

– Да здесь совсем рядом, пешком идти минут 20, а если трамваем, то 2-3 остановки.

– А какой адрес?

– Садовая, дом 124. Это рядом с Калининским мостом.

– А Вы много хотите за комнату? – поинтересовалась я.

– Вы будете платить 20 рублей в месяц.

– Так дешево? – удивилась я.

– Дело в том, – на минутку замялась женщина, как будто не зная, что дальше сказать и как объяснить ситуацию, – что у нас в этой комнате уже живёт девочка, студентка из медицинского института. Она жила вместе со своей подругой, но та вышла замуж... и теперь Марине, так девочку оставшуюся зовут, трудно платить 40 рублей.

– Хорошо, – согласилась я. – А можно прямо сейчас посмотреть комнату и познакомиться с Вашей Мариной?

– Да, конечно...

И мы тут же направились с Лидией, так звали мою хозяйку, по направлению к их дому. Мы подошли к дому 124 по Садовой улице, прошли под аркой в "колодец" (внутренний дворик, окружённый со всех сторон домами) и вошли со стороны этого дворика в маленький подъезд, размером 1 м х 2 м, из которого был вход только в дверь одной квартиры, собственно говоря, нашей квартиры.

Лидия жила с мужем Алексеем и маленькой 5-летней дочкой в 3-х комнатной квартире. Когда я увидела сдаваемую комнату, то очень удивилась её размерам – её габариты не очень намного превышали размеры "персонального" подъезда, разве что, на 50 см шире и длиннее.

– Ой, какая маленькая комнатка! – не могла я скрыть своего удивления.

– Да, маленькая... Но здесь всё для вас с Мариной есть – и кровать, Вы на ней будете спать, и диван, на котором Марина спит. Вот – стол у окна с телевизором, а здесь, – Лида показала на стене, противоположной окну, на что-то, покрытое цветной ситцевой занавеской, – вешалка, на которую Вы будете вешать свои вещи.

– А телефон в квартире Вашей есть? – поинтересовалась я наличием немаловажного "удобства" для квартиры.

– Чего нет, того нет, – как будто оправдываясь, сказала

хозяйка.

– А чего ещё нет, что обычно бывает в квартирах? – как бы шутя, спросила я Лиду.

– Ещё нет горячей воды в кранах, только холодная вода, но зато, – поспешила добавить находчивая хозяйка, – здесь рядом, у Калинкина моста, есть бани, куда мы сами ходим всей семьёй.

– Скажите, Лида, если я соглашусь снять Вашу комнату, то мне отсюда далеко придётся добираться до станции метро "Выборгская"? Там моя работа находится. Можно ли одним видом транспорта туда доехать или нужны пересадки?

– Хоть на метро, хоть наземным транспортом, всё равно нужно добираться с одной пересадкой, – объяснила хозяйка.

– Я согласна.

Я так была довольна, что согласилась бы в ту же ночь остаться там ночевать, потому что обратный путь в Сертолово в течение 3 часов представлялся мне просто пыткой.

Лидия предложила мне заплатить деньги за комнату вперёд и остаться у них ночевать в тот же вечер. Я очень хотела именно так и поступить, но беспокойство за родственников не позволило мне воспользоваться так удачно представившейся возможностью. Если бы я не вернулась ночью к родственникам в Сертолово, то они бы до утра следующего дня с ума сходили от переживаний и волнений за меня. У дяди Володи, конечно же, был телефон, но местный – для военного городка, поэтому по телефону из Ленинграда я не могла

с ними связаться и предупредить их.

На следующий день, в субботу, я приехала со своим студенческим чемоданом на Садовую, познакомилась с Мариной и наконец-то обрела "свою" крышу над головой.

Мои программы "минимум" и "максимум" были выполнены.

В понедельник я приехала на работу в таком цветущем виде и бодром настроении, что у ряда сотрудников возникло ко мне много вопросов, даже с намёками на личную жизнь. А объяснение было немудрёным – я просто была счастлива, к тому же за 2 дня выходных я хорошо выспалась, чего мне так не хватало на протяжении 2-х месяцев поиска работы и жилья.

На работе дела шли просто прекрасно, только меня очень тревожило первое задание, которое мне дала Валентина Васильевна. Это был перевод большой статьи по электронике с английского языка на русский. По нашим установленным нормам мне эту статью надо было переводить дней 8, не меньше. Согласно грамматике английского и русского языков всё было нормально в моём русском переводе, но по смыслу мой перевод представлял собой, как выразилась бы одна моя знакомая, "бред сивой кобылы". Когда я читала свой перевод, то, буквально, ничего не понимала – какой-то абсурд или "nonsense" (чепуха).

Какие-то "байты", "мегабайты", «файлы», "процессоры" (это ещё в далёком 1976 году мне попался текст из «бу-

дущего») – смысл этих слов мне ничего не говорил, и когда я читала свой перевод, мне казалось, что это запись бреда сумасшедшего или просто больного на голову человека.

Моя работа над этой статьёй подходила к концу, и я со страхом думала, как я её буду сдавать нашей Валентине Васильевне. Ещё с 'большим ужасом представляла, что будет, когда разработчик или заказчик этой статьи прочитает мой "шедевр" и придёт в наш отдел для её редактирования с переводчиком, то биш со мной. Так у нас было заведено.

Наступил день сдачи моей первой работы, и наступили долгие и мучительные минуты, часы, а потом и дни ожидания реакции заказчика на мой перевод.

При каждом звонке телефона на столе у В.В. сердце моё вздрагивало, и мне казалось, что в такие минуты моя нервная система срабатывала, как батут, подбрасывая меня вверх... В своём воображении я до потолка отдела не долетала, но всё же на своём стуле нервно подпрыгивала.

Прошёл один день, второй, а ожидаемого звонка от заказчика не последовало, за которым, как я отлично сознавала, последует моя отставка на 2-е недели раньше установленного испытательного срока. Я больше не могла ждать. Неизвестность в моём положении просто отравляла жизнь и настроение. Я уже пожалела, что так опрометчиво выбросила в урну свой список, по которому я искала работу.

Во время очередного проветривания – перекура я осмелилась и поинтересовалась у Валентины Васильевны судьбой

своего первого перевода.

– Валентина Васильевна! А что там насчёт моего перевода? Почему разработчик не звонит и не приходит для редактирования перевода? Там же должны быть для него некоторые непонятные места и моменты, – спросила я нашу "шефиню", понимая, что наглею при словах "некоторые моменты".

По моему разумению в переводе не "некоторые моменты", а почти весь перевод был непонятный и абсурдный.

– А он звонил, – ответила В.В.

– И чт-о-о-о?

– А ничего! Всё нормально!

– Как это "всё нормально"? – удивилась я, не веря собственным ушам.

– Были там некоторые непонятные моменты, но потом он разобрался и всё выяснил.

– Вы хотите сказать, – продолжала я докучать своё начальство вопросами по работе в "нерабочее" время проветривания, – что вся эта галиматья, то есть, мой перевод, имеет какой-то смысл?

– Оля, да брось ты... Всё там нормально...

– Валентина Васильевна, – снова поинтересовалась я. – А у меня всё время будут такие дурацкие и сложные переводы?

– Нет, Оля! Это был первый и, надеюсь, последний такой перевод. Это было, как тестирование, как проверка...

– На профпригодность, – за В.В. закончила я фразу.

– Да, что-то в этом духе. Это – сложная статья по электронике, но ты с ней справилась успешно.

– Так что не волнуйся, дорогой товарищ, – подбодрила меня Леночка Белова, одна из моих коллег, с которой я сразу подружилась, – можно сказать, что твой испытательный срок закончился, и ты влилась в наши тесные и дружные ряды.

Ленины слова словно пудовую гирию с груди сняли, да ещё окрылили меня и придали уверенность в собственные силы на дальнейший успех и победу.

Этот день без всякого сомнения мог быть зачислен в копилку моих счастливых дней в жизни. По этому случаю мне хотелось сделать себе маленький праздник, и я его сделала.

Вечером после работы я села на трамвай № 2, доехала до Невского проспекта и вышла. В нескольких метрах от угла ул. Садовой и Невского проспекта находился наш фирменный магазин "Север", из которого длинным шлейфом разносился кондитерский аромат и запах, сводящий с ума. Каждый раз, когда я заглядывала в этот магазинчик, у меня автоматически начиналась активная работа слюнных желёз, и мой желудок вёл себя так, будто он умирает от голода.

Выстояв большую очередь (наша жизнь без очередей в ту пору – это не наша жизнь), я купила тортик и поехала домой.

Теперь я своим домом считала крохотную комнатёнку, в которой мы с Мариной едва размещались. У нас в комнате было одностороннее движение – если кому-то из нас надо было пройти к выходной двери, то другому надо было в этот

момент отойти к окну, чтобы дать другому пройти между моей кроватью и Марининым диваном. Мы с Мариной жили по русской пословице: «В тесноте, но не в обиде». Вот так и жили.

В тот вечер я приготовила ужин на двоих и стала ждать Марину с занятий. Когда Маринка вошла в комнату, то очень удивилась, увидев на столе торт в фирменной коробке магазина "Север" и приготовленные 2-е чайные чашки.

– Что празднуем или что отмечаем? – Марина, чуть ли не с порога, спросила меня. – Есть серьёзный повод что-то отметить и выпить за это?

– Повод есть, но не выпить. Ты ведь знаешь, я не пью.

– Оля, так у тебя День рождения только через неделю. Тогда что за дата?

– Правильно, 20 сентября – мой День рождения. Просто сегодня у меня маленький праздник и хорошее, можно даже сказать, прекраснейшее настроение. Марина, представь, тот перевод, с которым я последние 2-3 дня даже дома мучилась, сдан и принят.

– Да что ты говоришь! Неужели ту галиматью, которую ты мне читала, кто-то понял?

– Представь! Понял! Так вот с сегодняшнего дня можно считать, что мой испытательный срок закончен.

– Так за это надо, действительно, выпить! – предложила Марина опять по-другому отметить данное событие.

– Обойдёмся тортиком с чаем на этот раз. На ужин я по-

жарила картошку и сделала салат из огурцов и помидоров. Давай, присаживайся!

Маринку не нужно было долго уговаривать, она присела, и мы с ней до позднего вечера отмечали счастливое событие.

Интересный вывод я сделала для себя, когда оказалось в Ленинграде. За те 3 месяца, что я находилась в этом городе, со мной пытались познакомиться гораздо больше молодых людей, чем за 5 лет учёбы в Краснодаре.

У меня было 3 варианта ответа: первый – в Ленинграде проживало в несколько раз больше людей, чем в Краснодаре; второй – я почти 5 лет провела в стенах университета или своего общежития, занимаясь только учёбой, а не гуляя по городу и не развлекаясь, и наконец, третий – я из девочки-студентки превратилась в более симпатичную и стройную девушку, на которую стали заглядываться многие молодые люди с целью познакомиться. Скорее всего, все три варианта были верны. Но мне никто не был нужен, моё сердце было занято Аленом, а на душе было пусто, и эту пустоту ничто и никто не мог заполнить.

Я стала замечать за собой, что именно в самые счастливые и в самые тяжёлые минуты жизни мне, как никогда, нужен был Алён. Порой казалось, что я просто задохнусь, умру, если сейчас, сию минуту, не увижу его. Мне его не хватало так, как порой человеку не хватает воздуха. В такие минуты на меня находило вдохновение.

Было непонятное ощущение раздвоения личности. Кто-то в моей голове сочинял строки, а рука второго моего "Я" записывала эти строчки на листке бумаги – такое своеобразное разделение труда, умственного и физического.

В тот вечер, когда мы с Мариной отметили моё "зачисление" в штат сотрудников 31-го патентно-лицензионного отдела, мне несколько раз пришлось включать настольную лампу и записывать под диктовку одного из моих "Я" такие строки:

Ты нужен мне, как нужен воздух,

Как всем живым нужна вода,

И как для лодки нужны вёсла,

И как для моря— берега.

Ты нужен мне, как крылья птице,

Как небу звёздному – Луна,

Как трону пышному – царица,

Как всем влюбленным нужна весна.

Ты нужен мне, как чайке море,

Как розе утренней – роса,

Как для любви – лишь только двое,

Как ветер в море – парусам.

Обычно русские люди под водочку и вино начинают откровенничать друг перед другом, вот и я разоткровенничалась, только за чашкой чая. За три тяжёлых и суматошных месяца, что я устраивалась в Ленинграде, я так уставала, что мне некогда было предаваться своим воспоминаниям, а тут

я расслабилась и выплеснула всё накипевшее и наболевшее перед Маринкой.

– То-то я смотрю, тебя что-то гложет. И ночью слышала, ты вчера и позавчера плакала... Это, что, из-за него? – сделала выводы Марина.

– А ты слышала? Извини, Марина, что не давала спать. Я думала, что ты не слышишь – я ведь одеялом с головой накрываюсь...

– Оль, вот что я тебе посоветую – брось ты думать о нём. Забудь, как страшный сон. Они не стоят того, чтобы из-за них так страдать и убиваться. Надо себя больше любить, а не их.

– Как это, как это? – скороговоркой прозвучал мой вопрос.

– А в-о-о-т т-а-а-к это, – с многозначительным видом объяснила Марина. – Надо не нам из-за них страдать, а пусть они из-за нас страдают. Это во-первых! А во-вторых, если и любить, то любить богатеньких, у кого уже и положение в обществе есть и "авто" есть. Зачем встречаться с бедными студентами, которые тебе ничего не предложат, кроме как сходить в кино.

– Понимаю, у бедных студентов ничего, кроме стипендии и зачётной книжки, нет. А тебе ведь хочется, если книжку, то "сберегательную"?

– Вот теперь ты правильно понимаешь, – одобрила мою сообразительность Марина после 3-й или 4-й чашки чая.–

Вот возьмём военных. Чем не вариант? И умеют ухаживать красиво, и подарки дарят и в рестораны водят.

– Это, Мариночка, не мой путь и не мой вариант. Что касается меня, то я совсем не люблю военных.

– Это чем же тебе не угодили наши доблестные воины?

– Марина, я не против "воинов", вообще, мне просто не нравятся отдельные их представители и, в частности, как они знакомятся.

– И как же они по-особому знакомятся?

–И вообще, – добавила я, – у меня складывается такое впечатление, что во всех Высших военных училищах есть такой учебный предмет или спецкурс – "как надо знакомиться с противоположным полом". Из 10-и военных, которые пытались со мной познакомиться, 8 или 9 задавали мне один и тот же вопрос: "Девушка! Вы не скажете, который час?", хотя у них на левой руке были часы. После моего ответа следовал традиционный второй вопрос: "А у Вас сегодня вечером есть свободное время?" Вопрос – без вариантов.

Марина вынуждена была согласиться со мной, потому что с ней таким же образом познакомились военные, но в конце нашей вечеринки всё же каждый остался при своём мнении. Марина в знакомствах отдавала предпочтение людям в военных мундирах, а я – Алену, своему любимому мужчине.

Через неделю я отметила своё 24-летие дважды – сначала в своём отделе, а потом вечером у нас дома с Мариной.

Утром я купила бисквитный торт по дороге на работу, который мы после обеденного перерыва дружно съели всем отделом. Наша "шефиня" подарила мне лично от себя чайную чашку с блюдцем "в цветочек" с рифлёными поверхностями, изготовленную из лёгкого фарфора на ЛФЗ.

Удивительно, что прошло 34 года, за которые в моей жизни было столько переездов из одной квартиры в другую не только в пределах одного города, но и по всей стране, а этот лёгко бьющийся и раскалывающийся чайный прибор, целенький и невредименький, стоит себе и стоит за стеклом моего буфета. Толи подарок был сделан от всей души, толи получатель подарка (то есть я) уважал и ценил дарящего—скорее всего, верно и то и другое.

Вечером меня ждали приятные моменты – на моей кровати лежали 3 телеграммы-открытки от родителей, от брата и от Ирины. Марина в тот день вернулась из своего мединститута пораньше, поэтому она приняла телеграммы от почтальона и положила их на мою кровать.

Вид лежащих почтовых открыток на покрывале моей кровати, как острым ножом, черкнул по моей памяти.

С момента получения того рокового письма от Алена вид письма на кровати или на диване до сих пор, хотя прошло более 30 лет, в душе моей вызывает жуткий холодок и возвращает меня к прошлому.

Когда я вижу иногда на своём диване что-то, чего я сво-

ими руками на него не клала, меня охватывает ужас, хотя я столько лет живу одна, и просто некому подбрасывать что-то на мою постель, разве что такое может себе позволить моя кошка Люся. Не раз замечала, входя в свою комнату, что-то лежащее посередине дивана. Этим "что-то" мог быть и маленький бархатный Микки Маус, Люсина любимая игрушка, и кусочек рыбы или курочки, с которым, вдоволь наигравшись, она запрыгивала на диван и держала около себя, как собственный трофей.

Наступил октябрь, приближалась дата – 4 октября исполнялось 2 года с того дня, как я впервые увидела Алена.

С утра был замечательный безоблачный тёплый день, слишком тёплый для осени. После работы мне не хотелось ехать сразу домой, а хотелось побыть одной с мыслями об Алене.

Я как всегда села на подошедший трамвай № 2 и на нём доехала до Марсова поля. Я решила день рождения своей любви провести в одном из самых замечательных и самых любимых не только мной, но и многими ленинградцами, мест.

Когда я заходила в Летний сад, я словно попадала в какой-то волшебный или сказочный мир. Иногда казалось, что я нахожусь на съёмках фильма-сказки, где вокруг не вековые настоящие живые деревья, а бутафорские.

Когда видишь Летний сад из окон проходящего трамвая

или автобуса, то кажется, что лиственный наряд его деревьев представляет собой единую зелёную гамму цветов, но это далеко не так.

При близком рассмотрении, когда сидишь на лавочке и рассматриваешь над собой кроны деревьев, то поражаешься богатому разнообразию оттенков зелёного цвета листьев на деревьях разной породы. Здесь можно увидеть от салатного и бледно-зелёного до ярко и тёмно-зелёного цветов.

Но особенно красив Летний сад осенью, когда он утопает в золотисто-жёлтом убранстве деревьев. Я любила бродить в одиночестве по многочисленным его аллеям, дорожкам и тропинкам, подбирая наиболее красивые кленовые веточки и рассматривая красоту оттенков их листьев— от зелёного, местами до жёлтого и гранатового.

Мне нравилось бывать в Летнем саду в начале осени, когда все дорожки уже покрыты золотистой листвой, но на деревьях ещё полно листвы, отчего деревья казались такими пышными.

В тот день я сидела на лавочке и пыталась по минутам и часам вспоминать наш первый вечер с Аленом – его жгучий пронизывающий взгляд, наши первые слова друг другу, первый танец.

Сердце сжималось от тоски и горечи. Желание увидеть его хоть на миг становилось невыносимым. Мне так хотелось, чтобы он знал о том, что я его люблю и помню.

Жить в Ленинграде было само по себе уже большим сча-

ством, но мне хотелось ещё 'большого, почти невозможного – быть с Аленом. Мне так хотелось, чтобы он знал, что я теперь живу в Ленинграде.

Я сидела и мечтала, как, возможно, когда-нибудь я случайно встречу его на Невском проспекте или в каком-то другом месте в центре города. Не может такого быть, чтобы иностранный студент, учащийся в СССР, ни разу не побывал в самом красивом городе нашей страны.

Но приехать в Ленинград – это ещё не значило, что он может случайно встретиться со мной в таком большом многомиллионном городе. Удивительно, но этот момент меня почти не волновал – моё предвидение всё равно бы столкнуло нас друг с другом. Я надеялась и полагалась только и всецело на своё предвидение.

Я сидела и смотрела, как с деревьев падают листья, похожие на разноцветные бабочки. Но моё душевное спокойствие в один миг сменилось каким-то волнением и смятением. Снова сами по себе, без моего участия, мысли мои, как солдатики на плацу, стали строиться и перестраиваться в "шеренги", коими стали в моём мозгу рифмованные строчки. Я быстро достала из сумочки записную книжку, раскрыла её после буквы "Я" и на свободных чистых листочках стала писать то, что мне "кто-то" диктовал внутри меня:

Если вдруг случится беда,

Если друзья вдруг покинут тебя,

Ты тогда меня позови,

Только слово скажи: "Приди!"

*Я приду и беду отведу,
Всех друзей твоих вновь соберу,
И почувствовать дам я тебе,
Что счастливее ты всех на земле.
Если трудно вдруг станет тебе,
И поймёшь, ты один на земле,
Ты тогда меня позови,
Ты скажи мне всего лишь: "Приди!"
Я приду и тебе помогу,
Невозможное сделать смогу,
И почувствуешь ты тогда,
Что нужна я тебе навсегда.
Если вдруг погаснет закат,
И ты солнцу не будешь рад,
Ты тогда меня позови,
Только слово скажи: "Приди!"
Я приду и зажгу зарю,
Я все звёзды тебе подарю,
И тогда никакая судьба
Не разлучит нас уже никогда.*

Это стихотворение, пожалуй, самое "бескровное", без надрыва и боли, самое спокойное из всех, что я посвящала своему любимому человеку. Видно, тогда было светло и легко у меня на душе и на сердце.

Начинало смеркаться, и стал ощущаться холодный ветерок, от которого у меня начали замерзать пальцы рук.

Гуляющие по Летнему саду люди стали направляться к выходу из сада, в том же направлении пошла и я. По дороге мне удалось собрать красивый большой букет из жёлто-красных кленовых веточек и листьев.

Приехав домой, я поместила кленовые листочки между страницами своего англо-русского словаря Мюллера, объёмом в 70 000 слов и выражений. Этот словарь мне подарил папа в День рождения, когда мне исполнилось 15 лет. Словарь этот до сих пор – мой верный друг и помощник, редко случается такой день, чтобы я ни воспользовалась его «услугами» и содержанием.

Через несколько дней кленовые листочки, получив при этом некоторые навыки в области английских слов, засушились, и я из них сделала красивый букет, который несколько лет стоял в хрустальной вазочке и всегда, где бы я ни жила, оживлял и украшал моё жилище.

Вот и подошла я к тому моменту, когда жизнь свела меня с человеком, который стал моей второй судьбой.

Чтобы понять, как в этой встрече большую роль сыграла моя интуиция или дар предвидения, который внезапно во мне открылся много лет тому назад, надо рассказать о тех давних событиях.

ГЛАВА 13. ИНТУИЦИЯ ИЛИ ДАР ПРЕДВИДЕНИЯ

Это случилось за 4 года до описываемых мной сейчас событий.

Я училась на втором курсе. Только что вернулась из Сочи после зимних каникул и была уже без своей, известной всем, косы. Сразу в начале 2-го семестра у нас было какое-то университетское мероприятие в здании одного из краснодарских театров. Явка на это мероприятие считалась почти обязательной, и только поэтому я согласилась в нём участвовать. После торжественной части на "десерт" нам показали спектакль из репертуара того театра, и мне очень понравилось. После того вечера захотелось чаще ходить в театры, и я бы ходила, если бы не проблема со свободным временем.

Где-то через неделю после того театрального события девочки с нашего факультета, живущие вместе с нами в общежитии на одном этаже, предложили мне и Алёне билеты на какой-то концерт, который должен был состояться в краснодарском Доме Офицеров. Алёна почему-то не могла пойти, и я не соглашалась без неё идти. Наши однокурсницы тоже не хотели ехать на концерт без нас, поэтому они решили уговорить меня, во что бы то ни стало, и я поддалась уговорам.

Вот так всегда бывало у меня: никуда ни с кем не хожу в течение нескольких месяцев или лет, а потом ... хоп... и появляется на горизонте моей судьбы фигура, которая со скоростью вихря или морского смерча влетает, скорее, врывается в мою, до этого спокойную, жизнь.

Так случилось со мной и в тот зимний январский вечер.

Когда закончился концерт, на который мы пришли, я с девочками сразу же направилась вниз к гардеробу, чтобы взять свою верхнюю одежду, а нам навстречу, по лестнице вверх, поднималось много празднично одетых людей, мужчин и женщин. Среди них было много военных.

Когда я стояла в очереди со своим номерком, я вдруг услышала совсем рядом со мной приятный мужской голос: "Зачем так рано уходить? Впереди ещё много будет интересного".

Я не ожидала, что этот голос обращен именно ко мне, и поэтому не обратила на него никакого внимания, но тут я увидела лицо говорящего человека, улыбающегося и смотрящего прямо мне в глаза.

"Вы мне это говорите?" – спросила я красивого светловолосого военного, который улыбался и смотрел своими голубыми глазами на меня.

– Да, я Вам говорю, – подтвердил свои слова военный человек в звании старшего лейтенанта. – Почему Вы так рано уходите? Сейчас будут танцы, а танцы, как я слышал, здесь бывают очень хорошие – здесь играет "живая" музыка.

– Я не одна, а со своими однокурсниками...

– Пусть и они остаются. Всем места хватит. Вы не пожалеете – сказал офицер и поднялся вверх по парадной лестнице.

Девочки слышали весь наш с ним разговор, поэтому мы посоветовались друг с другом и решили принять поступившее

от офицера предложение.

Когда мы поднялись на 2-й этаж спустя 15-20 минут, в танцевальном зале уже играла музыка, и танцевало несколько пар.

Мой незнакомец оказался прав – ансамбль, действительно, был отличным. У музыкантов вокально-инструментального ансамбля были прекрасные голоса, и они исполняли хорошую музыку.

Среди сотен людей я пыталась найти глазами офицера, по приглашению которого мы с девочками оказались в танцевальном холле.

Я была уверена, что он попытается найти меня и снова заговорить со мной, раз уж захотел, чтобы я осталась. Прошло довольно много времени, но я не могла найти его среди остальных людей, и он тоже не появлялся. Вдруг снова слышу приятный, уже знакомый мне голос: "Так Вы всё же рискнули остаться? Мне очень приятно". Я повернулась к нему и обомлела – передо мной стоял всё тот же молодой офицер, но уже не в шинели и в фуражке, а в чудесном голубом – небесного цвета мундире с какими-то золотыми эполетами и аксельбантами (так, кажется, они называются) на погонах. Такого красивого парадного мундира лётчика я никогда не видела раньше.

Ни до, ни после того вечера я больше не видела такой красивой военной формы.

Он предстал передо мной, как гусар русской армии из

прошлого столетия. Я была так очарована представшим передо мной образом военного лётчика, что на время потеряла дар речи. Я стояла и рассматривала его парадный мундир, а потом сказала: "Никогда не думала, что у наших военных может быть такая красивая форма." Офицер представился мне: " Меня зовут Юрий. Жаль, что Ваш комплемент прозвучал только моему мундиру. А как Вас зовут?"

Так я познакомилась с Юрой. Весь вечер мы танцевали вместе, а когда вечер подходил к концу, я обнаружила, что потеряла из виду своих девчонок. Юрий понял моё беспокойство и успокоил, попросив разрешения меня проводить до дома.

Он оказался очень интересным человеком. Мне прежде не доводилось общаться и лично быть знакомой с военным человеком, тем более, с лётчиком. Всегда профессия лётчика считалась и была на самом деле профессией мужественных людей.

Издавна сердца русских барышень покоряли гусары, поручики и подпоручики русской армии. Не исключением стало и моё сердце.

Когда Юрий провожал меня до общежития, мы говорили о многих вещах, а также и о себе, я – о своей учёбе, а он – о своей профессии, о полётах и вылетах. По каким-то обрывкам разговора, по его немногословным фразам о сути его работы здесь, я поняла, что он прилетел в Краснодар на какое-то время в длительную служебную командировку, чтобы

стажировать иностранных военных лётчиков. Прямо он об этом не говорил. Теперь мне понятно, почему он так поступал – тогда это было военной тайной, как и многие события в те годы в нашей жизни.

Целый месяц мы встречались, и я с каждым днём не переставала удивляться и восхищаться этим человеком.

Это был мой первый в жизни опыт "дружбы" и "встреч" с молодым человеком.

Быстро приближался праздник – 23 февраля, непосредственный профессиональный праздник моего друга. По этому случаю в нашем общежитии намечался праздничный вечер с танцевальной программой, на котором должен был играть вокально-инструментальный ансамбль с нашего факультета.

За 2 дня до праздника я пригласила Юру к нам на вечер, он согласился и, в свою очередь, пригласил меня на праздничный вечер, который должен был состояться в их военном лётном городке. Мы с ним решили, что сначала Юра приезжает ко мне к 19.00 часам. Мы собирались у нас провести час или два, а потом ехать к нему.

Почти весь вечер, с 19.00 до 24.00 часов, пока не закончился праздничный вечер, я стояла недалеко от входных дверей на 1-м этаже и внимательно смотрела на всех входящих, чтобы не пропустить приезда моего друга. Я прождала час после назначенного времени встречи, два часа, три... но так я и не увидела Юру ни в тот вечер, ни на следующий день.

Потом пошёл счёт дням и неделям.

Это стало для меня нервным шоком. Я не знала, о чём думать. Я даже не могла предположить, что могло случиться, зная его, как очень обязательного и пунктуального человека. Я не могла найти причин для того, что случилось. На душе было очень беспокойно и тревожно. Я постоянно вспоминала наш разговор с ним в первый вечер. Когда мы уже подходили к нашему зданию, Юрий как-то обмолвился:

– Знание иностранных языков очень важно... даже для моей работы. Иногда из-за незнания какого-то слова в чужом языке может произойти непоправимая ошибка ... и тогда смерть...

– Как это? – переспросила я Юру. – Какая смерть?

– Обычная смерть. Какой ещё может быть смерть?

– Вы шутите! Причём здесь Вы и иностранный язык?

– Оля, больше ничего я Вам не скажу. И так больше, чем надо, Вам сегодня рассказал.

– Это, что, военная тайна? – допытывалась я у него.

– Считайте, что так. И больше не будем об этом, – поставил точку Юрий на этой теме нашего разговора.

Теперь в моей памяти всё время всплывали его слова "может произойти непоправимое ... и тогда смерть". Что он имел в виду, говоря такие слова?

Только через 20 лет я поняла смысл его слов и узнала правду о его стажировке в краснодарском авиагородке.

Из какой-то передачи по ТВ я узнала, что в Краснодаре,

действительно, обучали и стажировали лётчиков из других, дружественных нам, стран, но это было военной тайной... почему-то.

Более 2-х месяцев я не могла успокоиться. Незнание мучило и пугало меня. Каждую ночь я не могла уснуть – бессонница изматывала мои нервы и силы.

В то время у меня каким-то образом выработался обострённый слух к звукам самолётов. Из многообразия различных шумов и звуков моё сознание выделяло и реагировало только на звуки, связанные с полётами самолётов. Я научилась различать звук летящего пассажирского самолёта от военного грузового самолёта и от истребителя. Раньше я никогда, казалось, не слышала или просто не замечала гула летящих в небе самолётов, а теперь эти звуки в небе отдавались в моём сердце болезненным эхом.

Раньше я никогда не прислушивалась к звукам, доносящимся с небес, а теперь я сидела на лекциях рядом с Ириной Ярухиной и постоянно ей говорила, что опять летит в небе такой-то самолёт, чем её очень злила и мешала записывать лекцию.

Я понимала, что у меня начинает "крыша ехать", но я ничего не могла с собой поделать. Я только хотела узнать, что случилось с Юрой, жив ли он. Я поняла, что пока я не узнаю об этом, я не успокоюсь и не смирюсь с неизвестностью.

И вот в одну из очередных бессонных ночей, где-то в 20-х числах апреля, я снова лежала в кровати, сначала думая о

своём лётчике, а потом, под утро, борясь с бессонницей.

И в эту ночь со мной произошло то, во что просто трудно поверить. Если бы не было тому событию живых свидетелей, то мне все эти годы пришлось бы считать это "явление" или сном или галлюцинацией моего воспалённого мозга.

И вот тут начинается самое удивительное и необъяснимое. Уже почти на рассвете, когда надо было вставать, у меня было "видение". Я не знаю, как это правильно назвать, только я чётко для себя осознала, что я увижу Юру, если поеду в Киев.

Почему Киев? Причём здесь Киев? Не знаю! Я не знаю, даже предположить не могу, почему в моём сознании возник этот город, а не какой-нибудь другой. Никогда этот город ни с кем и ни с чем не ассоциировался у меня в сознании, тем более с Юрой.

Вот в чём загадка! И самое удивительное, невероятное и просто невозможное то, что это всё-таки произошло на самом деле и произошло именно в Киеве.

Я чётко понимала, что это – плод моей бессонной ночи, что это – бред и чушь, nonsense. Мне казалось, что какой-то бес в меня вселился, что на меня нашло какое-то наваждение. Однако я с большим нетерпением дожидалась утра и начала занятий в университете, чтобы встретиться со своими однокурсниками и уговорить кого-нибудь из них полететь со мной на майские праздники в Киев.

Мне трудно было убедить и обосновать причину и смысл

моей поездки. На меня все смотрели, как на сумасшедшую. Среди 10 человек из моей группы только одна Наташа Караван согласилась полететь со мной при условии, что её родители разрешат ей поехать и отпустят на такую "авантюру" с моей стороны.

И вот уже билеты на руках. Каждый день и час ожиданий был невыносим. Казалось, что у меня просто не хватит физических и душевных сил дождаться дня нашего вылета.

Иной раз наступали минуты, когда я ясно осознавала сумасшествие своего поступка, однако билеты были куплены, и отступать было некуда, да и поздно.

И вот 1-е Мая. Стюардесса сообщает нам о том, что мы находимся на украинской земле, в городе-герое Киеве, и поздравляет от лица экипажа всех пассажиров с праздником.

“Ну, а что дальше?” – вдруг с ужасом подумала я.

А дальше у нас с Наташей произошло столько событий и приключений, что впору об этом отдельную книгу написать.

Нашими действиями как будто кто-то свыше руководил и направлял. В наших поступках столько было необъяснимого и нелепого ...но эти действия были необъяснимы тогда, а теперь, с позиции прошедших лет, я понимаю, так было угодно судьбе – иначе все допущенные нами с Наташей ошибки и глупости ни привели в результате к тому, к чему они привели.

Потом, спустя какое-то время, я поняла, что всеми моими

поступками руководил и вёл меня к этой встрече с Юрием кто-то свыше. Если бы чего-то не было из того, что произошло, если бы выпало хотя бы одно звено из той длинной цепочки событий, то не произошло бы этой встречи – мы бы разминутись или на день, или на час, или на минуту или на несколько метров.

Я бы никогда не узнала, что была с Юрой в одном месте в одно и то же время.

Рано утром мы приехали с Наташей на автобусе-экспрессе из аэропорта на автовокзал. Кража моей сумочки с документами – студенческим билетом, обратными билетами на самолёт и деньгами, которая произошла на автовокзале, и возвращение наших вещей в результате оперативной работы дежурных милиционеров – всё это (и каждое отдельное событие) сыграло свою роль в этой удивительной и невероятной истории.

Быстро таяли дни и часы нашего пребывания в Киеве.

Я вглядывалась во все мелькающие лица, в каждого встречного – поперечного. Я надеялась увидеть знакомое лицо, но, увы, всё напрасно.

Я наконец-то спустилась с небес на землю и стала понимать всю абсурдность своего поступка и злую шутку моего предвидения.

Под конец нашей поездки меня поддерживало на плаву только одно событие, которое произошло теперь уже не в моей, а в Наташиной жизни.

Вечером 1-го Мая мы с Наташей Караван купили билеты на спектакль "Ханума" в театр, кажется, Леси Украинки, где оказалось много военнослужащих и курсантов. С одним из них, Николаем Шиловым, познакомилась моя Наташка, и как ни трудно догадаться, у них за 5 дней произошёл бурный роман – первая любовь у того и у другого.

Я подумала, даже если я напрасно прилетела в Киев, то хоть Наталья здесь, в Киеве, встретила человека, в которого по уши влюбилась.

Весной Николай закончил службу в армии, прилетел в Краснодар к Наташе, а через несколько месяцев – первая свадьба в нашей студенческой группе, а через 9 месяцев – первый ребёночек в нашей группе.

Я бы могла остаться довольной результатом нашей поездки в Киев, если бы Наташин брак был удачным, но, увы, они с Николаем расстались через несколько лет.

Ещё раз убеждаюсь в том, что все события – даже ошибки, которые произошли с вылетом нашего самолёта, привели к удивительной встрече. О ней я мечтала, и её я предвидела.

Именно из-за этой ошибки я смогла с Юрой встретиться, иначе, находясь в Киеве, в одном и том же месте – в аэропорту "Борисполь", мы бы разминулись с ним на 2 дня, и он бы никогда не узнал, что я прилетала в Киев, чтобы с ним "случайно" встретиться.

Ошибка состояла в том, что наш самолёт вылетал 4 мая,

кажется, в 00. часов и сколько-то минут. Мы приехали в аэропорт вечером 4 мая и стали ждать этих «00.часов» – вылета своего рейса, но когда началась регистрация рейса, то к своему ужасу мы узнали, что наш самолёт ещё утром вылетел, а этот рейс считался уже на 5 мая.

Вот такая несусветная глупость произошла с нами, но я благодарна этой глупости и этой ошибке, иначе я бы не встретила с человеком, ради которого я летела в Киев вопреки здравому смыслу.

Мы снова поехали на квартиру к бабушке, в подвальное помещение, где с Наташей прожили 5 дней в Киеве.

Дело в том, что, когда в апреле ночью на меня "нашло" или мною "овладело" предвидение, я решила написать письмо своей бывшей однокласснице Ирине Данько, которая после окончания школы в Сочи поступила на английское отделение Киевского Государственного университета. К счастью, у меня был её адрес, но моё письмо пришло слишком поздно – Ира его не получила и на майские праздники уехала к родителям в Сочи.

Я надеялась на то, что мы с Наташей в Киеве сможем на несколько дней остановиться у неё. Хозяйка квартиры показала нам комнату Ирины, но без согласия Иры не могла нам даже за деньги сдать её комнату на 5 дней. Нам пришлось походить по всем квартирам того дома в поисках пристанища на несколько дней, и нам удалось найти такое помещение, которое находилось ниже уровня земли. Ничего, кроме

собак, кошек, птиц и человеческих ног до уровня колен мы не могли видеть из окон нашей комнатёнки, но нас всё же устроила эта комнатёнка, потому что других вариантов нам не предложили.

Двое суток мы провели в аэропорту, но никак не могли вылететь. Пытались достать билеты на поезд, но тоже напрасно.

Мы пытались добраться до Краснодара транзитными рейсами через другие города, хоть как-то ближе к Краснодару, но тоже не получилось.

Один раз я даже договорилась с лётным составом, что они нас "зайцами" провезут в своём самолёте, если нам удастся с ними проскочить до самолёта по лётному полю. Мне удалось это сделать, а вот Наташу заметила охрана, остановила и вернула обратно... и мне пришлось возвращаться, хотя я уже с лётчиками подходила к трапу самолёта.

Только на вторые сутки уже знакомые нам кассиры аэровокзала "Борисполь" помогли нам. Они сняли чьё-то «бронирование места» и продали нам билеты до Ростова, а оттуда до Краснодара мы с Наташкой уже могли пешком по шпалам добраться. Именно в Ростов через год приедет учиться мой любимый Алён, а ещё через 33 года моя судьба специально "спутает" эти 2 города – Киев и Ростов, чтобы я смогла встретить свою любовь спустя столько лет

И вот представьте себе такую ситуацию: уже объявляют посадку на наш рейс до Ростова. С одной стороны, мы счаст-

ливы, что наконец-то закончились наши мытарства по вокзалам, и мы вылетаем, а с другой стороны – у меня на сердце боль, тоска и отчаяние. Рушится последняя надежда на встречу с Юрой.

Опять по громкой связи объявляют, что заканчивается посадка на рейс «Киев-Ростов».

Я беру свой студенческий портфель, смотрю куда-то в зал ожидания, и перед глазами мелькают пассажиры. Одни спешат и идут влево, другие – вправо... И вот на какое-то мгновение, когда прошёл последний человек, и нет ни одного человека перед моими глазами, я увидела в свете яркого электрического освещения знакомый силуэт, знакомое лицо, которое склонилось над своим авиабилетом...

В ту минуту, мне кажется, я просто умерла.

Я ничего не слышала, ничего не ощущала. Я не понимала, что Наташа держит меня, чтобы я не упала, и в который раз спрашивает меня, что со мной случилось.

Я напоминала ей, наверное, живой труп с остекленевшим взглядом, устремлённым в одну точку, и этой точкой был Юра.

Только через некоторое время ко мне вернулась способность разговаривать.

Да, я осознала, что вижу Юру, хоть это и невероятно.

Я подошла к Юре, ни жива, ни мертва, и сказала: "Здравствуй!" Даже не могу сказать, кто был больше удивлён этой встречей – я или он. На его вопрос, как я здесь оказалась,

какими судьбами, я ответила: " Хотела тебя увидеть, вот и прилетела сюда..."

Мой ответ, скорее всего, показался ему ответом сумасшедшей.

Он был в Киеве проездом несколько часов и снова улетал в Москву.

Вот мы и встретились(!), а я ничего не могу ему сказать, признаться во всём, что привело меня сюда.

Голос из репродуктора, вещающий о том, что заканчивается посадка на рейс Киев-Ростов, был голосом, произносящим мне смертный приговор.

Какие-то ещё несколько секунд и минут, и мы снова расстанемся.

Мне того малого времени всё же хватило, чтобы раскрыть "военную тайну" – почему Юра так неожиданно и внезапно исчез за 2 дня до праздника, который мы планировали провести вместе.

Объяснение было простым и прозаичным. Никакой военной тайны в этом не заключалось. Это было рядовое событие и обычное явление в жизни любого военного человека, а в жизни военного лётчика это происходит гораздо быстрее – он срывается с "насиженных" мест со скоростью звука, а иногда и быстрее, если летит на сверхзвуковом самолёте.

Так произошло и с Юрой.

Он получил приказ возвращаться в свою лётную часть под Москвой, откуда был направлен в краснодарский авиагоро-

док для стажировки иностранных военных лётчиков. Юра сказал мне, что ждал перед приездом в Краснодар нового назначения на место службы. Кажется, этим местом была Чехословакия.

В тот февральский вечер он не знал, как мне сообщить и дать знать, что он улетает. Он не знал адреса нашего общежития, поэтому не мог написать мне письмо. Юра знал зрительно, где я живу, и как до меня добраться, а названия улицы, на которой были расположены здания наших общежитий, он не знал и не знал номера корпуса моего общежития.

Женский голос из репродуктора снова вернул нас с Юрой к действительности, а действительность была такова, что мы должны опять расставаться.

Юра спрашивает, как меня найти, как со мной связаться. Я быстро соображаю (хотя в тот момент я вообще ничего не могла соображать) и говорю, что I shall do my best (сделаю всё, что от меня будет зависеть), сделаю всё невозможное, чтобы на праздничные дни Победы, 9 и 10 мая, из Краснодара улететь домой в Сочи.

Я даю ему телефон своей подруги Валечки Петропавловской, потому что у моих родителей не было телефона в доме на Мамайке. Я ему сказала в шутку, если не смогу достать билет на самолёт до Сочи, то пешком дойду.

Из того минутного разговора 38-летней давности у меня осталось в памяти (я вообще удивляюсь, как тогда, будучи в шоковом состоянии, я ещё что-то воспринимала и сооб-

ражала) такие названия, как "Мукачево", "Чернигов". Это были места учёбы или службы Юрия, куда он ездил, чтобы оформить какие-то документы для дальнейшего прохождения службы в Чехословакии.

Последовавшие за этим несколько дней были прожиты мной, как одно мгновение.

Я летела в Сочи 9-го мая на каком-то «почтовом» самолёте, вылетающем чуть ли ни в 5 часов утра. Мне казалось, что я лечу не на "ЯКе-40", а на собственных крыльях.

Помню, как я влетаю домой, бросаю свои вещи у порога, оставляя ошеломлённых родителей без объяснений, и стрелой мчусь на 4-й этаж к Вале. Сообщаю ей, что мне должен из Москвы позвонить один человек 9-го или 10-го мая по её телефону. Я готова была ждать звонка, не отходя ни на минуту от телефона, не только два дня, но и целую вечность (что и произошло на самом деле – тот звонок я ждала вечность).

Я Вале рассказала свою удивительную историю, которая началась в январе, а потом имела фантастическое продолжение в Киеве 2 дня тому назад.

Через какое-то время Валя меня спрашивает, какой номер телефона я дала Юре, ведь ещё осенью им всем в доме поменяли номера телефонов. И тут я поняла, что всё кончено – мне больше некого и нечего ждать.

Эта киевская история очень сильно повлияла на мою дальнейшую жизнь и судьбу. После этой истории у меня ча-

сто стали сбываться и плохие и хорошие мысли. Плохих мыслей я даже стала бояться, я старалась их гнать от себя и сразу же переключаться на что-то другое, хорошее, потому что они сразу же начинали материализовываться, и у меня возникало такое чувство, что я была их источником.

В результате я обратилась с этими проблемами к нашему молодому преподавателю, который вел у нас курс по психологии. Тогда всё и завертелось.

После того, как я рассказала психологу свою предвиденную историю в Киеве, он очень заинтересовался моим "феноменом", потому что писал свою докторскую работу на эту тему.

Куда только он ни возил меня, с кем только ни знакомил меня. Со мной проводили тесты, спрашивали, как это у меня происходит, просили вести дневник моих предвидений или совпадений, и я вела такие записи.

Мне даже предложили показать меня представителям соответствующих органов. Я слышала, кстати, что сейчас такие люди – все на учете у этих "органов".

Я стала вести по совету нашего психолога дневник таких событий. Некоторые из них до сих пор хранит моя память.

Вот один из них. Я как-то иду по университету, а далеко впереди навстречу мне идет противная преподавательница с немецкой кафедры, которая у нас вела «Германистику». У меня ни с того ни с чего в голове появляется мысль, а что будет, если она упадёт, бросятся ли студенты её поднимать или

...Эта мысль в моём сознании ещё до конца не оформилась, как она падает на ровном месте, на паркете, и меня начинает совесть мучить, что виной этого падения – я.

Другой, тоже наглядный пример этому. Когда после окончания университета я работала в селе Приятное, то жила в комнате в общежитии, где все удобства и вода, в том числе, в виде колодца, находились во дворе.

Как-то пытаюсь достать ведром воду из колодца, и тут мысль – будет кто-нибудь из школьных преподавателей идти и скажет: "Воду набрать из колодца – это Вам, Ольга Григорьевна, не английский с французским преподавать!"

Я чуть ни вскрикиваю, когда тут же слышу именно таким образом сказанные слова учительницей по биологии, которая проходила мимо общежития. Только она добавила ещё слова, которых не было в моей голове: "Здравствуйте, Ольга Григорьевна!"

Где-то весной, уже ближе к маю, там же, в селе .Приютное, я утром выхожу из своей комнаты и закрываю её на замок. Пока я возилась с замком, почему-то в моей памяти возникли не только картинки из далёкого детства, но даже запахи.

Я вспомнила, как я любила, когда наша бабушка готовила «хворост» в кипящем масле. Я так живо представила этот горячий «хворост» у себя во рту, что мне на какой-то момент даже показалось, что я чувствую запах этого « хвороста», который я не ела к тому времени лет 10.

В тот день заканчивается у меня два или три урока, я на-

хожусь во время перемены у себя в классе. Слышу стук в классную дверь, а потом появляется в дверях мама одной из моих хороших учениц.

Я удивилась её приходу. Обычно приходят в школу по вызову учителей родители учеников, которые плохо учатся.

Я с удивлением спросила её, что случилось, потому что у её дочери всё отлично в учебе, а она в ответ подходит ко мне, что-то достаёт из своей сумки, разворачивает... и вкусный запах из детства кружит мою голову. Она достала «хворост», который был ещё горячим.

Я чуть было не сказала ей, что сегодня утром как раз думала о «хворосте». Если бы я тогда произнесла те слова, она бы мне просто не поверила, и была бы права.

Мама ученицы пояснила мне, что её дочка очень меня любит и любит мой предмет, и вчера вечером просила, чтобы она испекла побольше «хвороста», чтобы принести в школу и угостить Ольгу Григорьевну. Но дети весь «хворост» съели, и ей пришлось сегодня утром специально для меня печь его снова.

Такой случай в моей жизни никак нельзя забыть, сколько бы лет ни прошло.

Но это всё были мелочи.

Преподаватель по психологии предложил мне с потерей 2-х курсов перейти учиться на факультет психологии, который должен был открыться в сентябре.

Психолог пророчил мне большое будущее, известность,

участие во всех международных конференциях, учитывая моё знание 2-х языков.

Дело дошло до того, что он, преподаватель с кафедры психологии, ходатайствовал перед Ректором университета, чтобы мне разрешили одновременно учиться на 2-х факультетах.

Я согласилась, но... в тот год 25 июня у меня в Сочи умерла мама, и всё потеряло смысл – и жизнь, и учеба, и планы на будущее, и само будущее. Я ничего не хотела в жизни менять, я осталась на факультете РГФ, но с психологом тесно поддерживала отношения и часто рассказывала ему о своих новых случаях предвидения. Он мне как-то сказал, что этот дар может когда-нибудь спасти мне жизнь.

Как он был прав! Через 14 лет оправдались его слова. Моё предвидение, действительно, спасло жизнь мне, моей дочери и подруге Люсе из Новосибирска.

Эта невероятная история, связанная с Юрой и с Киевом, стала первым звеном в моей судьбоносной цепочке, где последующее звено-событие логически вытекало из предыдущего события.

Казалось бы, что эта история касалась лишь меня одну, ну, ещё Наташи, которая встретила в Киеве свою первую любовь. Однако это событие положительным образом отразилось на всей нашей группе. Какая может быть связь между моей бредовой поездкой в Киев и летними каникулами нашей группы, которые вместо одного месяца увеличились до

2-х месяцев? А очень прямая связь! И звеном-посредником в этой цепи оказалась я.

После описанных событий я довольно часто стала общаться с нашим психологом, так часто, что мы стали почти друзьями. Как-то раз он встретил меня в коридоре университета и попросил зайти к нему на кафедру психологии после занятий.

Когда я пришла на кафедру, он рассказал мне, что ему для написания диссертации нужен перевод с английского на русский язык нескольких глав из английской книги по психологии. Он спросил меня, могут ли ребята из моей группы сделать такой перевод за месяц. Я ему обещала поговорить со своими ребятами и уговорить их сделать для него такую работу, если они не будут соглашаться. К счастью, моя группа согласилась помочь ему, и мы отлично справились с этим заданием.

Мы за 2 недели выполнили свою работу, и психолог собирался заплатить нам за наш труд, но никак не решался завести со мной разговор на эту тему. Мне пришла тогда в голову замечательная идея. Вряд ли кому-нибудь ещё могла прийти в голову идея лучше.

У нас в том году летом, сразу после окончания летней сессии, должна была состояться практика в течение месяца в качестве переводчиков в каком-нибудь отделе на заводе или в научно-исследовательском институте.

Я поговорила со своими ребятами в группе и предложила

свою идею – попросить психолога об одной услуге, когда он придёт к нам забирать перевод статей из английской книги.

Я предложила, чтобы наш преподаватель по психологии отблагодарил нас другим, необычным путём. Я предложила психологу поговорить с деканом нашего факультета, чтобы переводческую работу, которую мы сделали для него, засчитали нам за летнюю практику, тогда бы наши летние каникулы были продолжительностью в 2 месяца.

Мы так и сделали. Психолог очень обрадовался такому повороту событий и, в свою очередь, провёл успешные переговоры с деканом. Все участники этой успешной "сделки" остались довольны.

Это стало 2-м звеном в моей жизненной цепочке.

ГЛАВА 14. МОЙ ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД В ЛЕНИНГРАД

Я уже писала о том, что в июне того года умерла моя мама. Я улетела в Сочи, из-за этого мне пришлось перенести последний экзамен по «германистике» на осень.

На похороны мамы прилетели в Сочи из Рязани родственники мамы – дядя Вася и тётя Оля Кулаковы. Они пригласили меня приехать к ним в Рязань через какое-то время после похорон. Конец июня и весь июль я провела дома, а потом решила поехать в Рязань к родным, у которых я никогда не была в гостях с тех пор, как они лет за 6 или 7 до этого уехали навсегда из станицы Вознесенской.

По дороге в Рязань я заехала к семье своего двоюродного дяди Серёжи Новичкова, у которых потом в будущем я не раз буду останавливаться в Москве. После Рязани и Москвы оставалось ещё 2 недели до начала занятий 1-го сентября уже на 3-м курсе, и я решила осуществить свою заветную мечту – побывать в Ленинграде.

Чуть ли ни на 2-й день после моего приезда в Ленинград я познакомилась с Володей З. Наше знакомство состоялось прямо на Аничковом мосту. Я остановилась на несколько минут, чтобы лучше рассмотреть и запомнить прекрасный вид на реку Фонтанку и на ряд домов, вернее, дворцов (такие величественные здания язык не поворачивается назвать простым словом "дома") по обеим сторонам набережной Фонтанки.

Владимир оказался коренным жителем Ленинграда и весёлым, общительным молодым человеком, на год или 2 старше меня. Он учился на юридическом факультете в ЛГУ им. Жданова. Если бы ни он и его друзья, вряд ли я так хорошо, с первого раза, узнала Ленинград и посмотрела почти все самые интересные и значимые достопримечательности одного из самых красивейших городов на планете.

Так уж случилось, что Володя влюбился в меня за эти 2 недели нашего каждодневного общения, а для меня он стал всего лишь хорошим другом, не больше.

Я часто была у него в гостях – в комнате в небольшой коммунальной квартире на Суворовском проспекте, в 8-10 ми-

нутах ходьбы от Невского проспекта. Я познакомилась с его старшей родной сестрой, с его друзьями и с соседкой Верой, которая в моём будущем ещё сыграет свою важную роль через несколько лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.